

2025

Том 16. № 1

2025. Vol. 16. No. 1

DOI: [10.19181/vis.2025.16.1](https://doi.org/10.19181/vis.2025.16.1)

ISSN 2221-1616 (online)

ВЕСТНИК *Института*
СОЦИОЛОГИИ

VESTNIK INSTITUTA SOTZIOLOGII

С Е Т Е В О Й
Ж У Р Н А Л

www.vestnik-isras.ru

Тема номера:

**Метаморфозы этнической
и региональной идентичности**

/ Этничность и региональность

/ Транспортное поведение россиян

/ Проблемы малых городов

/ Размышления над прочитанным

Вестник Института социологии Vestnik instituta sotziologii 1'2025

Рецензируемый сетевой научный журнал
Издается с 2010 г.
Выходит 4 раза в год

2025. Том 16. № 1

DOI: 10.19181/vis.2025.16.1

Учредитель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

Издатель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

Главный редактор: М. К. Горшков

Заместители главного редактора: П. М. Козырева, О. В. Аксенова

Ответственный секретарь: К. В. Подъячев

Журнал включен в Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science.
Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Журнал открытого доступа.

Доступ к контенту журнала бесплатный. Плата за публикацию с авторов не взимается.

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе на официальном сайте журнала с момента публикации: <https://www.vestnik-isras.ru>

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77 - 73108:

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Год регистрации: 2018 г.

© Вестник Института социологии, 2025

© Vestnik instituta sotziologii, 2025

Состав Редколлегии

Главный редактор

ГОРШКОВ Михаил Константинович – академик РАН,
Научный руководитель ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: director@isras.ru

Заместители главного редактора

КОЗЫРЕВА Полина Михайловна – доктор социологических наук, первый заместитель директора Института социологии ФНИСЦ РАН, начальник Управления координации Программы развития ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: pkozyreva@isras.ru

АКСЕНОВА Ольга Владимировна – доктор социологических наук, руководитель Центра изучения регионов России Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: illaio@yandex.ru

Ответственный секретарь

ПОДЪЯЧЕВ Кирилл Викторович – кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН; доцент социологического факультета ГАУГН (Москва, Россия)

E-mail: vestnik@isras.ru

Члены редколлегии

БАДАРАЕВ Дамдин Доржиевич – доктор социологических наук, доцент, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Россия)

E-mail: damdin80@mail.ru

БАТАНИНА Ирина Александровна – доктор политических наук, профессор, директор Института гуманитарных и социальных наук Тульского государственного университета (Тула, Россия)

E-mail: batanina@mail.ru

ДУКА Александр Владимирович – кандидат политических наук, заведующий сектором Социологического института – филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: a_duka@mail.ru

ЗАБОРОВА Елена Николаевна – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург, Россия)

E-mail: ezaborova@yandex.ru

КИВИНЕН Маркку – профессор, директор по исследованиям Алексантери института Университета Хельсинки (Хельсинки, Финляндия)

E-mail: Markku.kivinen@helsinki.fi

КУЧЕНКОВА Анна Владимировна – кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра методологии социологических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: a.v.kuchenkova@gmail.com

МИХАЙЛЕНКО Олег Михайлович – доктор политических наук, профессор, руководитель Отдела исследований социально-политических отношений Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: m-oleg-m@yandex.ru

ПАТЕЛЬ Сажата – профессор социологии, научный сотрудник Индийского института перспективных исследований (Шимла, Индия)

E-mail: patel.sujata09@gmail.com

ПАТРУШЕВ Сергей Викторович – кандидат исторических наук, доцент, руководитель Отдела сравнительных политических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: servpatrushev@gmail.com

ПОКРОВСКИЙ Никита Евгеньевич – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

E-mail: nikita1951@yahoo.com

ПРОКАЗИНА Наталья Васильевна – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социологии и социальных технологий Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС (Орел, Россия)

E-mail: nvprokazina@mail.ru

ЦЭЦЭНБИЛЭГ Цэвээний – Ph.D., ассоциативный профессор, главный научный сотрудник Отдела социологии Института философии АН Монголии (Улан-Батор, Монголия)

E-mail: tsetsenbilegts@gmail.com

ЧОЙ Ву Ик – профессор Института российских исследований Университета иностранных языков Ханкук (Сеул, Республика Корея)

E-mail: wooikchoi@yahoo.co.kr

Editorial Board

Editor in Chief

Mikhail K. GORSHKOV, Academician, Academic Coordinator of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: director@isras.ru

Deputy Chief Editors

Polina M. KOZYREVA, Doctor of Sociological Sciences, First Deputy Director of the Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: pkozyreva@isras.ru

Olga V. AKSENOVA, Doctor of Sociological Sciences, Head of the Center for the Study of Russian Regions of the Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: illai@yandex.ru

Executive secretary

Kirill V. PODYACHEV, Candidate of Political Sciences, Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: vestnik@isras.ru

Members of the Editorial Board

Damdin D. BADARAEV, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Senior researcher of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of SB RAS (Ulan-Ude, Russia)

E-mail: damdin80@mail.ru

Irina A. BATANINA, Doctor of Political Sciences, Professor, Director of the Institute of Humanitarian and Social Sciences, Tula State University (Tula, Russia)

E-mail: batanina@mail.ru

Wooik CHOI, Professor, The Institute of Russian Studies, Hankuk University of Foreign Studies (Seoul, Republic of Korea)

E-mail: wooikchoi@yahoo.co.kr

Aleksander V. DUKA, Candidate of Political Sciences, Head of the Department of the Sociological Institute – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia)

E-mail: a_duka@mail.ru

Markku KIVINEN, Professor of Sociology, Research Director of the Aleksanteri Institute of the University of Helsinki (Helsinki, Finland)

E-mail: Markku.kivinen@helsinki.fi

Anna V. KUCHENKOVA, Candidate of Sociological Science, Senior Researcher, Center for Sociological Research Methodology, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: a.v.kuchenkova@gmail.com

Oleg M. MIKHAILENOK, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department for Research of Social and Political Relations of the Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: m-oleg-m@yandex.ru

Sergei V. PATRUSHEV, Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Comparative Political Researches of the Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: servpatrushev@gmail.com

Nikita E. POKROVSKY, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of General Sociology of the Faculty of Social Sciences, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow, Russia)

E-mail: nikita1951@yahoo.com

Natalya V. PROKAZINA, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Russian Academy of National Economy and Public Administration Under the President of the Russian Federation, Altai Branch, Central Russian Institute of Management (Barnaul, Russia)

E-mail: nvprokazina@mail.ru

Sujata PATEL, Professor of Sociology, National Fellow at the Indian Institute of Advanced Studies (Shimla, India)

E-mail: patel.sujata09@gmail.com

Tseveen TSETSENBILEG, Ph.D., Associate Professor, Principal Researcher of the Department of Sociology of the Institute of Philosophy of the Academy of Sciences of Mongolia (Ulaanbaatar, Mongolia)

E-mail: tsetsenbilegts@gmail.com

Elena N. ZABOROVA, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Applied Sociology, Ural State University of Economics (Ekaterinburg, Russia)

E-mail: ezaborova@yandex.ru

Содержание

EDN: [CSABLD](#)

О Выпуске	8
<i>Аксенова О. В.</i> Стабильность и перемены: риск нарушения баланса	8
Тема номера:	
Метаморфозы этнической и региональной идентичности	13
<i>Арутюнова Е. М.</i> Этничность и региональность в Республике Саха (Якутия): значимость и содержание идентичностей в условиях внешнего давления	13
<i>Воронина Н. С.</i> Этноцентризм в России: динамика, специфика и факторы влияния	30
<i>Максимова С. Г., Омельченко Д. А.</i> Миграционное поведение населения внутриконтинентальных горных районов Евразии в условиях изменения климата	50
Социология управления.....	74
<i>Заборова Е. Н.</i> Рейтинг актуальных проблем малых городов Свердловской области	74
<i>Германов И. А., Кузнецов А. Е.</i> Доверие как фактор корпоративной солидарности на промышленных предприятиях России	90
Автомобиль и россияне: особенности транспортного поведения....	113
<i>Кулакова Т. В., Моисеева М. А., Решетова Е. М., Шулика Ю. Е.</i> Жизненный цикл домохозяйств и поколенческие различия как факторы владения личным автомобилем	113
<i>Макаревич С. К.</i> Транспортное поведение жителей России: можно ли преодолеть «культ автомобильности»	137
Социальная психология.....	163
<i>Ткач С., Русакова М. М., Санадзе Я. Д.</i> Влияние офлайн и онлайн-практик на подростковое одиночество	163
<i>Назарова И. Б.</i> Развлечения как способ противодействия стрессу в условиях социальной турбулентности	180
Размышляя над прочитанным.....	200
<i>Насибуллин Р. Т.</i> Прекариат в лабиринтах вызовов.....	200
<i>Левченко Н. В., Роговая А. В.</i> Путеводитель молодого социолога.....	209

Contents

About the Issue	8
<i>Aksenova O. V.</i> Stability and change: the risk of imbalance	8
Theme of the issue:	
Metamorphoses of ethnic and regional identity	13
<i>Arutyunova E. M.</i> Ethnicity and regionality in the Republic of Sakha (Yakutia): the significance and content of identities under external pressure	13
<i>Voronina N. S.</i> Ethnocentrism in Russia: dynamics, specificity, and influencing factors.....	30
<i>Maximova S. G., Omelchenko D. A.</i> Migration behaviour of the population of the inland mountainous regions of Eurasia in the context of climate change	50
Sociology of management	74
<i>Zaborova E. N.</i> Rating of current problems of small towns of the Sverdlovsk region	74
<i>Germanov I. A., Kuznetsov A. E.</i> Trust as a factor of corporate solidarity in industrial enterprises of Russia	90
Car and Russians: peculiarities of transport behavior.....	113
<i>Kulakova T. V., Moiseeva M. A., Reshetova E. M., Shulika Yu. E.</i> Household life cycle and generational differences as factors in personal automobile ownership	113
<i>Makarevich S. K.</i> Transport behaviour of Russian residents: is it possible to overcome the "cult of the automobile"	137
Social psychology	163
<i>Tkach S., Rusakova M. M., Sanadze Ya. D.</i> The impact of offline and online practices on teenage loneliness	163
<i>Nazarova I. B.</i> Entertainment as a way to counteract stress in the context of social turbulence	180
Reflecting on the readings.....	200
<i>Nasibullin R. T.</i> Precariat in the labyrinths of challenges.....	200
<i>Levchenko N. V., Rogovaya A. V.</i> A young sociologist's guide.....	209

О ВЫПУСКЕ

DOI: 10.19181/vis.2025.16.1.1

EDN: DJFJVF

Стабильность и перемены: риск нарушения баланса

Ссылка для цитирования: Аксенова О. В. Стабильность и перемены: риск нарушения баланса. 2025. Том 16. № 1. С. 8–12. DOI: 10.19181/vis.2025.16.1.1; EDN: DJFJVF.

For citation: Aksenova O. V. About the Issue. Stability and change: the risk of imbalance. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 1. P. 8–12. DOI: 10.19181/vis.2025.16.1.1; EDN: DJFJVF.

Статьи, представленные в данном выпуске, демонстрируют срез текущего состояния российского общества. Его устойчивость в условиях раскалывающегося глобального мира и непрекращающегося давления извне на российское государство зависит от исправного функционирования целого ряда внутренних механизмов, детерминирующих в том числе этническую и региональную идентичность, формирование солидарностей, центр-периферийные взаимодействия, ценностные ориентации и эмоциональные реакции и т. п.

Обширное и разнообразное российское пространство всегда делало крайне сложными взаимодействия между центром и периферией. Жесткость централизации при ближайшем рассмотрении оказывалась видимостью из-за невозможности принимать все решения в центре при растянутых коммуникациях и уникальности региональных и локальных ситуаций. По этой причине региональная и этническая идентичности, которые только в некоторых случаях совпадают, являются едва ли не ключевыми детерминантами стабильности социума в субъектах Российской Федерации.

Им посвящена главная рубрика выпуска [«Метаморфозы этнической и региональной идентичности»](#). Открывает ее статья [Е. М. Арутюновой \(Москва\) «Этничность и региональность в Республике Саха \(Якутия\): значимость и содержание идентичностей в условиях внешнего давления»](#), в которой представлены результаты исследования региональной и локальной идентичности в Республике Саха (Якутия), осуществленного в 2023 г. Сделан вывод об одновременном усилении в последние годы этнической идентичности якутов и проживающих в Якутии русских. Региональная и локальная идентичности также значимы, причем высокий уровень региональной идентичности наблюдается у этнических русских, проживающих в Якутии. Саха (этнические якуты) и русские в большинстве своем считают, что все граждане России должны иметь равные права, однако две трети саха полагают, что в своей республике они должны иметь больше прав, чем представители других этнических общностей. По мнению автора, эта потенциально дискриминирующая позиция может быть результатом страха потери собственной идентичности. В то же время саха и русские

совпадают в ориентации на увеличение самостоятельности народов республик, что, с одной стороны, важно для упрочения сообщества, но с другой может быть опасным в ситуации влияния враждебных России внешних сил.

В статье [Н. С. Ворониной](#) (Москва) [«Этноцентризм в России: динамика, специфика и факторы влияния»](#) анализируются динамика и структура этноцентризма русских в период 1995–1999 и 2023 гг., а также факторы, влияющие на выраженность его установок. В статье показано, что положительное отношение русских к своей этнической группе даже при его усилении, отмечающемся в 2023 г., не мешает положительным установкам к другим народам (которые в тексте условно обозначены как «нацменьшинства»). Всплеск негативного отношения к национальным меньшинствам характерен для 1999 г., когда соединился целый ряд факторов: война в Чечне, теракты (взрывы жилых домов), высокий уровень уличной преступности и т. п. Положительные установки обусловлены частотой взаимодействия между представителями разных этнических групп, высокой оценкой собственного дохода, высоким уровнем образования и т. п. Важным является вывод автора о связи установок этноцентризма с социальными неравенствами. Их сглаживание увеличивает этноцентрическую гибкость.

В работе [С. Г. Максимовой](#) и [Д. А. Омельченко](#) (Барнаул) [«Миграционное поведение населения внутриконтинентальных горных районов Евразии в условиях изменения климата»](#) рассматривается влияние на миграционные процессы изменений климата, фактора, который еще не проявил себя в полную силу, но уже фиксируется как фактор, меняющий культуру и быт проживающих в горах коренных народов и других этнических групп, и как основание для миграции из мест традиционного проживания. Не только межстрановая, но и межрегиональная миграция является мощным фактором, влияющим на идентичности населения и в ряде случаев создающим угрозу для социальной стабильности. Республика Алтай и Республика Тыва уже сейчас могут рассматриваться как показательный пример влияния климатических изменений, поскольку горные экосистемы наиболее чувствительны к ним, а также по причине самобытности культуры проживающих в горах народов. Неопределенность условий хозяйствования, характерная для высокогорья в связи с климатическими изменениями ощутимо усиливается. Авторы показывают, что данные изменения усугубляют существующие социальные проблемы, но сами по себе не являются достаточными основаниями для миграции, более того, для алтайцев эти изменения воспринимаются как часть их традиционного образа жизни, адаптированного к непредсказуемости гор.

Традиционная для нашего журнала рубрика [«Социология управления»](#) содержит две статьи уральских социологов, отражающих отраслевое и пространственное измерения социальных проблем.

Статья [Е. Н. Заборовской](#) (Екатеринбург) [«Рейтинг актуальных проблем малых городов Свердловской области»](#) посвящена теме малых городов, которая стала особо актуальной в связи с их ускоряющейся депопуляцией. Автор считает необходимым определить рейтинг проблем и найти таким

образом основные болевые точки, требующие наибольшего внимания со стороны государственного управления. Работа основана на анализе статистических отчетов об обращениях граждан на официальных сайтах администраций малых городов Свердловской области. Обнаружена устойчивость рейтинга проблем, в котором первые строчки занимают проблемы образования и ЖКХ, однако сами проблемы, как можно судить по полученным автором данным, при этом продолжают обостряться. По мнению автора, рейтинг актуальных проблем необходим для выстраивания стратегии их решения, и, соответственно, для успешного развития городов региона.

Статья [И. А. Германова и А. Е. Кузнецова \(Пермь\) «Доверие как фактор корпоративной солидарности на промышленных предприятиях России»](#) посвящена изучению корпоративной солидарности на российских промышленных предприятиях и влияния организационного доверия на процессы ее формирования. Одной из задач авторов была ресоциологизация концепта «доверие» с учетом статусных и темпоральных аспектов трудовых отношений. Исследования проводились на предприятиях Пермского края и Самарской области. Выявлено формирование модели корпоративной солидарности, основанное в числе прочего на организационном доверии, уровень которого оказался достаточно высоким. Значимым представляется вывод о взаимной компенсации вертикального и горизонтального доверия, когда доверие вертикальное растет при дефиците горизонтального и наоборот.

Рубрика [«Автомобиль и россияне: особенности транспортного поведения»](#) была введена по причине актуализации в последние годы дискуссии о необходимости личной автомашины. Тема не новая, экологическое движение поднимало ее и в конце прошлого столетия, но с появлением электрического двигателя споры вспыхнули вновь.

В статье [Т. В. Кулаковой, М. А. Моисеевой, Е. М. Решетовой и Ю. Е. Шулика \(Москва\) «Жизненный цикл домохозяйств и поколенческие различия как факторы владения личным автомобилем»](#) представлены результаты лонгитюдного исследования межпоколенческих различий во владении автомобилем. Наблюдения позволили увидеть динамику изменения доли домохозяйств, имеющих в распоряжении автомобиль в разных поколениях и на разных этапах жизненного цикла, а также в зависимости от места проживания. Для России достаточно неожиданной является обнаруженная авторами тенденция к отказу от личного автомобиля среди молодых людей. На ее формирование влияет качество и доступность муниципального транспорта в городах, а также практика каршеринга. В сельской местности уровень владения частным автотранспортом существенно повысился и в настоящее время превышает городской. Как утверждают авторы, проведенный анализ может способствовать созданию гибких стратегий для автомобильной промышленности и смежных секторов.

Статья [С. К. Макаревич \(Москва\) «Транспортное поведение жителей России: можно ли преодолеть “культ автомобильности”»](#) посвящена схожей теме, но автор рассматривает ее с несколько иного ракурса – с использованием структурно-функционального подхода и акторно-сетевой теории

(АСТ) Б. Латура. Автор ищет ответы на вопросы: какие функционально-символические компоненты заложены в установку на владение личным транспортным средством и каковы факторы приверженности россиян владению автомобилем? Возможен ли в настоящее время в России переход от «культы автомобильности» к иным формам транспортного поведения? Автором выявлена высокая субъектность (согласно теории АСТ) автомобиля в российских условиях. Показано, что социально-демографические характеристики индивидов лишь в незначительной степени влияют на приверженность автомобилю, а истинные основания невозможности отказа от него содержатся в социальной установке на владение автомобилем, которая складывается из функционала автомобиля и его смысловых образов. Автор приходит к выводу о невозможности преодоления «культы автомобильности» в России в настоящее время.

Рубрика [«Социальная психология»](#) представлена двумя междисциплинарными работами. Рассматриваемые в них социально-психологические феномены позволяют понять причины и механизмы развертывания некоторых социальных процессов. В статьях анализируются разные аспекты эмоционального благополучия россиян.

В работе [С. Ткача, М. М. Русаковой и Я. Д. Санадзе](#) (Санкт-Петербург) [«Влияние офлайн и онлайн-практик на подростковое одиночество»](#) исследуются одиночество подростков, а также феномен одиночества в толпе. Авторы приходят к ряду довольно неожиданных выводов. Так, ими установлено, что известный феномен одиночества в толпе слабо распространен среди российских подростков. Снижает чувство одиночества пассивное потребление онлайн-контента и поиск знакомств. Более одиноким делает подростка чтение, активные онлайн-практики (например, ведение блога, творческая деятельность) и в целом творческие хобби (рисование, написание художественных текстов и т. д.). По мнению авторов, это явное снижение благополучия подростка заслуживает отдельного исследования, поскольку, как показывают современные работы, такие хобби должны, наоборот, ослаблять чувство одиночества. Анализ офлайн-практик дает ожидаемые результаты: пассивные практики (досуг наедине с собой) усиливают одиночество, активные, например, посещение кружков или секций, его ослабляют.

В статье [И. Б. Назаровой](#) (Москва) [«Развлечения как способ противодействия стрессу в условиях социальной турбулентности»](#) анализируется структура развлечений современного россиянина и роль развлечений в период плохого настроения. Исследование основано на анализе данных из двух источников: базы данных Росстата 2022 г. «Комплексное наблюдение условий жизни населения (КОУЖ)» и авторского качественного исследования (32 глубинных интервью). Выявлены две основные стратегии во время стресса: развлечения (для большинства) и отказ от них. При этом люди во время стресса не прибегают к развлекательным мероприятиям, требующим расходов, но выбирают простые развлечения, которые придумали себе сами. Наиболее важные и часто упоминаемые развлечения – коммуникационные: общение с близкими (совместные занятия спортом, прогулки, просмотр телефильмов и т. д.). Им противопоставля-

ются занятия, позволяющие уединиться (рисовать, читать книгу). Люди сочетают различные виды развлечений или выбирают одно из нескольких, что больше подходит им в определенный момент.

Номер завершает рубрика [«Размышляя над прочитанным»](#), которая содержит не просто рецензии на научные книги, но рефлексию в связи с ними.

Статья [Р. Т. Насибуллина \(Уфа\) «Прекариат в лабиринтах вызовов»](#) была написана в преддверии 90-летнего юбилея Ж.Т. Тощенко и посвящена его монографии «Жизненный мир работников: устойчивость versus прекарность». В ней анализируется содержание понятий «жизненный мир» и «прекариат». Автор рецензии согласен с тем, что прекаризацию необходимо рассматривать как процесс формирования «класса в себе» на настоящем этапе его существования, занимающего все более значимое место в социальной структуре общества. Одновременно делается вывод, что сегодняшнее состояние трудовых отношений, наряду с другими вызовами, представляет угрозу для стабильности общества в целом.

[Н. В. Левченко](#) и [А. В. Роговая](#) (Москва) в статье [«Путеводитель молодого социолога»](#) размышляют о книге М.Ф. Черныша «Инструмент массового опроса: логика и практика конструирования», послужившей для них поводом к размышлениям о проведении современных массовых социологических опросов и проблемах, с которыми сталкиваются исследователи. Осмысление монографии на основании собственного исследовательского и преподавательского опыта позволило авторам выйти на некоторые обобщения о специфике современных особенностей методологической, методической и организационной (процедурной) частей исследования, а также сложности их взаимосвязи.

Все представленные в теме номера и других его рубриках статьи позволяют сделать вывод об относительной устойчивости российского социума. Эта устойчивость обнаруживается в самых разных его измерениях, от этнического до эмоционально-психологического. В то же время выявляются тенденции, которые могут при определенных условиях нарушить это равновесное, стабильное состояние. Прежде всего это касается этнической и региональной идентичности, в которой внешнее влияние наиболее ощутимо, а уязвимость высока. Для большинства россиян любовь к своему народу не связана с негативным отношением к другим, но такое может быть спровоцировано стечением обстоятельств как в 1999 г. Более того, установлено, что оно связано с социальными неравенствами, с оценкой своего дохода и с уровнем образования. Позитивное стремление сохранить свою культуру может, опять же при определенном сочетании рисков, привести к распространению дискриминирующих установок. Поэтому актуальны поиск болевых точек в территориальном развитии и анализ солидарности и доверия в развивающейся российской промышленности, исследование потребительского поведения и психологического самочувствия. Авторами представленных в выпуске статей намечен ряд направлений исследований и сформулированы гипотезы и идеи, которые, мы надеемся, будут развиты в следующих номерах «Вестника».

ТЕМА НОМЕРА

МЕТАМОРФОЗЫ ЭТНИЧЕСКОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

DOI: 10.19181/vis.2025.16.1.3

EDN: OEXSDX

Этничность и региональность в Республике Саха (Якутия): значимость и содержание идентичностей в условиях внешнего давления

Ссылка для цитирования: Арутюнова Е. М. Этничность и региональность в Республике Саха (Якутия): значимость и содержание идентичностей в условиях внешнего давления // Вестник Института социологии. 2025. Том 16. № 1. С. 13–29. DOI: 10.19181/vis.2025.16.1.3; EDN: OEXSDX.

For citation: Arutyunova E. M. Ethnicity and regionality in the Republic of Sakha (Yakutia): the significance and content of identities under external pressure. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 1. P. 13–29. DOI: 10.19181/vis.2025.16.1.3; EDN: OEXSDX.

Арутюнова Екатерина Михайловна¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

981504@mail.ru

SPIN-код: 7997-7109

Аннотация. В данной статье на материале репрезентативного массового опроса, экспертных и глубинных интервью проанализированы уровни этнической, региональной и локальной идентичностей в Республике Саха (Якутия) в 2023 г. Выявлено, что этническая идентичность саха (этнических якутов) остается стабильно высокой и субъективно значимой, среди русских якутян ее уровень растет, как и в целом среди русских по стране в последние годы. Рассмотрено когнитивное наполнение этнической идентичности, наиболее важной составляющей которой является родной язык – как для саха, так и для русских, а также культура, территория, обычаи. Выявлен рост религии как составляющей этнической идентичности для саха. Для русских якутян существенно значимыми являются также общая государственность и общая история, что связано со схожестью для русских этнической и российской гражданской идентичностей.

Показано, что региональная и локальная идентичности также весьма значимы для якутян и совмещаются для большинства с российской идентичностью. Зафиксирован высокий уровень региональной идентичности у русских якутян, что существенно для региона, в котором долгое время приезжающие на производства считали себя и считались местным сообществом временными жителями, гостями.

Выявлено также, что в вопросе приоритета прав той или иной этнической общности подавляющее большинство жителей республики разделяет открытую и позитивную точку

зрения «все граждане России должны обладать равными правами». Однако, если речь идет непосредственно о «своей» республике, среди саха более трети соглашаются с позицией, что «представители коренной национальности должны иметь больше прав в своей национальной республике, чем представители других национальностей». Такая позиция является, с одной стороны, дискриминирующей и потенциально ведущей к неравенствам, а с другой стороны может быть результатом опасений утраты собственной этнической идентичности.

Также показано, что распространенная в регионе точка зрения, что народам республик было бы хорошо иметь больше самостоятельности, разделяется высокими долями опрошенных как среди саха, так и среди русских якутян, что может быть потенциально значимым для упрочения регионального сообщества. При этом важно не допустить расширения влияния внешних, враждебных России акторов, пытающихся эксплуатировать так называемую антиколониальную, антиимперскую повестку с целью расшатывания целостности нашей страны.

Ключевые слова: Республика Саха (Якутия), этническая идентичность, региональная идентичность, локальная идентичность, якуты, саха, русские

Введение

В Российской Федерации с ее этнокультурной сложностью, наличием этнического большинства, миграционными вызовами и непростым историческим контекстом в отношении вопросов этносоциального ландшафта и этнотерриториального устройства, фокус внимания на соответствующих темах и задачах – насущная необходимость для поддержания согласия в обществе. Многолетние исследования идентичностей социально-культурного поля с акцентом на гражданскую и этническую идентичности и их совместимость, проводимые Институтом социологии ФНИСЦ РАН, показывают, что общероссийская гражданская идентичность разделяется россиянами на массовом уровне уже в течение, как минимум, десятилетия [3, с. 214], ее содержание находится в процессе становления [5], а также непротиворечиво сочетается в сознании большинства граждан с идентичностью этнической [6]. По утверждению В. А. Тишкова, «проживающий в нашей стране народ может с полным основанием считаться многоэтнической гражданской нацией» [8, с. 4]. Это закономерный и необходимый результат процессов формирования российской идентичности обществом и властью, особенно важный, если принять во внимание риски чрезмерной актуализации и политизации этничности в поздние и постсоветские периоды. Этническая идентичность при этом остается одной из самых значимых и стабильных по уровню распространенности идентичностей россиян. Она тесно сплетается с региональной идентичностью, а принятие во внимание их сочетания становится важным и для формирования идентичности гражданской. В данной статье указанная проблематика будет рассмотрена на примере одной из российских республик – Саха (Якутия), где Центром исследования межнациональных отношений Института соци-

ологии ФНИСЦ РАН в сотрудничестве с коллегами из республики на протяжении многих лет проводятся социологические исследования состояния межэтнических отношений и групповых идентичностей.

Наиболее существенным контекстом для социологических исследований самых разных проблем, в том числе и этносоциальной ситуации, в последние два года можно назвать специальную военную операцию, беспрецедентное экономическое и политическое давление на Российскую Федерацию и влияние изменившейся ситуации на разные стороны жизни россиян. Поэтому целью настоящей статьи стало выявить уровни, а также когнитивное и отчасти эмоциональное наполнение этнической и региональной идентичностей в представлениях регионального сообщества Республики Саха (Якутия).

Эмпирическая база исследования

Анализ базируется на материалах, полученных в ходе совместного проекта Центра исследования межнациональных отношений Института социологии ФНИСЦ РАН и ГБУ РС(Я) Национальное агентство «Информационный центр при Главе Республики Саха (Якутия)». Исследование по методикам, рекомендованным Федеральным агентством по делам национальностей (ФАДН), было проведено в июне 2023 г., опрошено 1500 респондентов в 13 муниципальных районах Республики Саха (Якутия), выборка многоступенчатая типологическая квотная. Опрос проводился методом личного формализованного интервью (face-to-face) по месту жительства респондентов. На втором этапе исследования автором было проведено 20 экспертных и глубинных интервью, данные которых использованы для углубления понимания мотивов и ценностей респондентов с фокусом на изучаемой тематике. В отдельных случаях для сравнения использованы данные аналогичных исследований предыдущих лет в республике, преимущественно 2022 г., когда важным контекстом были начало СВО и инерция влияния недавней пандемии COVID-19¹.

Этническая идентичность у якутян, согласно полученным данным, остается одной из самых стабильных идентичностей социокультурного поля, не исключение и результаты в 2023 г. – 90% якутян часто или иногда ощущают общность с людьми своей национальности (61% часто, 29% иногда). Уровень этнической идентичности у респондентов в разных возрастах сходен, но актуализация (ответ «часто ощущаю близость с людьми своей национальности») с возрастом несколько выше.

Для саха (т. е. этнических якутов) значимость этнической идентичности практически не меняется – 92% саха идентифицируют себя по национальности, из них 64% дают ответ «часто» (актуализированная этническая идентичность). Субъективная значимость велика – 96% саха отвечают, что никогда не забывают о своей национальности, а 87% – что ощущать себя частью своей этнической общности современному человеку необходимо.

¹ Результаты этих исследований приведены в [1; 2].

Существенная роль этничности для саха подтверждается и довольно высокой ориентацией на этническую замкнутость – половина опрошенных саха полагают, что межэтнические браки ведут к исчезновению народа (см. табл. 1).

Важно, что для молодежи (18-29 лет в случае нашего исследования), а особенно подростков (по результатам постоянных наблюдений автора в регионе) восприятие этничности меняется. В 1990-е гг., в период суверенизации и активного развития этноориентированного дискурса, значимость этничности в массовом сознании саха существенно росла. В последние несколько лет, хотя уровень этнической идентичности у молодежи стабильно сходен с другими возрастными когортами, респонденты периодически говорят о трансформациях в ощущении этничности у подростков и молодежи, иного, отличного от «поколения суверенизации»¹, понимания этничности:

«Сейчас дети совсем другие, поколение Z – новые. Вот, допустим, у детей своих спрашиваю: «Он русский?» Они не знают. «Не знаю», – говорят. Совсем другие они, поэтому я не имею права вот так им – да, он отличается, а он такой, а он такой, а он такой. Типа заранее не надо. А в наше время, наши дяди, тети, бабушки нам так говорили. Настраивали: «О, русский!». В то время бабушка покойная моя все время так говорила: «Русский!», «вышла замуж за русского», «русский муж у нее». Типа такого, обсуждалось. В магазине там где-то, во дворах. Поэтому у меня понимание осталось, что «русский» – это значит что-то другое, что-то плохое. А сейчас, когда я у своих детей спрашиваю: «Он по-якутски умеет говорить?», «Он якут?» – спрашиваю, либо, – «Он русский?». Они говорят: «Не знаем! А как это? Как это бывает? Как это русский / не русский... Он русский. Я русский, мама», – говорит еще (смеется). Думает, что, если по-русски умеешь говорить, значит, ты русский. Поэтому нет, у поколения Z нет такого» (жен., 36, саха, Якутск).

«У меня у самой немножко есть такое, от чего я хочу избавиться. Видимо, это заложило в наших... из поколения в поколение, может быть. Научила бабушка, родители. Ущемленность, эта жертвенность какая-то. Есть такое, ага. Опять чувствую себя ущемленной, а на самом деле та сторона, как я уже говорила, не это имела ввиду, может быть. И вот непонятки вышли какие-то. Допустим, мы себя назовем второсортными, что в Москве почувствовали, в Питере так. А на самом деле там не так, потому что я разговаривала с москвичкой, мы по 100-летнему плану² ездили, она в РАНХиГС была, и вот между разговором как

¹ Под «поколением суверенизации» автор статьи подразумевает тех якутов, кто вырос в период «парада суверенитетов» в России и в последующие несколько лет, когда в республике происходила существенная активизация этнического самосознания (1990-е – начало 2000-х гг.) (об этом процессе см., например, в [4]).

² Интервьюируемая имеет в виду республиканский проект «Столетний план развития», приуроченный к 100-летию образования Якутской АССР, см., например, здесь: <https://xn--14-9kcqjffxfnf3b.xn--p1ai/news/respublikanskij-proekt-stoletnij-plan-razvitiya-eto-bolshoj-sovmestnyj-razgovor-zhitelej-o-budushhem-yakutii/>

раз озвучилась эта второсортность. Она так удивилась: «Вы себя так считаете и считали?! Нет!» Я после этого сделала вывод себе, что та сторона не так воспринимает, оказывается, по-другому. Тут межнационального такого нет, просто отношение людей. Человек с таким характером» (жен., 34, саха, Якутск).

Еще один существенный момент – уровень и актуализация этнической идентичности у русских якутян. На 1990-е гг. пришелся наиболее масштабный отток русского населения из республики, связанный с переживаемым тогда страной спадом производств, в которых русские (а также украинцы, белорусы, татары и в целом население, но не саха и не представители коренных малочисленных народов) были массово заняты. Как результат, между переписями 1989 г. и 2002 г. доля саха в населении республики выросла с одной трети в 1989 г. до половины в 2010 г. Отток русских (хотя в значительно меньших масштабах) продолжается. Кроме того, эксперты акцентируют теперь как не менее важный отток русскоязычных городских саха в центральные регионы страны. Этническая идентичность русских якутян в 2023 г. зафиксирована исследованием на уровне 89%, из них 61% – с актуализированной этнической идентичностью, что в целом вполне в тренде роста ощущения этнической идентичности русскими в целом по стране. Значимость этнической идентичности для русских якутян подтверждается и дополнительными методиками, так, 89% из них никогда не забывают о своей этнической принадлежности, а 79% полагают, что современному человеку необходимо ощущать себя частью своего этноса. Ориентация на этническую замкнутость среди русских ожидаемо ниже (34%), чем среди саха (50%), что связано с большим ощущением безопасности для своего народа в силу численности. Рост актуализации этнической идентичности среди русских якутян сопряжен с ростом уровня гражданской идентичности в этой подвыборке – русская этническая и российская гражданская идентичности для русских связаны и малоразделимы на уровне представлений, и это тоже общероссийский тренд, фиксируемый исследованиями ФНИСЦ РАН.

Таблица 1 (Table 1)

Субъективная значимость этнической идентичности и этническая солидарность
(в каждой ячейке сумма ответов «Полностью согласен» и «Скорее согласен»
по каждой категории), 2023 г., %

*Subjective importance of ethnic identity and ethnic solidarity
(in each cell the sum of “Strongly agree” and “Rather agree” answers for each category),
2023, %*

С какими из нижеперечисленных мнений Вы бы согласились, а с какими, наоборот, не согласились?	Все жители РС(Я)	Саха	Русские	Другие
Я никогда не забываю о своей национальности	92	96	89	84
Современному человеку необходимо ощущать себя частью своей национальности	84	87	79	82
Межнациональные браки ведут к исчезновению народа	42	50	34	30

Иерархия факторов этнической идентичности год от года существенно не меняется – важнее всего для идентификации себя по национальности родной язык (77% якутян), свыше 50% также отвечают, что в этническом контексте для них важны культура (66%), родная земля (64%), а также обычаи и обряды (55%) (табл. 2).

Для подавляющей доли саха (82%) в случае ощущения общности с людьми своего этноса значим родной язык. В целом в период суверенизации именно этнические языки, их положение и статусы были ключевыми в символических пространствах национальных движений в 1990-е гг., однако с 2017-2018 гг. языки вновь стали стали сенситивным фактором в этнической идентичности и росте этноориентированных дискурсов в связи с языковыми противоречиями в школьном образовании.

Отметим также неожиданный на фоне прошлых лет исследований результат: более значимой как этнический идентификатор для якутов стала религия – 21% в 2023 г., для сравнения в 2022 г. – 11%, и в целом религиозная тематика – не самая актуальная при анализе этносоциальной сферы в республике. В остальном этническая идентичность у саха стабильна – культура, родная земля и обычаи – максимально значимые идентификаторы после родного языка – 71%, 68% и 61% соответственно (табл. 2).

Для русских якутян соотношение идентификаторов этнической идентичности в целом сходно – максимально значим для ощущения общности по национальности русский язык – 72%, а также культура и территория. Но есть и специфические черты – для русских более значимы, чем для саха, общая государственность (45%) и историческое прошлое (44%), что во многом связано с тем, что содержательные основания русскости и российскости для русских мало отличаются.

Таблица 2 (Table 2)

Идентификаторы этнической идентичности, 2023 г., %
Ethnic identity identifiers, 2023, %

Что из перечисленного больше всего объединяет Вас с людьми Вашей национальности?	Все жители РС(Я)	Саха	Русские	Другие
Язык	77	82	72	64
Культура	66	71	59	61
Родная земля, территория, природа	64	68	61	51
Обычаи, обряды	55	61	47	50
Общая государственность	38	35	45	28
Историческое прошлое	36	33	44	32
Внешний облик	26	27	27	23
Религия	26	21	32	34
Ничего не объединяет	2	1	3	4

Отвечая на вопрос о том, что сейчас больше всего необходимо людям той же национальности, в 2023 г. респонденты чаще всего называли сохранение и развитие национальной культуры народа – 61%, сходен и уровень запроса на поддержку родного языка – 56% (см. табл. 3). Такие представления о необходимом для развития своей этнической общности относительно стабильны, и только в 2022 г., в силу влияния социально-политического контекста, самым важным, причем одинаково у саха и русских, был запрос на развитие экономики и предпринимательства. Он стал ответом на вызовы в экономике, максимально актуальные в 2022 г. в связи с необходимостью преодоления трудностей, вызванных иностранными санкциями. Когда неопределенность в экономике снизилась, этнокультурные потребности при фокусировании внимания на потребностях народа снова актуализируются.

Таблица 3 (Table 3)

Представления об ключевых потребностях своего народа, 2023 г., %

Perceptions of key needs of their people, 2023, %

Что из перечисленного больше всего сегодня необходимо людям Вашей национальности?	Все жители РС(Я)	Саха	Русские	Другие
Сохранение и развитие национальной культуры Вашего народа	61	71	47	56
Поддержка языка	56	69	39	50
Развитие экономики, предпринимательства	49	46	56	41
Укрепление самостоятельности РС(Я)	39	44	35	23
Наведение порядка, борьба с коррупцией	37	34	44	28
Поддержка религии Вашего народа	32	31	31	42
Приобщение населения к сельскому хозяйству	29	33	24	23
Преодоление социального неравенства	29	23	36	33
Приобщение населения к промышленным видам труда	24	26	25	17

Запрос на сохранение и развитие культуры народа ожидаемо выше у саха (71%), чем у русских якутян (47%), сходно и распределение мнений относительно поддержки родного языка. В поколенческом разрезе запрос на сохранение и развитие этнической культуры среди саха чаще встречается у старшей (51 и старше) возрастной когорты, хотя различия не велики. У русских тенденция та же.

Обратим внимание на рост потребности в поддержке религии своего народа – среди саха и русских якутян так отвечают по 31% (для примера в 2022 г. 18 и 13%), среди якутян других национальностей – 42% (было 13%). Такой заметный рост, вероятнее всего, связан с тем, что в массовом сознании религиозность в большей степени стала восприниматься как компонент этничности.

Однако сосредоточенности только на этнокультурных потребностях не выявлено – экономические и социальные сферы также находят поддержку как необходимые своему народу в региональном сообществе.

Региональная и локальная идентичности якутян

Показатели локальной идентичности, как правило, стабильны – 88% якутян в той или иной мере ощущают общность с жителями того же города / села, что и они сами, из них 56% якутян – часто, еще 32% – иногда. По суммарному уровню изменений не выявлено, но в сравнении с данными 2022 года локальная идентичность стала более выраженной – тогда ответ «часто» давали 49% якутян. У саха и у русских якутян общий уровень и актуализация локальной идентичности практически одинаковы (табл. 4).

Уровень региональной идентичности также высок – 85%, но она в меньшей степени актуализирована, чем локальная. Это ожидаемо, поскольку локальная идентичность проще осознается и формируется – локальное сообщество ближе и понятнее, чем региональное, особенно если учесть, что территория Якутии очень велика, плотность населения небольшая, и в силу исторических и экономических причин в республике еще с советских времен сохранилось выраженное районирование – столица (г. Якутск), промышленные запад и юг, где выше доля русского населения, сельские центр и север, где преобладают саха. В целом по региону уровни региональной идентичности у саха и русских сходны (84 и 87% соответственно), однако отметим также рост региональной идентичности у русских якутян – с 76% в 2022 г. (и это уже высокий уровень значимости) до 87% в 2023 г.

«Это место, где я выросла, где был мой родной дом, где я училась в школе, вот эти школьные годы, это эмоциональная привязка. Эта эмоциональная привязка связана с моим жизненным опытом, то есть моей вот жизнью как бы, с моими эмоциями: твоя первая любовь, первая попытка, первая пятерка, первое поступление там, вуз. Вот это все здесь». (жен., 43, русская, Якутск),

«Абсолютно. Это мой регион, моя малая родина. Я в ней живу и как бы уже до пенсии дожила. Хотелось бы, чтобы она была лучше. Родина. Пенсия – это другой разговор (смеется)» (жен., 56, русская, Якутск),

«Когда я попадаю в какой-то другой город и всегда, когда удивляются как мы вообще тут живем, выживаем, да, я всегда говорю: «Я с Якутии, я якутянка». Я тут родилась, я говорю, что я якутянка больше всего. Потому что республика наша – это такой регион, она как небольшая такая страна. Она как бы отдельно от России как будто бы. То есть тут немножечко такой, свой мир, как бы, и поэтому я, на самом деле, горжусь, что я с Якутии, что я могу кого-то удивить своими рассказами про Якутию, как мы тут живем, выживаем, даже можно сказать, и поэтому вот так вот. Так что я – якутянка» (жен., 46, русская, Якутск),

«У нас менталитет другой, у якутян, и я целиком связываю свое воспитание, конечно, с Якутией, с республикой. И когда я где-то нахожусь, я всецело понимаю, что я ответственен за республику, я сейчас, на сегодняшний момент являюсь ее представителем и всегда защищаю» (муж., 41, русский, Якутск-Новосибирск).

В предыдущие годы исследования было заметно, что по уровню и актуализации региональной и локальной идентичностей максимально сходны между собой саха и русские, живущие в столице, что закономерно – здесь относительно сформировано городское сообщество. В 2023 г. такое сходство сохраняется – и локальную, и республиканскую идентичности и саха, и русские в Якутске демонстрируют на уровне 91-92% и у 53-58% столичных жителей эти идентичности актуализированы (часто ощущают общность с жителями своего города). При этом в последние годы происходит активная внутренняя миграция в Якутск из сельских районов республики (почти полностью населенных саха), в результате чего в структуре населения города доля саха возросла в 2,5 раза в сравнении с 1989 г. [7, с. 20]. Можно предположить, что для новых жителей столицы региона городская локальная идентичность может быть особой ценностью. В то же время опрос зафиксировал, что региональная идентичность у сельских якутов ниже (81%), чем у якутов в Якутске (92%) и в меньшей степени актуализирована. Вероятнее всего, это связано с тем, что локальная идентичность (мой алас, мое село, мой район) часто бывает более значимой, чем региональная, она ближе эмоционально и имеет существенное значение в формировании представлений людей на уровне «село – город».

Таблица 4 (Table 4)

Республиканская и локальная идентичности в зависимости от национальности, 2023 г., %
Republican and local identities depending on nationality, 2023 г., %

Скажите, пожалуйста, насколько часто, иногда или никогда Вы ощущаете общность, близость с...		Все жители РС(Я)	Саха	Русские	Другие
...жителями республики, где я живу	Часто	46	43	51	47
	Иногда	39	41	36	35
	Никогда	9	8	10	14
	З/о	6	7	4	4
...с теми, кто живет в том же городе /селе, что и я	Часто	56	56	57	52
	Иногда	32	34	31	29
	Никогда	6	5	9	16
	З/о	4	5	3	3

Этнополитические ориентации, то есть представления о том, что этнические общности, народы, могут быть субъектами политического процесса, были крайне важными в начале 1990-х. Сейчас проблемы и задачи этнополитики другие, и в комплекс этнополитических представлений мы включаем и представления о приоритете прав по этническому признаку. Такие представления – дискриминирующие по своей сути, но за ними также стоят естественное для любой групповой идентичности противопоставление «мы – они» и потребности в сохранении своей этнической общности в биологическом и культурном смысле, в том числе через повышение статуса своей общности.

Мнение о том, что все граждане России должны обладать равными правами независимо от этнической принадлежности разделяет подавляющее большинство жителей республики (83%), противоположную точку зрения («русские должны иметь больше прав в России») поддерживают 8% среди саха и 12% среди русских якутян (см. табл. 5), то есть мнения сходны.

Таблица 5 (Table 5)

Представления о приоритете прав, 2023, %
Perceptions of priority of rights, 2023, %

Одни люди считают, что русские в России должны иметь больше прав, чем представители других национальностей. Другие считают, что все граждане России должны обладать равными правами независимо от национальности. С какой точкой зрения вы согласны...?	Все жители РС(Я)	Саха	Русские	Другие
С первой	9	8	12	8
Со второй	83	85	81	81
3/0	7	7	7	11

Если рассмотреть другое суждение, где речь идет о республике, то в таком контексте 34% саха полагают, что «представители коренной национальности должны иметь больше прав в своей национальной республике, чем представители других национальностей», 59% саха с такой точкой зрения не согласны – поддерживают открытую позицию, что «и в национальных республиках все граждане должны обладать равными правами вне зависимости от национальности» (см. табл. 6).

Таблица 6 (Table 6)

Представления о приоритете прав, 2023, %
Perceptions of priority rights, 2023, %

Одни люди считают, что представители коренной национальности должны иметь больше прав в своей национальной республике, чем представители других национальностей. Другие считают, что и в национальных республиках все граждане должны обладать равными правами вне зависимости от национальности. С какой точкой зрения вы согласны...?	Все жители РС(Я)	Саха	Русские	Другие
С первой	24	34	11	12
Со второй	69	59	81	77
3/0	7	7	8	11

Доля разделяющих дискриминирующую установку в 2022 г. среди саха была выше (42%) и ее снижение можно объяснить привыканием к общему уровню тревожности и неопределенности сравнении с 2022 г. – неопределенность может провоцировать сплочение по стабильным и понятным идентичностям (к которым относится и этническая) даже в спокойных сообществах с длительной историей совместного проживания. Такое сплоче-

ние по этническому признаку совсем не обязательно будет означать напряженность в реальных межэтнических отношениях, это изменения в установках массового сознания, которые имели бы шанс проявиться, но в гораздо более осложненных обстоятельствах.

Представление о приоритете прав коренного населения могут быть связаны с дискурсами этнических интеллектуальных элит, сформированными в 1990-х гг., но отчасти продолжающими формировать массовое общественное мнение, например:

«Есть такой момент, что эта земля, она считается «земля Олонхо», очень жестко, мне кажется. Это, может быть, было еще в 1990-е, при первом президенте, да, которого здесь культ. ... И как-то это провернули, что все здесь думают, большинство думает, что это земля Олонхо, это земля для якутов и все, кто не якуты – они гостят. Даже если это человек русский, действительно, три-четыре поколения живет. К нему могут очень хорошо относиться, особенно если он якутский знает. ... Но в целом да, да, как ни крути, здесь очень мощно это закрепились, что это земля Олонхо, что это земля для народа саха и... ну святая земля для народа саха, вот так. (интервьюер: И немножко для юкагиров, которые здесь тоже когда-то были)? А это заминается, заминается и говорят, что «эвены, юкагиры, эвенки, нам очень жаль, что мы так поступили. У нас есть комплекс перед вами. Но сейчас это наша земля». Как-то так это идет» (муж., 26, саха, Якутск).

Сам по себе такой дискурс может способствовать большему ощущению безопасности для идентичности и сохранности своего народа, однако стратегически, в долгую, в условиях открытых рынков, миграций и прочих признаков современности может способствовать формированию разделенного регионального сообщества и препятствовать развитию позитивной региональной идентичности, а в свою очередь – российской гражданской идентичности.

«По внешности встречают. По внешности я не местная как бы. Я же русская, а они считают, что это земля Олонхо, они должны здесь быть. Есть такой контингент людей, которые совсем вот... это приезжие из улусов. А городские люди – они обычно к этому поспокойнее относятся» (жен., 46, русская, Якутск),

«Люди так и воспринимают, что это наша территория, и так далее. При этом очень много людей, которые меня постоянно просвещают: «тебе важно это знать, что не зря наши первые политики автономной Якутии попытались выйти к Охотскому морю, да. А Советский Союз специально отрезал, чтобы мы не оторвались, и чтобы мы были без... выхода к морю. С выходом только к Северному морю, которое не судоходное. И что мы были колонией» (муж., 37, саха, Якутск-Москва),

«Они многие считают, что мы ходим по их земле, должны разговаривать по-якутски. Это становится где-то заметно с 2010 года. Из десяти человек один тебе это скажет. Пока еще не так уж и много, но уже появляется» (муж., 32, русский, Мирный).

Такая позиция встречается, но чаще говорят о том, что давно живущие, уже ставшие местными, русские и якутяне других национальностей воспринимаются как свои – по меньшей мере больше свои, чем мигранты:

«Я ощущаю [респондент смешанного происхождения], что это моя земля, и многие так. Даже вот русские, которые здесь родились или другие там национальности. Они тоже считают, что это их земля. То есть, не придет, допустим, якут и не скажет: «А что ты тут ходишь, да?». Типа по нашей земле. Он спокойно может ответить: «Я такой же, ну...», – скажет, – «местный абориген, как и ты, но другой национальности». И к нему вопросов не будет» (муж., 38, Олекминск).

Представления о необходимости расширения самостоятельности народов республик («Было бы лучше, если бы народы республик имели больше самостоятельности») разделяют 87% саха, 70% русских якутян и 73% среди якутян других национальностей, эти показатели стабильны в последние годы (табл. 9). В интерпретации этих результатов неизменно требуется оговорка, что выражение «народы республик» респонденты могут трактовать по-разному – саха – как якутов в силу влияния национальных дискурсов 1990-х и часто употребляемых выражений «титульный народ», «коренной народ», а русские – как народ республики вообще, все региональное сообщество, – отсюда без малого ¾ поддерживающих эту позицию русских якутян.

Обратим внимание, что доли поддерживающих мнение «Необходимо упразднить деление России на республики» составляют 37% у саха, 30% у русских и 28% у якутян других национальностей (см. табл. 7). Среди саха заметен существенный рост этой позиции – если в 2022 г. позицию о необходимости упразднить деление на республики поддерживали 21%, то в 2023 г. – 37%. Предположим, что рост консолидационных настроений на фоне СВО и активного участия в ней якутов приводит к тому, что люди начинают смотреть с других сторон на привычные общественно-политические идеи. Максимальная поддержка этой позиции – у саха в других городах, кроме столицы, а также у русских в Якутске (по 50%). Минимальная поддержка – у русских в других городах республики (21% русских в других городах полагает, что деление страны на республики нужно упразднить), а также у сельских саха (31%).

Таблица 7 (Table 7)

Этнополитические представления (в каждой ячейке сумма ответов «Полностью согласен» и «Скорее согласен» по каждой категории), 2023 г., %
Ethno-political perceptions (in each cell the sum of “Strongly agree” and “Rather agree” answers for each category), 2023, %

С какими из нижеперечисленных мнений Вы бы согласились, а с какими, наоборот, не согласились?	Все жители РС(Я)	Саха	Русские	Другие
Было бы лучше, если бы народы республик имели больше самостоятельности	79	87	70	73
Необходимо упразднить деление России на республики	34	37	30	28

В рамках этнополитических ориентаций дискурс, который мы фиксируем в регионе не первый год, связан с представлениями о том, что «центр выкачивает недра». Пристальное внимание к этому дискурсу необходимо в контексте нарастающей активизации каналов коммуникации и сетевых сообществ (ресурсы которых расположены, как правило, за пределами нашей страны), эксплуатирующих такие настроения, задающих так называемую антиколониальную, антиимперскую повестку с целью подтачивания целостности нашей страны, нагнетающих негативный эмоциональный фон и использующих многообразный язык вражды. Вот как респонденты в нашем исследовании комментируют настроения ущемленности республики со стороны федерального центра:

«Да, мы республика. Но постоянные обиды, что Россия забирает, якобы забирает, деньги от продажи алмазов, да. Никто не знает, так ли это точно, потому что никто никакую статистику не видел. Но то, что время от времени публикуется, что налоги, так далее, все уходит – это незнание, я думаю, потому что, действительно, мало уделяется внимания этим вещам, объяснению. Я буквально на днях прочитала в ЯСИА небольшое интервью президента нашего, Ил Дархана, мы по старой памяти называем «президент», понимаете, это же какое же ощущение значимости было, что у нас свой президент, когда все это опять перешло на понятие «главы» – это ударило по самолюбию, есть такое, все равно. И он как раз отвечал на претензии о том, что он полностью положил республику под Федеральный центр, что все деньги уходят туда. ... Он говорил о том, что все налоги, которые мы получаем, миллиардные, с Алросы, они остаются в республике. А мы договорились, что дивиденды от акций, по-моему, они будут оставаться в компании, чтобы компания могла развиваться. Нам хватает налогов, и мы не должны загонять единственного нашего самого богатого предпринимателя в какие-то узкие рамки. Вот. Эта тема постоянно поднимается, и это тема постоянного ощущения себя падчерицей, да, может быть, в богатом семействе. Это есть в республике. Не знаю, насколько это оправдано, но это ощущение в разговорах, оно присутствует» (жен., 36, саха, Якутск),

«С одной стороны, федеральный центр поднимает самосознание, да, ну, местного населения, то, что вот мы действительно самый крупный, самый важный регион, самый богатый регион, регион-донор, а с другой стороны приходят и отчитывают как хотят. С мостом несколько раз обманули, да, тоже запомнилось. ... Особенно с развитием социальных сетей, да, всякие эти блогеры, они постоянно начинают подогреть вот этот вот, может быть, интерес, ну, провоцировать, может быть, в какой-то степени население. Население вспоминает действительно, «а действительно было же такое, что приезжал там барин, а мы снова как крепостные здесь вынуждены кланяться, хотя президент говорит то, что мы там самый большой субъект, самый важный субъект, надо поддерживать их» и так далее» (муж., 48, саха, Якутск),

«Ну народ считает, что нас, грубо говоря, обворовывают чиновники федерального уровня. Все деньги уходят в Москву. Прямо так и говорят. (Интервьюер: Когда так говорят, то что предлагают делать?) Предлагают... Особо ничего такого, наверно, деятельного не предлагают» (муж., 35, саха, Олекминск).

Есть мнения и о том, что такие настроения уже далеко не настолько актуальны, как прежде: *«Нет, это уже переболевшее. Другое поколение, может быть, в 1990-е которые ходили, да, там. Даже сейчас, 27-ого сентября потихоньку отмирает, эта декларация Независимости. Потом, я думаю, что это все-таки, референдум по Конституции, он еще раз в мозг гвоздь вбил, что мы в государстве живем в конце концов в российском, да, и паспорт у нас россиянина. А не... в 1990-е же было, «граждане республики», «граждане Якутии» (муж., 59, саха, Якутск), однако они в любом случае требуют к себе внимания, поскольку могут получить большую поддержку в случае обострения в социально-экономической сфере.*

Заключение

Значимая консолидация населения на фоне продолжения СВО и внешнего давления, расширение масштабов внутреннего туризма и в целом взаимодействия между регионами – важные сейчас и в будущем факторы роста ощущения российской идентичности и солидарности. В этом контексте очень важны изучение и планомерная работа не только по формированию гражданских и патриотических чувств, но и сохранение и формирование позитивных этнической, региональной и локальной идентичностей в российских регионах. Существенной базой для роста чувства сопричастности стране и согражданам является выстраивание стабильных локальных и региональных сообществ, в которых жители, вне зависимости от национальности или религиозной принадлежности, разделяют универсальные ценности личного и семейного благополучия, развития своего города или села.

Проведенный анализ показывает, что в Саха (Якутии) – крупном и ресурсном регионе нашей страны, региональное сообщество вполне совмещает и российскую гражданскую, и этническую идентичности. Последняя ожидаемо более значима, но и гражданская идентичность у якутян на высоком уровне – 77% в 2023 г. Включенность регионального сообщества в общероссийский контекст, безусловно высокая, в настоящей ситуации усиливается общей для страны консолидацией в условиях внешнего давления.

В целом этническая идентичность и ее содержательное наполнение – одни из самых стабильных, в том числе и у русских якутян, рост значимости этнической идентичности которых – в общероссийском тренде. Уровень региональной идентичности также высок, причем у обеих крупнейших этнических общностей региона (саха и русские). Характер региональной идентичности позитивный, хотя требуют внимания определенные риски внешнего влияния на региональные и этнополитические ориентации. Такие риски связаны, прежде всего, с потенциальным влиянием антирос-

сийской сепаратистской риторики, распространяемой в этнических средах медийными акторами преимущественно из-за рубежа. Эти дискурсы, эксплуатируя эмоциональную заряженность этнической проблематики, подавая тему неравенств в этническом измерении, пытаются раскачать недовольства части этнических сообществ, ощущающих (обоснованно или нет) собственную ущемленность. Противодействие таким рискам видится, прежде всего, в развитии содержания российской идентичности и расширении оснований для солидаризации российского общества.

Библиографический список

1. Арутюнова Е. М. Идентичности якутян: по результатам исследовательского проекта 2021 г. // Наследие И. А. Аргунова и современная гуманитарная наука : сб. науч.х тр.. Якутск: СВФУ, 2023. С. 132–154. DOI: 10.25693/Sb_Argunov2023; EDN: BEJFFH.

2. Арутюнова Е. М. Российская гражданская идентичность в региональном контексте: кейс Республики Саха (Якутия) // Respublica Literaria. 2023. Т. 4. № 4. С. 114–125. DOI: 10.47850/RL.2023.4.4.114-125; EDN: EDAQPX.

3. Горшков М. К., Крумм Р. И др. Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров / Под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, В. В. Петухова. М.: Весь Мир, 2011. 328 с. EDN: PVCРHT.

4. Дробижева Л. М., Аклаев А. Р. и др. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов / Отв. ред. Л. М. Дробижева. М., 1996. 382 с.

5. Дробижева Л. М., Арутюнова Е. М. и др. Содержательные основы российской идентичности. Региональный и этнокультурный контексты / Отв. ред. Е. М. Арутюнова, С. В. Рыжова; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. 288 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-374-4.2021; EDN: АОЕВНВ.

6. Дробижева Л. М. Идентичность и этнические установки русских в своей и иноэтнической среде // Социологические исследования. 2010. №12. С. 49–58. EDN: NCHJJT.

7. Иванова Н. И. Социолингвистические аспекты функционирования якутского языка в г. Якутске: цифры и факты / Отв. ред. П. А. Слепцов. М.: ООО «Языки Народов Мира», 2017. 260 с. EDN: ZHQHDB.

8. Российский народ. История и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2021. 631 с.

Получено редакцией: 01.09.24

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Арутюнова Екатерина Михайловна, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник

DOI: 10.19181/vis.2025.16.1.3

Ethnicity and Regionality in the Republic of Sakha (Yakutia): The Significance and Content of Identities Under External Pressure

Ekaterina M. Arutyunova

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

981504@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-9002-149

For citation: Arutyunova E. M. Ethnicity and regionality in the Republic of Sakha (Yakutia): the significance and content of identities under external pressure. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 1. P. 13–29. DOI: 10.19181/vis.2025.16.1.3; EDN: OEXSDX.

Abstract. In this article, based on a representative mass survey, expert and in-depth interviews, the levels of ethnic, regional and local identities in the Republic of Sakha (Yakutia) in 2023 are being analysed. It was revealed that the ethnic identity of the Sakha people (ethnic Yakuts) remains consistently high and subjectively significant, among Russian Yakuts its level is raising, as well as among Russians in the country in recent years. The cognitive content of ethnic identity is considered, the most important component of which is the native language – for both Sakha and Russians, as well as culture, territory and customs. The growth of religion as a component of ethnic identity for the Sakha is revealed. For Russian Yakuts, common statehood and common history are also significantly important, that is associated with the similarity of ethnic and civil identities for the Russians.

It is demonstrated that regional and local identities are also very significant for the Yakuts and are combined for the majority with Russian identity. A high level of regional identity was recorded among Russian Yakuts, that is significant for a region where for a long time those arriving for work in production considered themselves and were considered by the local community as temporary residents, guests.

It was also revealed that in the issue of the priority of rights of a particular ethnic community, the overwhelming majority of the republic's residents share an open and positive point of view: "all citizens of Russia should have equal rights." However, if they are talking directly about "their" republic, more than a third of the Sakha agree with the position that "representatives of the indigenous nationality should have more rights in their national republic than representatives of other nationalities." Such a position is, on the one hand, discriminatory and potentially leading to inequalities, and on the other hand, may be caused by fear of losing their own ethnic identity. It is also shown that the widespread view in the region that it would be good for the peoples of the republics to have more independence is shared by high proportions of respondents both among the Sakha and among Russian Yakuts, that could be potentially significant for strengthening the regional community. At the same time it is important to prevent the expansion of the influence of external actors hostile to Russia, trying to exploit the so-called anti-colonialist, anti-imperial agenda with the aim of undermining the integrity of our country.

Keywords: Republic of Sakha (Yakutia), ethnic identity, regional identity, local identity, Yakuts, Sakha, ethnic Russians

References

1. Arutyunova E. M. Identities of residents of Yakutia: based on the results of the 2021 research project. In *The legacy of I. A. Argunov and modern humanities: a coll. of scient. papers Yakutsk, SVFU, 2023: 132–154* (in Russ.). DOI: 10.25693/Sb_Argunov2023; EDN: BEJFFH.

2. Arutyunova E. M. Russian Civil Identity in a regional context: the case of the Republic of Sakha (Yakutia). *Respublica Literaria*, 2023: 4: 4: 114–125 (in Russ.). DOI: 10.47850/RL.2023.4.4.114-125. EDN: EDAQPX.

3. Gorshkov M. K., Krumm R. et al. Dvadcat' let reform glazami rossiyan: opyt mnogoletnikh sociologicheskikh zamerov [Twenty years of reforms through the eyes of Russians: the experience of many years of sociological measurements]. Ed. by M. K. Gorshkov, R. Krumm, V. V. Petukhov. Moscow, Ves' Mir, 2011: 328 (in Russ.). EDN: PVCPTH.

4. Drobizheva L. M., Aklaev A. R. et al. Demokratizacija i obrazy nacionalizma v Rossijskoj Federacii 90-h godov [Democratization and images of Nationalism in the Russian Federation of the 90s]. Ed. by L. M. Drobizheva. Moscow, 1996: 382 (in Russ.).

5. Drobizheva L. M., Arutyunova E. M. et al. The substantial foundations of Russian identity. Regional and ethnocultural context. Ed. by E. M. Arutyunova, S. V. Ryzhova; Moscow, FNISC RAN, 2021: 288. (in Russ.). DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-374-4.2021; EDN: AOEBHB.

6. Drobizheva L. M. Identichnost' i ehtnicheskie ustanovki russkikh v svoej i inoethnicheskoj srede [Identity and ethnic attitudes of Russians in their own and non-ethnic environment]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2010: 12: 49–58 (in Russ.). EDN: NCHJJT.
7. Ivanova N. I. Sociolinguistic aspects of the functioning of the Yakut language in Yakutsk: facts and figures. Ed. by P. A. Slepcev. Moscow, 2017: 260 (in Russ.). EDN: ZHQHDB.
8. The Russian people. The history and meaning of national identity. Moscow, 2021: 631 (in Russ.).

The article was submitted on: September 1, 2024

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina M. Arutyunova, Candidate of Sociological Sciences, Leading Researcher

ТЕМА НОМЕРА

МЕТАМОРФОЗЫ ЭТНИЧЕСКОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

DOI: 10.19181/vis.2025.16.1.2

EDN: DXQXTR

Этноцентризм в России: динамика, специфика и факторы влияния¹

Ссылка для цитирования: Воронина Н. С. Этноцентризм в России: динамика, специфика и факторы влияния // Вестник Института социологии. 2025. Том 16. № 1. С. 30–49. DOI: 10.19181/vis.2025.16.1.2; EDN: DXQXTR.

For citation: Voronina N. S. Ethnocentrism in Russia: dynamics, specificity, and influencing factors. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 1. P. 30–49. DOI: 10.19181/vis.2025.16.1.2; EDN: DXQXTR.

Воронина Наталья Сергеевна^{1,2}

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

²Институт сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ),
Москва, Россия

navor@bk.ru

SPIN-код: 7577-4230

Аннотация. В статье обосновывается необходимость поиска связи социального неравенства с установками этноцентризма в целях предотвращения его негативных проявлений. На материалах лонгитюдного исследования RUSSET (Российские социально-экономические тренды) и исследования ЦЕССИ анализируются динамика этноцентризма русских в период 1995–1999 и 2023 гг., а также факторы, влияющие на выраженность установок этноцентризма.

Выявлено, что на протяжении всего исследуемого периода для русских характерен ингрупповой фаворитизм, который усилился в 2023 г., а также стабильно сохраняющиеся положительные установки по отношению к представителям нацменьшинств. Исключение составляет только 1999 г., когда наблюдались проявления негибкого этноцентризма: большинство русских выражали согласие с тем, что преступность растет из-за представителей нацменьшинств и они угрожают политической системе России. Подобные оценки объясняются контекстом 1999 г., для которого характерны такие события как война в Чечне, теракты (взрывы жилых домов), высокий уровень уличной преступности и т. п.

С помощью метода главных компонент было выявлено, что социальные установки по этноцентризму во все годы исследования образуют единую трехкомпонентную структуру. Ее составляющие названы автором 1) «негибкий этноцентризм по отношению к нацменьшинствам», 2) «гибкий этноцентризм», 3) «негибкий этноцентризм по отношению к собственной стране». Среди специфики данных компонент можно выделить то, что

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ, проект № 23–18–00635.

типичный представитель первой группы имеет среднее специальное или профессиональное образование, типичными представителями второй группы являются респонденты в возрасте 34–41 г., не испытывающие существенных материальных проблем, представители третьей группы преимущественно относятся к возрастной категории от 18 до 33 лет, что объясняется общей направленностью данной возрастной группы на европейский цивилизационный путь развития.

С помощью регрессионного анализа выявлены факторы, связанные с этноцентризмом. Установлено, что частота общения с представителями нацменьшинств, высокая самооценка дохода, принадлежность к группе с высшим уровнем образования, высокий уровень межличностного доверия увеличивают установки, которые можно характеризовать как гибкий этноцентризм. Сделан вывод о том, что социальное неравенство связано с установками этноцентризма, поскольку увеличение дохода, увеличение уровня образования приводит к увеличению этноцентрической гибкости. Принадлежность к возрастной группе от 18 до 33 лет, голосование на выборах за партии правого толка, внешний локус-контроль увеличивают установки, которые можно охарактеризовать как негибкий этноцентризм.

Ключевые слова: этноцентризм, ингрупповой фаворитизм, аутгрупповой негативизм, национальные меньшинства, социальные установки, этнос

Введение

Под этноцентризмом в самом общем смысле понимается социокультурная установка, полагающая свой этнос и его интересы определяющей жизненной ценностью. Собственная этническая группа используется в качестве стандарта. Если представители других этнических групп отличаются от собственной, это способствует более негативной оценке этнически «других» [16, р. 34]. Этноцентризм связан с проблемой групповой идентификации на основе этнической принадлежности – разделение на «своих» и «чужих», поскольку этноцентризм можно условно обозначить в качестве «линз», сквозь которые собственная культура воспринимается в качестве эталона. Д. С. Григорьев определяет этноцентризм как «сильное чувство эгоцентричности этнической группы» [2, с. 477]. Следует отметить, что этноцентризм не всегда предрасполагает к негативной оценке этнически других (ксенофобии), но это может произойти с высокой вероятностью в ситуации, когда этнически «другие» воспринимаются в качестве угрозы или конкурентов.

В отличие от ксенофобии, этноцентризм, нельзя однозначно оценить как исключительно негативное явление, хотя такого мнения придерживается, например, Ж. В. Султанова [6, с. 13]. К положительным последствиям этноцентризма можно отнести рост этнического самосознания, сплоченности и консолидации, «и даже сохранения целостности и специфичности группы» [5, с. 123]. Этноцентризм, как правило, способствует сохранению традиций, ценностей и норм, вообще элементов социокультурной самобытности в условиях сильных тенденций глобализации и стандартизации, а также развитию патриотизма.

Однако в ситуациях, когда этноцентризм широко распространен в обществе, это может приводить к росту межэтнической напряженности, доминированию наиболее многочисленного этноса над другими этническими группами, а также – создавать почву для открытых конфликтов [11, р. 907]. Различия между этнически «своими» и «чужими» могут становиться источником дискриминации, увеличивать социальную разобщенность. Как отмечает Т. Г. Стефаненко: «при наличии конфликта между этническими общностями и других неблагоприятных социальных условиях этноцентризм может проявляться в очень ярких формах и становиться дисфункциональным для индивида и группы» [5, с. 123]. При этом многочисленные исследования продемонстрировали, что по мере роста этноцентризма усиливаются негативные межэтнические установки [10]. И хотя этноцентризм встречается повсеместно, исследования свидетельствуют о том, что в разных странах он распространен в разной степени [14].

Выраженность этноцентризма в обществе может меняться в зависимости от множества факторов, в том числе от таких, как социально-политическая ситуация, экономические условия, трансформация международных отношений и других контекстуальных обстоятельств. Все это актуализирует необходимость изучения этноцентризма, чтобы, с одной стороны, уменьшить риски межэтнической напряженности, а с другой, – повысить уровень солидаризации и принятия культурного разнообразия в многоэтническом российском обществе. С нашей точки зрения, достижение баланса этноцентризма возможно с помощью изучения его динамики. Анализируя этноцентризм в контексте социальных трансформаций, мы можем понять, какие факторы усиливают его, приводя к негибкой¹ форме, а какие, наоборот, являются сдерживающими факторами. Также это дает возможность ответить на вопрос о стабильности и устойчивости факторов, влияющих на этноцентризм.

Таким образом, цель данного исследования – выявить специфику этноцентризма в России в период с 1995 по 2023 гг.

Этноцентризм в зарубежных и отечественных исследованиях

Согласно реалистической теории конфликта, этноцентризм может усиливаться в ситуации, когда аутгруппа воспринимается как угроза или конкурент. Можно предположить, что в современных российских условиях этноцентризм изменяется под воздействием социально-политических факторов, а именно, усиление негибкого этноцентризма в России возможно в период СВО. Это пересекается по смыслу с концепцией У. Самнера, по которой этноцентризм усиливается в обществах, находящихся в ситуа-

¹ Т. Г. Стефаненко выделила 2 вида этноцентризма: гибкий и негибкий. Под гибким этноцентризмом автор понимает «некритичное отношение, не распространяющееся на все свойства и сферы жизнедеятельности своей группы, предпринимаются попытки понять и объективно оценить чужую культуру» [5, с. 123]. Негибкий этноцентризм представляет из себя негативное отношение к другим этносам, недоверие и обвинение их в собственных неудачах.

ции войны [15, р. 11], хотя следует отметить, что данная концепция основана на опыте европейских войн. В российских исследованиях мы не обнаружили работ, посвященных изучению динамики этноцентризма в условиях социальных трансформаций.

Проявления этноцентризма могут уменьшаться с течением времени, в случае если члены ингруппы приобретают опыт общения с аутгруппой¹. То есть, можно предположить усиление негибкого этноцентризма при малом количестве контактов с представителями нацменьшинств.

В различных зарубежных исследованиях были проанализированы факторы, влияющие на этноцентризм, например, Б. Безумич высказал предположение, что политическая риторика правого толка [11, р. 902] может усиливать негибкий этноцентризм, однако эмпирической проверки не было осуществлено. В связи с чем можно предположить, что: голосование за партии правого толка связано с усилением негибкого этноцентризма. У. Самнер высказывал идеи, что религия является фактором, усиливающим гибкий этноцентризм, поскольку увеличивает сплоченность между верующими [15, р. 24]. Исследователи Д. Агроскин, Э. Йонас показали связь этноцентризма с уровнем межличностного доверия [7]. А также установили, что, чем больше у респондента выражен внешний локус-контроль, тем более вероятно, что он придерживается негибких этноцентрических взглядов [8].

Среди социально-демографических факторов, связанных с этноцентризмом, было выявлено, что с ростом уровня образования уменьшается вероятность этноцентризма [12]. Респонденты, имеющие работу, менее склонны к негибкому этноцентризму [13]. Исследования также показали связь этноцентризма с размером населенного пункта – чем меньше тип поселения, тем больше вероятность негибкого этноцентризма [9].

Л. М. Дробижева показала, что триггером этноцентрических настроений является нестабильная социально-политическая атмосфера в стране, транслируемая в СМИ [4].

Опираясь на вышесказанное, мы предполагаем, что социальное неравенство, проявляющееся в неравенстве дохода и уровне образования, может обуславливать установки этноцентризма.

Так же отметим, что, описывая связи этноцентризма с различными факторами, влияющими на него, мы исходили из общепринятой в эмпирических исследованиях двухкомпонентной структуры этноцентризма (гибкий/негибкий), однако в исследовании мы предполагаем уточнить структуру социальных установок по этноцентризму, характерных для российского общества.

В связи со всем вышесказанным, основные вопросы, которые будут рассмотрены далее, следующие:

¹ *Ингруппа* означает группу, с которой человек идентифицирует себя, внутри ингруппы царят чувства мира и сотрудничества, в то время как *аутгруппа* – это группа, с которой человек не идентифицирует себя, ингруппа ощущает чувство враждебности, конкуренции по отношению к аутгруппе [15, р. 9.].

1. Какова динамика социальных установок, отражающих этноцентризм в период с 1995 по 2023 гг. в России? Какие именно социальные установки в отношении этноцентризма наиболее стабильны и наиболее подвержены изменениям?
2. Образуют ли переменные, отражающие этноцентризм, единую структуру установок во всех волнах исследования?
3. Какова специфика групп носителей социальных установок по этноцентризму?
4. Каковы факторы влияния на социальные установки по этноцентризму?

Эмпирическая база и методология исследования

Эмпирическую базу исследования составили, во-первых, данные лонгитюдного исследования RUSSET (Российские социально-экономические тренды)¹, полученные на основе общероссийской выборки населения от 18 лет методом личных интервью по месту жительства, размер выборки в первой волне опроса составил $n = 3727$.

Вопросы об этноцентризме разрабатывал Джек Биллет, они были включены в третью волную панели 1995 г. ($n = 2273$), четвертую 1996 г. ($n = 2073$), и седьмую 1999 г. ($n = 2867$ после включения новой дополнительной выборки респондентов для компенсации осыпания выборки). Для каждой волны был построен демографический вес, чтобы скорректировать смещения по основным социально-демографическим параметрам вследствие движения панели по времени и ее осыпания.

Во-вторых, для выявления динамики нами использован общероссийский опрос об этноцентризме, который является частью исследовательского проекта «Жизненный путь, ценности, ожидания поколения, взрослого в 1990-е». Опрос проведен ЦЕССИ в июле 2023 г. методом телефонных компьютеризированных интервью по случайной вероятностной выборке населения РФ от 18 лет. Выборка строилась на основе случайной генерации мобильных и стационарных телефонных номеров по всей территории РФ, размер реализованной выборки составил 1006 респондентов. В генеральную совокупность не вошло население, не имеющее постоянного доступа к мобильной или стационарной телефонной связи. Опрос проходил на протяжении трех недель, по каждому номеру было сделано не менее 5 звонков в разные дни недели и разное время дня, чтобы увеличить достижимость отобранных единиц. Структура полученной выборки близка генеральной совокупности по основным социально-демографическим и географическим показателям. Дополнительно был построен демографический вес для корректировки половозрастной структуры выборки внутри федеральных округов. Всего в опрос

¹ Руссет – лонгитюдное исследование уровня и качества жизни в России в 1990-х. ЦЕССИ. Институт сравнительных социальных исследований. 2023. URL: <https://www.cessi.ru/usloviya-zhizni-v-rossii> (дата обращения: 5.09.2024).

были включены выборочные единицы из 76 федеральных округов и более 150 населенных пунктов РФ. Целью опроса являлось получение данных для временного сравнения показателей – середины 1990-х гг. и 2023 г.

В анализе мы использовали фильтр, чтобы отобрать среди респондентов только тех, кто определял себя как этнически русский (доля русских в выборке около 84% в каждой волне). Переменные, маркирующие этноцентризм, приведены в табл. 1–9, изначально они имели 5-балльную шкалу, где 1 – означало: полностью несогласны, а 5 – полностью согласны, для удобства интерпретации они были перекодированы в 3-балльные за счет объединений крайних позиций шкал (1, 2 и 4, 5).

Для оценки этноцентризма респондентам предлагалось оценить, насколько они согласны или не согласны с приведенными на рис.1 суждениями о нацменьшинствах по 5-балльной шкале, где 5 означало полностью согласны, а 1 – совершенно не согласны. Для наглядности представления результатов мы приводим только варианты согласны и полностью согласны (4 и 5 по шкале). Термин «нацменьшинства» введен в исследование с целью унификации формулировок в лонгитюдном исследовании. При упоминании в формулировках вопросов словосочетания «национальные меньшинства» интервьюер уточнял, что речь идет о представителях этносов, которые составляют меньшинство в России – татары, башкиры, белорусы и так далее.

Результаты анализа

Результаты проведенного нами анализа данных свидетельствуют о стабильно сохраняющемся ингрупповом фаворитизме на протяжении всех волн исследования, сделать такой вывод позволяют результаты по позиции «мы, русские, можем гордиться своей историей» (табл. 1) Если сравнивать данные предыдущих лет с результатами волны 2023 г., то на фоне СВО мы наблюдаем небольшое увеличение доли респондентов полностью или скорее согласных с утверждением о том, что русские могут гордиться своей историей на 7,2%, если сравнивать 1999 и 2023 гг.

Таблица 1 (Table 1)

Мы, русские, можем гордиться своей историей, 1995–2023 гг., %

We Russians can be proud of our history, 1995–2023, %

Степень согласия с утверждениями	1995	1996	1999	2023
Полностью/Скорее согласен	86,1	84,7	84,3	91,5
Не то, чтобы согласен, но и не то, чтобы нет	9,4	10,6	11,3	3,3
Полностью/Скорее не согласен	4,5	4,7	4,4	5,2

Большинство респондентов не согласны с тем, что другим странам нечему учиться у нашей страны (табл. 2), в 2023 г. процентная доля несогласных с данным утверждением наибольшая (74,5%) на фоне других волн.

Таблица 2 (Table 2)

Другим странам нечему учиться у нашей страны, 1995–2023 гг., %
Other countries have nothing to learn from our country, 1995–2023, %

Степень согласия с утверждениями	1995	1996	1999	2023
Полностью/Скорее согласен	14,9	15,2	13,0	18,0
Не то, чтобы согласен, но и не то, чтобы нет	13,3	17,4	14,6	7,5
Полностью/Скорее не согласен	71,8	67,4	72,4	74,5

Суждение, по которому наблюдаются заметные изменения – это «представителям национальных меньшинств не следует доверять» (табл. 3): в 1995 г. только 28,8% согласных, в 1996 г. – 31,5%, а в 1999 г. – 34,2%. Постепенный рост недоверия мог быть связан с терактом в Буденновске 1995 г. и войнами в Чечне.

Таблица 3 (Table 3)

Представителям национальных меньшинств не следует доверять, 1995–2023 гг., %
Members of ethnic minorities should not be trusted, 1995–2023, %

Степень согласия с утверждениями	1995	1996	1999	2023
Полностью/Скорее согласен	28,8	31,5	34,2	18,1
Не то, чтобы согласен, но и не то, чтобы нет	30,2	29,5	31,8	14,3
Полностью/Скорее не согласен	41,0	39,0	34,0	67,6

Похожую ситуацию с данными видим и по суждению «когда лучше узнаешь людей из национальных меньшинств, то понимаешь, что они очень дружелюбные люди» (табл. 4) – происходит уменьшение доли согласных с суждением в 1996 г. и в 1999 г. Большие изменения можно увидеть, если сравнить долю респондентов, согласных с утверждением в 1999 г. (49,5%), и в 2023 г. (75,9%).

Таблица 4 (Table 4)

Когда лучше узнаешь людей из национальных меньшинств, то понимаешь, что они очень дружелюбные люди, 1995–2023 гг., %
When you get to know people from national minorities better, you realize that they are very friendly people, 1995–2023, %

Степень согласия с утверждениями	1995	1996	1999	2023
Полностью/Скорее согласен	59,6	47,9	49,5	75,9
Не то, чтобы согласен, но и не то, чтобы нет	30,2	40,2	37,2	12,9
Полностью/Скорее не согласен	10,1	11,9	13,3	11,2

Таблицы 5 и 6 свидетельствуют об увеличении доли респондентов, считающих, что культуры нацменьшинств обогащают русскую культуру. Наибольший процент согласных с этим утверждением наблюдался в 2023 г.

Таблица 5 (Table 5)

Культура национальных меньшинств разрушает традиционную русскую культуру, 1995–2023 гг., %

The culture of national minorities is destroying traditional Russian culture, 1995–2023, %

Степень согласия с утверждениями	1995	1996	1999	2023
Полностью/Скорее согласен	11,4	15,5	12,4	19,4
Не то, чтобы согласен, но и не то, чтобы нет	16,8	24,2	20,5	6,4
Полностью/Скорее не согласен	71,8	60,3	67,1	74,2

Таблица 6 (Table 6)

Культуры национальных меньшинств обогащают русскую культуру, 1995–2023 гг., %

Cultures of National Minorities Enrich Russian Culture, 1995–2023, %

Степень согласия с утверждениями	1995	1996	1999	2023
Полностью/Скорее согласен	57,0	44,4	55,7	65,3
Не то, чтобы согласен, но и не то, чтобы нет	23,4	31,6	25,2	9,8
Полностью/Скорее не согласен	19,6	24,0	19,1	24,9

Заметные изменения произошли в суждении о том, что представители нацменьшинств занимают рабочие места, которые должны были бы принадлежать русским – доля несогласных с этим суждением выросла на 18,5%, если сравнивать 1995 и 2023 гг.

Таблица 7 (Table 7)

Представители национальных меньшинств занимают рабочие места, которые должны были бы принадлежать русским, 1995–2023 гг., %

Members of National Minorities Take Jobs That Should Go to Russians, 1995–2023, %

Степень согласия с утверждениями	1995	1996	1999	2023
Полностью/Скорее согласен	32,7	31,8	36,5	27,2
Не то, чтобы согласен, но и не то, чтобы нет	22,3	24,0	22,6	9,4
Полностью/Скорее не согласен	45,0	44,2	40,9	63,5

Изменения наблюдаются и по позиции «преступность в России растет из-за представителей национальных меньшинств» (табл. 8). Если в 1995 г. согласие с данным утверждением высказывали 38,4%, то в 1996 г. происходит уменьшение доли согласных до 26,5%, в 1999 г. снова происходит увеличение до 40,8%. В 1995–1999 гг. превалирует согласие с данным высказыванием, что может объясняться нестабильной обстановкой девяностых (число зарегистрированных преступлений в те годы: в 1995 г. – 1862, в 1996 г. – 1776, в 1999 г. – 2053 [3, с. 163]). В 2023 г. большинство респондентов не согласны с данным утверждением.

Таблица 8 (Table 8)

Преступность в России растет из-за представителей национальных меньшинств, 1995–2023 гг., %

Crime in Russia is growing due to representatives of national minorities, 1995–2023, %

Степень согласия с утверждениями	1995	1996	1999	2023
Полностью/Скорее согласен	38,4	26,5	40,8	34,5
Не то, чтобы согласен, но и не то, чтобы нет	22,4	30,2	23,9	13,0
Полностью/Скорее не согласен	39,2	43,3	35,3	52,5

Мы наблюдаем превалирующий процент согласных с утверждением, что представители нацменьшинств угрожают политической системе России именно в 1999 г., когда происходили многочисленные террористические акты (табл. 9). В 2023 г. большинство респондентов несогласны с этим суждением (69,9%).

Таблица 9 (Table 9)

Представители национальных меньшинств угрожают политической системе России, 1995–2023 гг., %

Representatives of national minorities threaten Russia's political system, 1995–2023, %

Степень согласия с утверждениями	1995	1996	1999	2023
Полностью/Скорее согласен	32,4	34,9	38,5	20,2
Не то, чтобы согласен, но и не то, чтобы нет	22,3	27,2	23,9	9,9
Полностью/Скорее не согласен	45,3	37,9	37,3	69,9

В целом результаты позволяют говорить о тенденциях ингруппового фаворитизма, характерных для всех волн опроса, в 2023 г. эти тенденции усилились (табл. 1). Но мы практически не наблюдаем тенденций аутгруппового негативизма: большинство респондентов во все годы опросов согласны с тем, что представители нацменьшинств – дружелюбные люди (табл. 4), что их культура обогащает русскую культуру (табл. 6); не согласны с тем, что: представители нацменьшинств занимают рабочие места, которые должны принадлежать русским (табл. 7), культура нацменьшинств разрушает традиционную русскую культуру (табл. 5), преступность растет из-за представителей нацменьшинств (табл. 8), и представители нацменьшинств угрожают политической системе России (табл. 9). Единственный год, когда большинство респондентов считало, преступность растет из-за представителей нацменьшинств и что они угрожают политической системе России – это 1999 г., что может объясняться терактами, войной в Чечне и общей нестабильной обстановкой после финансового кризиса.

Тенденция, характерная для данных 2023 г. по сравнению с панельными данными – это уменьшение доли неопределившихся (выбравших вариант ответа «не то, чтобы согласен, но и не то, чтобы нет»), русские более отчетливо определились с установками и по отношению к ингруппе, и к аутгруппам. В целом, можно сказать, что на фоне ситуации в стране, происходит консолидация русских.

Следующий вопрос: образуют ли переменные, отражающие этноцентризм, единую структуру установок во всех волнах исследования. Для ответа на данный вопрос мы использовали метод главных компонент с вращением «варимакс». Результаты продемонстрировали единую структуру установок по этноцентризму во все годы исследования, содержащую три компонента (КМО во всех моделях превышал 0,89, что свидетельствует о высокой адекватности применимости данного анализа к выборке, а доля совокупной объясненной дисперсии во всех моделях была на уровне 62%). Эти три полученных компонента указывают на группы носителей этноцентризма: вес первой группы максимален (около 38% суммарной дисперсии в каждой из волн исследования), для этой группы характерно согласие с утверждениями о том, что преступность происходит по вине нацменьшинств, они же угрожают политической системе России и разрушают культуру нашей страны, забирают рабочие места у русских и в целом не заслуживают доверия. Во всех суждениях прослеживается аутгрупповой негативизм, поэтому условно мы обозначили данную группу как «негибкий этноцентризм по отношению к нацменьшинствам». Вторая группа (около 13% от суммарной дисперсии) ориентирована на дружелюбное отношение к нацменьшинствам и считает, что это только обогащает русскую культуру, мы обозначили ее как «гибкий этноцентризм». Третья группа (около 11% дисперсии) считает, что русским особо нечем гордиться и другим странам особо нечему поучиться у нашей страны, мы обозначили данную группу как «негибкий этноцентризм по отношению к собственной стране».

В ходе дальнейшего анализа каждая из полученных групп была преобразована в интегральные переменные¹, рассчитанные как средняя от переменных, отнесенных к каждой из групп (например, интегральная переменная «негибкий этноцентризм по отношению к собственной стране» включала среднюю от переменных «другим странам нечему учиться у нашей страны» и «мы, русские, можем гордиться своей историей» (перевернутая шкала)).

Для того, чтобы понять, чем отличаются полученные интегральные переменные по социально-демографическим характеристикам, каков портрет носителей каждой из групп, мы провели дискриминантный анализ, где зависимыми переменными поочередно выступали переменные: «негибкий этноцентризм по отношению к нацменьшинствам», «гибкий этноцентризм» и «негибкий этноцентризм по отношению к собственной стране». Так как для нас наибольший интерес представляли согласные и не согласные с утверждениями по теме этноцентризма, колеблющиеся, то есть выбирающие средний вариант ответа «в какой-то степени согласны, а в какой-то нет» были исключены из анализа. В качестве независимых переменных выступали социально-демографические характеристики. В таблице 10 представлены значения коэффициентов корреляции Пирсона между дискриминирующей функцией каждой из групп и каждой из независимых переменных. Чем больше значение коэффициента корреляции по модулю, тем больше дискриминирующая сила переменной. Параметры модели были проверены на отсутствие мультиколлинеарности (Коэффициент корреляции Пирсона <0,6). Итоговая модель классифицировала 79,9% исходных сгруп-

¹ Альфа Кронбаха везде не менее 0,8.

пированных наблюдений правильно, была проведена кросс-проверка на обучающей выборке, рассчитаны доверительные интервалы, которые пересеклись, результаты можно рассматривать как устойчивые и стабильные.

Таблица 10 (Table 10)

Результаты дискриминантного анализа, 2023 г.

Results of discriminant analysis, 2023

Независимые переменные	Негибкий этноцентризм по отношению к меньшинствам	Гибкий этноцентризм	Негибкий этноцентризм по отношению к собственной стране
Возраст 18–25	0,05	0,13	-0,68*
Возраст 26–33	-0,09	-0,01	-0,30*
Возраст 34–41	0,01	0,40*	0,01
Возраст 50–57	0,13	-0,01	0,32*
Возраст 58–65	0,15	-0,19	0,19
Возраст 66 и старше	-0,14	-0,46*	0,35*
Городской тип поселения	0,16	0,21	-0,27
Мужской пол	0,11	0,01	-0,22
Едва сводим концы с концами	-0,08	-0,04	0,09
На продукты денег хватает, но покупка одежды, обуви вызывает финансовые затруднения	-0,07	0,36	-0,21
Денег на продукты хватает, но покупка вещей длительного пользования – является проблемой	-0,07	0,16*	0,06
Без труда приобретаем вещи длительного пользования, но затруднительно приобретать дорогие вещи	0,56*	-0,35*	0,07
Неверующий, атеист	0,08	0,23	-0,20
Верующий	-0,15	-0,10	0,16
Среднее общее образование	-0,18	-0,05	-0,06
Среднее специальное и профессиональное образование	-0,39*	-0,12	-0,12
Высшее образование	0,57*	-0,08	0,01

Примечание. *означает значимость связи, $p < 0,05$.

Приводим результаты только по 2023 г., так как, кроме переменных возраста и пола, остальные переменные, отражающие социально-демографические характеристики в 1995, 1996 и 1999 гг. имели отличные от этих формулировки (далее они будут включены в модели регрессии, см. табл. 11–14).

Наиболее сильно похожим на респондента из группы «негибкого этноцентризма по отношению к нацменьшинствам» делает наличие среднего специального/ профессионального образования. Обратную картину дает наличие высшего образования, а также принадлежность к более высокой группе по доходу («мы без труда приобретаем вещи длительного пользования, но затруднительно приобретать дорогие вещи»). По остальным социально-демографическим переменным значимых корреляций не выявлено.

На респондентов из группы «гибкого этноцентризма» делает похожим принадлежность к доходной группе «денег на продукты хватает, но покупка вещей длительного пользования – является проблемой», а также принадлежность к возрастной группе 34–41, в то время как на респондентов, которые являются антиподами «толерантных», делают похожими принадлежность к группе по доходу: «без труда приобретаем вещи длительного пользования, но затруднительно приобретать дорогие вещи», принадлежность к возрастной группе 66 лет и старше.

На типичных респондентов из группы «негибкого этноцентризма по отношению к собственной стране» делает похожими принадлежность к возрастным группам 18–25 и 26–33 года, а на их антиподов – принадлежность к возрастным группам 50–57 лет и 66 и старше.

Для ответа на вопрос о том, с чем связан этноцентризм, мы провели линейный регрессионный анализ с фиктивными переменными, обусловленный измерением шкал независимых переменных (необходимость вводить в уравнение регрессии номинальные шкалы, которые были преобразованы в дихотомические). В качестве зависимых переменных выступали вышеописанные интегральные переменные (интервальная шкала), а в качестве независимых переменных выступали аналоги факторов, описанных в теоретической части статьи (см. табл. 11–14). В качестве ограничения исследования отметим невозможность использования единого набора независимых переменных во всех волнах исследования, так как некоторые вопросы исключались из анкет.

Результаты за 1995 г. показывают, что больше всего переменная «негибкого этноцентризма по отношению к нацменьшинствам» связана с возрастом: чем моложе респонденты, тем более им присущи характеристики данной группы. Кроме того, данная переменная связана с внешним локус-контролем: чем больше респондент согласен с тем, что не имеет почти никакого влияния на то, что происходит с ним в жизни, тем больше он согласен с суждениями, характерными для «негибкой» группы. Среди независимых переменных 1995 г. никакие из них не оказались связаны с переменной «гибкого этноцентризма». А с группой «негибкого этноцентризма по отношению к собственной стране» так же связана переменная, отражающая внешний локус-контроль, чем более респондент придерживается этого суждения, тем больше похож на представителя данной группы.

Таблица 11 (Table 11)

Результаты регрессионного анализа за 1995 г.¹*Results of regression analysis for 1995*

Независимые переменные	Негибкий этноцентризм по отношению к нацменьшинствам	Гибкий этноцентризм	Негибкий этноцентризм по отношению к собственной стране
Возраст	-0,11** (0,01)	0,02 (0,01)	0,07
Мужской пол	0,01 (0,03)	-0,04 (0,4)	-0,05 (0,01)
Очень/довольно редко смотрю политические передачи по телевизору	-0,04 (0,06)	-0,01 (0,07)	0,05 (0,06)
Часто смотрю политические передачи по телевизору	-0,04 (0,05)	0,04 (0,06)	-0,07 (0,05)
В наши дни трудно понять, кому еще можно доверять	-0,03 (0,02)	0,04 (0,02)	0,02 (0,18)
Я не имею почти никакого влияния на то, что со мной происходит в жизни	0,10* (0,01)	-0,05 (0,01)	0,10* (0,02)
По сравнению со средней семьей в России, самооценка материального положения	-0,09* (0,02)	0,04 (0,02)	-0,03 (0,02)
R2 (скорректированный)	0,04	0,01	0,02

Результаты за 1996 г. (табл. 12) показывают, что переменная «негибкий этноцентризм по отношению к нацменьшинствам» связана с возрастом и внешним локус-контролем так же, как и в 1995 г., но еще связана с доверием (чем больше респондент согласен с тем, что в наши дни трудно понять, кому еще можно доверять, тем более он разделяет взгляды этой группы), а также с самооценкой материального положения семьи: чем ниже эта самооценка, тем больше респондент разделял взгляды этой группы. Точно такая же связь с самооценкой дохода с переменной «гибкий этноцентризм». Переменная «гибкий этноцентризм» связана с возрастом: чем моложе, тем более респондент разделял взгляды данной группы.

¹ В таблицах 11–14 приведены значения стандартизованных бета-коэффициентов, в скобках указана стандартная ошибка.

Таблица 12 (Table 12)

Результаты регрессионного анализа за 1996 г.

Results of regression analysis for 1996

Независимые переменные	Негибкий этноцентризм по отношению к нацменьшинствам	Гибкий этноцентризм	Негибкий этноцентризм по отношению к собственной стране
Возраст	-0,11** (0,00)	0,06 (0,02)	-0,11** 0,02
Мужской пол	0,04 (0,06)	0,01 (0,06)	0,07 (0,05)
В наши дни трудно понять, кому еще можно доверять	0,12** (0,02)	0,04 (0,03)	0,08 (0,02)
Я не имею почти никакого влияния на то, что со мной происходит в жизни	0,13** (0,02)	-0,02 0,02	0,01 (0,02)
По сравнению со средней семьей в России, самооценка материального положения	-0,12** (0,03)	0,10* (0,03)	-0,04 (0,03)
За какую партию голосовали на выборах в Государственную Думу в декабре 1995 года: ЛДПР	0,08 (0,12)	-0,06 (0,12)	-0,02 (0,10)
За какую партию голосовали на выборах в Государственную Думу в декабре 1995 года: Конгресс русских общин	0,05 (0,13)	-0,04 (0,12)	-0,03 (0,11)
За какую партию голосовали на выборах в Государственную Думу в декабре 1995 года: Наш дом Россия	0,02 (0,08)	0,03 (0,07)	0,04 (0,06)
За какую партию голосовали на выборах в Государственную Думу в декабре 1995 года: Держава	0,03 (0,08)	-0,04 (0,25)	-0,03 (0,22)
R ² (скорректированный)	0,08	0,02	0,03

Результаты за 1999 г. (табл. 13) показывают, что по-прежнему сохранялась связь переменной «негибкий этноцентризм по отношению к нацменьшинствам» с возрастом и внешним локус-контролем. Кроме того, в 1999 г. выявлена связь с переменной «размер населенного пункта»: чем меньше населенный пункт, тем больше респондент разделял взгляды этой группы. Также присутствовала связь с голосованием на выборах за партию, которую можно отнести к правым. Голосование за партию «Движение в поддержку армии» увеличивало вероятность иметь взгляды этой группы. Связи с переменной «гибкий этноцентризм» в 1999 г.

среди включенных в модель независимых переменных нет. Переменная «негибкий этноцентризм по отношению к собственной стране» связана с доверием: чем меньше респонденты доверяют окружающим, тем более разделяют взгляды этой группы.

Таблица 13 (Table 13)

Результаты регрессионного анализа за 1999 г.

Results of regression analysis for 1999

Независимые переменные	Негибкий этноцентризм по отношению к нацменьшинствам	Гибкий этноцентризм	Негибкий этноцентризм по отношению к собственной стране
Возраст	-0,10* (0,03)	0,06 (0,02)	-0,04 (0,00)
По сравнению со средней семьей в России, каково финансовое положение	-0,02 (0,04)	0,00 (0,04)	-0,03 (0,06)
Размер населенного пункта	0,11** (0,01)	-0,06 (0,01)	0,03
В наши дни трудно понять, кому еще можно доверять	0,14** (0,04)	0,01 (0,03)	0,10* (0,03)
Я не имею почти никакого влияния на то, что со мной происходит в жизни	0,17** (0,03)	-0,06 (0,03)	0,06 (0,02)
Если бы выборы в Государственную Думу состоялись сегодня, за какую партию Вы проголосовали бы: движение в поддержку армии	0,10* (0,20)	-0,04 (0,26)	0,05 (0,28)
Если бы выборы в Государственную Думу состоялись сегодня, за какую партию Вы проголосовали бы: блок Жириновского	0,01 (0,08)	0,05 (0,03)	0,03 (0,02)
Пол (мужской)	0,02 (0,07)	0,06 (0,07)	-0,20
R2 (скорректированный)	0,10	0,06	0,01

Результаты за 2023 г. (табл. 14) показывают, что главным предиктором группы «негибкий этноцентризм по отношению к нацменьшинствам» является контакт. Чем менее респондент разделяет взгляды этой группы, тем чаще он общается с представителями национальных меньшинств. Еще одной значимой переменной является уровень образования, чем выше он, тем менее респондент согласен с суждениями, отражающими взгляды этой группы.

Наиболее сильная связь переменной, отражающих группу «гибкий этноцентризм» с переменной, отображающей частоту контакта с нацменьшинствами – чем чаще контакт, тем более респонденты придержи-

ваются взглядов данной группы. Так же наблюдается связь с переменной самооценки материального положения – чем выше оценивают респонденты свой доход, тем более они похожи на носителей взглядов этой группы. В то время как переменные «занятость» и «неверующие, атеисты» имеют обратную связь с зависимой переменной: принадлежность к группе работающих и неверующих/атеистов приводят к отличию от группы респондентов, которые имеют данные взгляды.

И переменная «негибкий этноцентризм по отношению к собственной стране» также больше всего связана с частотой контакта: чем чаще происходит общение с представителями нацменьшинств, тем меньше респондент похож на представителя этой группы. Связь присутствует с переменной «возраст»: чем моложе респонденты, тем более они разделяют эти взгляды.

Таблица 14 (Table 14)

Результаты регрессионного анализа за 2023 г.
Regression analysis results for 2023

Независимые переменные	Негибкий этноцентризм по отношению к нацменьшинствам	Гибкий этноцентризм	Негибкий этноцентризм по отношению к собственной стране
Возраст	-0,01 (0,24)	0,03 (0,00)	-0,12** (0,00)
Уровень образования	-0,12** (0,03)	0,01 (0,03)	0,02 (0,03)
Самооценка материального положения	-0,09* (0,04)	0,11** (0,04)	-0,07* (0,03)
Занятость (работающие)	0,04 (0,08)	-0,14** (0,08)	0,01 (0,07)
Верующие	0,08 (0,11)	-0,07 (0,14)	0,03 (0,10)
Неверующие, атеисты	0,03 (0,13)	-0,11* (0,14)	0,02 (0,12)
Частота общения с нацменьшинствами	-0,34** (0,03)	0,24** (0,03)	-0,14** (0,03)
Городской тип нас. пункта	-0,03 (0,08)	-0,05 (0,09)	0,07* (0,07)
Пол (мужской)	0,03 (0,07)	-0,01 (0,07)	0,08 (0,06)
R2 (скорректированный)	0,15	0,10	0,04

Примечания. * $p > 0,05$, ** $p < 0,01$, голубым фоном выделены значения по независимым переменным, связанные с зависимыми переменными на статистически значимом уровне, ст.бета коэффициент которых по модулю выше 0,1.

Заключение

Результаты проведенного анализа позволяют говорить о стабильно превалирующих оценках, характеризующих ингрупповой фаворитизм на протяжении всего исследуемого периода. Так, согласно полученным данным, подавляющее большинство (от 86,1% в 1995 г. до 91,5% в 2023 г.) русских согласно с тем, что они могут гордиться своей историей. Одновременно, несмотря на тяжелую геополитическую ситуацию, растет доля положительных оценок по отношению к национальным меньшинствам. Так, если в 1999 г. число респондентов, согласных с утверждением «Представители национальных меньшинств угрожают политической системе России» было примерно равно числу несогласных с ним, то в 2023 уступало более чем в 3 раза (20 против 70%). Данные 2023 г. в сравнении с предыдущими опросами позволяют делать вывод о процессе консолидации россиян перед внешними угрозами.

Что касается изменений внутри панельных данных 1995–1999 гг., можно отметить увеличение группы согласных с утверждением «преступность в России растет из-за представителей национальных меньшинств» более, чем на 10%, что может объясняться нестабильной обстановкой девяностых, уровень преступности был наиболее высок в 1999 г. [3]. В целом можно предположить, что проявления негибкого этноцентризма в России связаны с контекстом событий, происходящих в 1999 г. – теракты, война в Чечне, последствия финансового кризиса. Однако к 2023 г. уже более 52% респондентов с данным утверждением не согласились.

Анализ связи социально-экономических характеристик респондентов с характерными этноцентрическими установками показал, что для людей, не имеющих высшего образования и принадлежащих к низкодоходным группам, более характерен негибкий этноцентризм. По остальным характеристикам значимых корреляций не выявлено.

В целом, результаты проведенного анализа показывают превалирование в 2023 г. доли носителей ингруппового фаворитизма, при этом не обладающих аутгрупповым негативизмом (т. е. позитивное отношение к «своим» при отсутствии враждебности к «чужим»). Доля респондентов, поддерживающих негибкие установки по отношению к нацменьшинствам на сегодня относительно невелика. Доминирование подобных установок прежде всего связано с низким уровнем образования и редким общением с представителями нацменьшинств. Комплекс установок, названный нами «негибким этноцентризмом по отношению к собственной стране», отмечается только в группе молодых респондентов (от 18 до 33 лет), что, возможно, объясняется характерной для этой группы глобалистской ориентацией. Результаты исследования позволяют сделать вывод о связи социального неравенства с установками этноцентризма, поскольку увеличение дохода, повышение уровня образования приводят к увеличению этноцентрической гибкости.

Библиографический список

1. Горшков М. К., Тюрина И. О. Консолидация российского общества в условиях современных вызовов: историко-социологический и ценностно-мировоззренческий контексты // Вестник РУДН. Сер. Социология. 2023. № 4(23). С. 720–239. DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-4-720-739; EDN: FQZJXO.
2. Григорьев Д. С. Взгляды на этнокультурное многообразие и авторитарные этноцентрические установки русских // Вестник РУДН. Сер. Психология и педагогика. 2020. № 17(3). С. 473–490. DOI: 10.22363/2313-1683-2020-17-3-473-490; EDN: PJNUTX.
3. Долгова А. И. Криминологические оценки организованной преступности и коррупции, правовые баталии и национальная безопасность. М.: РКА, 2011. 668 с.
4. Дробижева Л. М. Межэтническое согласие в условиях новых вызовов // Демоскоп Weekly. 2020. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2023/0971/nauka02.php> (дата обращения: 05.09.2024).
5. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М.: ИП РАН, Академ. проект, 2000. 320 с.
6. Султанова Ж. В. Этноцентризм в современном мире: истоки, сущность, практики. Дисс. ... к.с.н. М.: РГБ. 2005. 194 с.
7. Agroskin D., Jonas E. Out of Control: How and Why does Perceived Lack of Control Lead to Ethnocentrism? // Review of Psychology. 2010. Vol. 17(2). P. 79–90.
8. Aschauer W., Mayerl J. The Dynamics of Ethnocentrism in Europe. A Comparison of Enduring and Emerging Determinants of Solidarity Towards Immigrants // European Societies. 2019. Vol. 21(5). P. 672–703. DOI: 10.1080/14616696.2019.1616791.
9. Berry J. W., Kalin R. Multicultural and Ethnic Attitudes in Canada: An Overview of the 1991 National Survey // Canadian Journal of Behavioral Science. 1995. Vol. 27. P. 301–320. DOI: 10.1037/0008-400X.27.3.301.
10. Bizumic B. Who Coined the Concept of Ethnocentrism? A Brief report // Journal of Social and Political Psychology. 2014. Vol. 2(1). P. 3–10. DOI: 10.5964/jspp.v2i1.264.
11. Bizumic B., Duckitt J. What Is and Is Not Ethnocentrism? A Conceptual Analysis and Political Implications // Political Psychology. 2012. Vol. 33(6). P. 887–909. DOI: 10.1111/j.1467-9221.2012.00907.x.
12. Khan M. H., Jin J. The Relationship Between Ethnocentric Behaviour and Workforce Localisation Success: The Mediating Role of Knowledge Sharing Tendency // European Research on Management and Business Economics. 2024. Vol. 30(2). P. 1–11. DOI: 10.1016/j.iedeen.2024.100245.
13. Kinder D. R., Kam C. D. Us Against Them: Ethnocentric Foundations of American Opinion. University of Chicago Press, 2009. 368 p.

14. Ryan C. S., Bogart L. M. Development of New Group Members In-group and Out-group Stereotypes: Changes in Perceived Group Variability and Ethnocentrism // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1997. Vol. 73. P. 719–732. DOI: 10.1037//0022-3514.73.4.719.
15. Sumner W. G. *War and Other Essays*. Freeport: Yale University Press, 1911. 381 p.
16. Triandis H. C. Theoretical Concepts That are Applicable to the Analysis of Ethnocentrism // *Applied Cross-Cultural Psychology* / R. W. Brislin (ed.). SAGE Publications, 1990. P. 34–55. DOI: 10.4135/9781483325392.n2

Получено редакцией: 5.09.24

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Воронина Наталья Сергеевна, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник

DOI: 10.19181/vis.2025.16.1.2

Ethnocentrism in Russia: Dynamics, Specificity, and Influencing Factors

Nataliya S. Voronina

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia; CESSI, Moscow, Russia

Navor@bk.ru

ORCID: 0000-0001-8859-6803

For citation: Voronina N. S. Ethnocentrism in Russia: dynamics, specificity, and influencing factors. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 1. P. 30–49. DOI: 10.19181/vis.2025.16.1.2; EDN: DXQXTR.

Abstract. The article substantiates the need to search for a connection between social inequality with ethnocentrism attitudes in order to prevent its negative manifestations. Based on the materials of the RUSSET (Russian Socio-Economic Trends) longitudinal study and the CESSI study, the dynamics of ethnocentrism of Russians in the period 1995-1999 and 2023, as well as the factors influencing the severity of ethnocentrism attitudes are being analyzed.

It was revealed that throughout the entire study period, Russians are characterised by in-group favouritism, that intensified in 2023, as well as consistently maintained positive attitudes towards representatives of national minorities. The only exception is 1999, when manifestations of rigid ethnocentrism were observed: the majority of Russians expressly agreed that crime was growing because of representatives of national minorities and that they threatened the Russian political system. Such assessments are explained by the context of 1999, that was characterised by such events as the war in Chechnya, terrorist attacks (explosions of apartment buildings), high levels of street crime, etc.

With the use of the principal component method, it was revealed that social attitudes towards ethnocentrism in all years of the study form a single three-component structure. Its components are called by the author 1) “inflexible ethnocentrism towards the national minorities», 2) «flexible ethnocentrism», 3) «inflexible ethnocentrism towards one’s own country”. Among the specific features of these components, it can be noted that a typical representative of the first group has a secondary specialised or vocational education. Typical representatives of the second group are respondents aged 34-41 who do not experience significant material problems. Representatives of the third group mainly belong to the age category from 18 to 33 years, that is explained by the general orientation of this age group towards the European civilisational path of development.

Using regression analysis, factors associated with ethnocentrism were identified. It was found that the frequency of communication with representatives of national minorities, high self-assessment of income, belonging to a group with a higher level of education, and a high level of interpersonal trust increase attitudes that can be characterised as flexible ethnocentrism. It was concluded that social inequality is associated with ethnocentrism

attitudes, since an increase in income and an increase in the level of education lead to an increase in ethnocentric flexibility. Belonging to the age group from 18 to 33 years, voting in elections for right-wing parties, and external locus control increase attitudes that can be characterised as inflexible ethnocentrism.

Keywords: ethnocentrism, in-group favoritism, out-group negativism, national minorities, social attitudes, ethnicity

References

1. Gorshkov M. K., Tyurina I. O. Consolidation of Russian society in the context of modern challenges: historical-sociological and value-ideological contexts, *Vestnik RUDN. Ser. Sociologiya*, 2023: 4(23): 720–239 (in Russ.). DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-4-720-739; EDN: FQZJXO.
2. Grigor'ev D. S. Views on ethnocultural diversity and authoritarian ethnocentric attitudes of Russians. *Vestnik RUDN. Ser. Psihologiya i pedagogika*, 2020: 17(3): 473–490 (in Russ.). DOI: 10.22363/2313-1683-2020-17-3-473-490; EDN: PJNUTX.
3. Dolgova A. I. Kriminologicheskie ocenki organizovannoj prestupnosti i korrupcii, pravovye batalii i nacional'naya bezopasnost [Criminological assessments of organized crime and corruption, legal battles and national security]. Moscow, RKA, 2011: 668 (in Russ.).
4. Drobizheva L. M. Interethnic harmony in the context of new challenges. *Demoskop Weekly*, 2020. Accessed 05.09.2024. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2023/0971/nauka02.php> (in Russ.).
5. Stefanenko T. G. Etnopsihologiya [Ethnopsychology]. Moscow, IP RAN, Akadem. proekt, 2000: 320 (in Russ.).
6. Sultanova ZH. V. Etnocentrizm v sovremennom mire: istoki, sushchnost', praktiki [Ethnocentrism in the modern world: origins, essence, practices]. Diss. ... cand. sci.. Moscow, RSL, 2005: 194 (in Russ.).
7. Agroskin D., Jonas E. Out of Control: How and Why does Perceived Lack of Control Lead to Ethnocentrism? *Review of Psychology*, 2010: 17(2): 79–90.
8. Aschauer W., Mayerl J. The Dynamics of Ethnocentrism in Europe. A Comparison of Enduring and Emerging Determinants of Solidarity Towards Immigrants. *European Societies*, 2019: 21(5): 672–703. DOI: 10.1080/14616696.2019.1616791.
9. Berry J. W., Kalin R. Multicultural and Ethnic Attitudes in Canada: An Overview of the 1991 National Survey. *Canadian Journal of Behavioral Science*, 1995: 27: 301–320. DOI: 10.1037/0008-400X.27.3.301.
10. Bizumic B. Who Coined the Concept of Ethnocentrism? A Brief report. *Journal of Social and Political Psychology*, 2014: 2 (1): 3–10. DOI: 10.5964/jspp.v2i1.264.
11. Bizumic B., Duckitt J. What Is and Is Not Ethnocentrism? A Conceptual Analysis and Political Implications. *Political Psychology*, 2012: 33(6): 887–909. DOI: 10.1111/j.1467-9221.2012.00907.x.
12. Khan M. H., Jin J. The Relationship Between Ethnocentric Behaviour and Workforce Localisation Success: The Mediating Role of Knowledge Sharing Tendency. *European Research on Management and Business Economics*, 2024: 30(2): 1–11. DOI: 10.1016/j.iedeen.2024.100245.
13. Kinder D. R., Kam C. D. Us Against Them: Ethnocentric Foundations of American Opinion. University of Chicago Press, 2009: 368.
14. Ryan C. S., Bogart L. M. Development of New Group Members In-group and Out-group Stereotypes: Changes in Perceived Group Variability and Ethnocentrism. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1997: 73: 719–732. DOI: 10.1037//0022-3514.73.4.719.
15. Sumner W. G. War and Other Essays. Freeport: Yale University Press, 1911: 381.
16. Triandis H. C. Theoretical Concepts That are Applicable to the Analysis of Ethnocentrism. In *Applied Cross-Cultural Psychology*. Ed. by R. W. Brislin. SAGE Publications, 1990: 34–55. DOI: 10.4135/9781483325392.n2

The article was submitted on: 5 September, 2024

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalia S. Voronina, Candidate of Sociological Sciences, Leading Researcher

ТЕМА НОМЕРА

МЕТАМОРФОЗЫ ЭТНИЧЕСКОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

DOI: 10.19181/vis.2025.16.1.4

EDN: NARFYG

Миграционное поведение населения внутриконтинентальных горных районов Евразии в условиях изменения климата¹

Ссылка для цитирования: Максимова С. Г., Омельченко Д. А. Миграционное поведение населения внутриконтинентальных горных районов Евразии в условиях изменения климата // Вестник Института социологии. 2025. Том 16. № 1. С. 50–73. DOI: 10.19181/vis.2025.16.1.4; EDN: NARFYG.

For citation: Maximova S. G., Omelchenko D. A. Migration behaviour of the population of the inland mountainous regions of Eurasia in the context of climate change. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 1. P. 50–73. DOI: 10.19181/vis.2025.16.1.4; EDN: NARFYG.

Максимова Светлана Геннадьевна^{1,2}

Российский биотехнологический университет, Москва, Россия;
Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

svet-maximova@yandex.ru

SPIN-код: 2676-6188

Омельченко Дарья Алексеевна¹

Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия

daria.omelchenko@mail.ru

SPIN-код: 6946-8088

Аннотация. Горные экосистемы и ледниковые зоны во всем мире наиболее чувствительны к климатическим изменениям, трансформирующим природную среду, социальную, экономическую жизнь территорий, изменяющим культуру и быт проживающих в горах коренных народов и других этнических групп. Изменения температурных режимов, осадков и водообеспеченности, рост опасных гидрометеорологических явлений оказывают негативное влияние на хозяйственную деятельность и здоровье жителей горных районов и требуют повышен-

¹ Публикация подготовлена в рамках проекта РНФ № 22-67-00020 «Изменения климата, ледников и ландшафтов Алтая в прошлом, настоящем и будущем как основа модели адаптации населения внутриконтинентальных горных районов Евразии к климатообусловленным изменениям среды».

ного внимания к вопросам их адаптации и повышения устойчивости в условиях климатической неопределенности. Миграции в контексте изменений климата, с одной стороны, рассматриваются в качестве активной стратегии, повышающей уровень безопасности населения, с другой стороны, акцентируют внимание на не-миграции как на вынужденной стратегии и результате свободного выбора. Горные территории Юго-Западной Сибири находятся в центре научного внимания в связи с изменениями ледового покрова и деградацией «вечной мерзлоты», сложной миграционной ситуацией, как правило, анализируемой в свете факторов социально-экономического развития. В статье представлены результаты социологических экспедиций в трех регионах, расположенных в пределах Алтайской горной страны (Алтайский край, Республика Алтай, Республика Тыва), направленные на оценку населением климатических изменений и адаптации к ним. На основе данных социологических опросов, глубинных интервью и экспертных оценок делаются выводы об основных тенденциях и особенностях миграционной ситуации и миграционных установок населения в сложных климатических условиях. Показано, что климатические изменения, с одной стороны, выступают в качестве фактора, усугубляющего социально-экономические и социальные проблемы, стимулирующие миграционный отток населения. С другой – для большей части населения, они не являются значимым основанием для смены места жительства, а являются частью особого «горного» и в значительной степени традиционного образа жизни. Добровольный отказ от миграции формируется позитивным восприятием местности как имеющей потенциал развития, в то же время вынужденный отказ рассматривается как проявление дезадаптивных стратегий.

Ключевые слова: климатические риски, климатическая миграция, удерживающие и выталкивающие факторы, адаптация к изменениям климата, Алтае-Саянская горная страна

Постановка исследовательской проблемы

Этнический облик современных обществ в значительной степени сформировался под влиянием миграций, выстраивающихся вокруг реальных, имеющих материальное воплощение, и «воображаемых», чаще культурных и языковых границ. Миграционные потоки способствуют изменению этнического и лингвистического состава населения, что влечет за собой трансформацию социальных, культурных и политических структур, приводит к повышенной нагрузке на социальные системы, отвечающие за социальное благополучие и защиту. Межэтнические взаимодействия могут как способствовать интеграции и укреплению социальной сплоченности, так и вызывать конфликты, связанные с различиями в идентичности и ценностях принимающего населения и приезжих. Таким образом, миграции являются ключевым фактором в формировании этнической мозаики и динамики межэтнических отношений, что релевантно для большинства поликультурных регионов мира.

Проблема климатических миграций дискутируется уже не одно десятилетие, и влияние природно-климатических факторов на экономическое и социальное развитие отражено во многих классических теориях миграции, анализирующих пространственные паттерны, барьеры и катализаторы мобильности населения [24]. Более тридцати лет назад Межправительственная группа экспертов заявила о том, что изменения климата могут «инициировать значительные потоки миграции, что при-

ведет к серьезным нарушениям характера расселения людей и социальной неустойчивости» [20; 21]. Современные прогнозы еще более пессимистичны: цифры варьируются от 216 млн [16] до 3 млрд чел., «выпадающих» из благоприятной для проживания климатической ниши, ограниченной узкими пределами средних температур [27]. По данным Ecological Threat Register (ETR) к 2040 г. более 5,4 млрд чел. будут испытывать проблемы с нехваткой питьевой воды, 3,5 млрд – продовольствия, более 20 стран уже имеют высокий уровень климатической опасности, сопряженный с гражданскими войнами и конфликтами. Показательным является пример Сирии, где засуха и опустынивание земель спровоцировали рост безработицы, повышение цен на продовольственные товары и вынужденную урбанизацию¹. Системные обзоры показывают, что изменения климата представляют одну из значимых угроз общественному здоровью и причину заболеваемости сердечно-сосудистыми, неврологическими и психическими заболеваниями, распространения инфекционных заболеваний, повышенной нагрузки на системы здравоохранения, что так или иначе отражается на перемещениях населения [13; 14; 25]. В целом, климатические факторы различными путями воздействуют на жизнедеятельность населения и его миграционное поведение. Несмотря на отсутствие принципиальных разногласий, изучение климатообусловленных миграций отличается фрагментарностью и методологическими трудностями, сопряженными с эволюцией миграционных теорий и изменениями самих миграционных реалий.

Во-первых, стоит указать на многочисленность и неопределенность содержания соответствующих понятий, таких как «экологическая миграция», «климатическая миграция», «климатическая релокация» [19], «перемещение по причине стихийных бедствий», обозначающие различные – стихийные и организованные в форме эвакуации, добровольные и вынужденные, внутренние и международные переезды [22], осуществляемые самостоятельно или при поддержке специальных институций. Мы разделяем позицию российских авторов, предостерегающих от их неоправданного смешения [2; 4; 5], однако исследовательская практика показывает, что разные виды миграций часто пересекаются (так, распространенность стихийных бедствий и чрезвычайных ситуаций часто напрямую ассоциируется с изменениями климата).

Во-вторых, предшествующий этап миграционных исследований испытывал крен в сторону анализа завершенных миграций, прогнозируемых на основе гравитационной модели миграции, постулирующей что миграционные потоки между объектами перемещения зависят от их величины и расстояния между ними, моделей максимизации индивидуальной и коллективной полезности и других аналитических схем, которые оказались не способны охватить все многообразие проявлений миграционного поведения. Теоретический кризис привел к необходимости переосмысления феномена мобильности и рассмотрению в качестве комплементарной сто-

¹ Institute for Economics & Peace (IEP). Over one billion people at threat of being displaced by 2050 due to environmental change, conflict and civil unrest. <https://www.economicsandpeace.org/wp-content/uploads/2020/09/Ecological-Threat-Register-Press-Release-27.08-FINAL.pdf> (accessed: 01.08.2024).

роны миграционного процесса отказа от перемещения [17], появился фокус на группы населения, которые вынужденно или добровольно остаются на территориях, подверженных климатическим угрозам (trapped populations)¹. Концептуализация отсутствия миграции изначально строилась на признании наличия эффекта «оседлости» (sedentary bias) [12] – совокупности теоретических рассуждений, рассматривающих миграцию преимущественно в негативном ключе как нечто проблематичное, сигнализирующее о климатическом кризисе. В настоящее время в академической литературе в данном направлении развиваются три основных вектора. Первый из них рассматривает миграцию как копинг-стратегию и активное действие, позволяющее преодолеть климатические риски наряду с жесткими (строительство дамб, ирригация) или мягкими (информирование, страхование) мерами [14]. Второе направление ставит акцент на барьерах миграции, интерсекциональности и анализе поведения маргинализированных групп, третий – на добровольной иммобильности и праве не мигрировать, что открывает более широкие перспективы анализа мотиваций не-мигрантов и причин сопротивления предлагаемой помощи по переезду [18; 28].

В-третьих, по-прежнему не находят адекватного решения проблемы оценки экономических, социальных, культурных и иных потерь, вызываемых изменениями климата, квалификации каких-либо событий как собственно климатических вследствие комплексной обусловленности миграций, одновременного влияния социальных, экономических, социально-психологических факторов. Одной из ключевых является проблема нехватки достоверных данных. Большая часть имеющейся статистики относится к чрезвычайным ситуациям и краткосрочным мерам поддержки мигрантов, в то время как значительное количество климатических процессов являются постепенными (подъем уровня воды в мировом океане или таяние арктических льдов), и нехватка знаний о них не позволяет осуществлять более точную оценку стоимости и потерь, вызванных перемещениями. Сопряжена с ней проблема невозможности осуществить длительные измерения. Многие климатические события провоцируют смену места жительства, но их полное воздействие можно оценить только спустя длительное время, например, оценивая следующее поколение мигрантов, что требует лонгитюдных исследований, проведение которых затруднено вследствие нестабильного положения и незавершенности миграционных перемещений. Сложности квантификации неэкономических потерь, ограниченность исследований специфическими кейсами, препятствующими получению целостной картины миграций, недостаток эффективных методик оценки также осложняют процесс производства достоверного знания в области климатических миграций [7; 23]. Таким образом, гуманистический поворот, произошедший в социальных науках, поставил в центр исследований человека, с его ценностями, потребностями и интересами, а в рамках климатических исследований обусловил необходимость оценки миграций и климата в широком контексте социальных трансформаций и развития, что потребовало перестройки исследовательской оптики и получения новых эмпирических данных.

¹ IOM. Glossary on Migration. https://publications.iom.int/system/files/pdf/iml_34_glossary.pdf (дата обращения: 01.08.2024).

В России климат меняется почти вдвое быстрее, увеличивается количество опасных гидрометеорологических явлений, что усугубляет и без того существенное природное разнообразие и уязвимость населения [3]. Почти половина субъектов Российской Федерации имеют особые климатические условия, серьезные последствия прогнозируются для энергетики, водопользования, судоходства, жилищно-коммунального хозяйства. Суммарная доля климатозависимых отраслей экономики России превышает 40–42% ВВП¹. Меняются и миграционные показатели: только в 2023 году в России было зарегистрировано 14,9 тыс. внутренних перемещений по причине природных бедствий, за последние 14 лет превысивших 166,4 тыс. человек². Количество климатических мигрантов может в перспективе увеличиться за счет беженцев из Центральной Азии (Таджикистана, Узбекистана, Киргизии), где нарастающий дефицит водных ресурсов и бедность населения в условиях преобладания аграрного сектора в экономике создает условия смены места жительства. И хотя доля таких мигрантов в суммарном потоке невелика и может рассматриваться скорее как положительная тенденция, учитывая демографический кризис, будущая миграционная политика должна включать дополнительные меры по адаптации таких мигрантов [7].

Климатические изменения особенно выражены в районах с распространением многолетней мерзлоты, где наблюдается ее таяние и существенное уменьшение несущей способности многолетнемерзлых грунтов [3; 6; 10]. Среди внутриконтинентальных горных территорий Евразии особое положение занимает Алтайская горная страна³, относящаяся по своим эколого-климатическим характеристикам к наиболее привлекательным, но и одновременно проблемным территориям Сибири [10; 11]. Между тем, состояние научных исследований в области климата характеризуется значительным креном в сторону изучения естественно-научных основ, тогда как социальные и культурные аспекты жизнедеятельности населения остаются слабо исследованными. Разработка механизмов эффективной адаптации населения к изменениям климата, прогностических моделей, отражающих взаимозависимость и взаимовлияние климатических изменений, политики и поведения людей невозможны без глубокого анализа субъективных оценок, социальных представлений и установок граждан в отношении климата. Учитывая сказанное выше, данная статья направлена на решение следующих задач: описать специфику миграционной ситуации в российских регионах, географически расположенных в пределах Алтайской горной страны, и структуру факторов, оказывающих воздействие на миграци-

¹ Министерство экономического развития Российской Федерации. Реализация Национального плана мероприятий второго этапа адаптации к изменениям климата на период до 2025 года. Семинар 2. Методические рекомендации по оценке климатических рисков и оценке возможного ущерба от воздействия климатических рисков. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/c88f0f4ea2242c7394d5721cc4e07368/metodicheskie_rekomendacii_po_ocenke_vozmozhnogo_ushcherba.pdf (дата обращения: 31.07.2024).

² Internal Displacement Monitoring Center. Internal Displacements. URL: <https://www.internal-displacement.org/database/displacement-data> (дата обращения: 01.08.2024).

³ Алтае-Саянская горная страна – исторически устоявшееся физико-географическое, топографическое обозначение части России, юридически большую долю территории занимает Республика Алтай, но также и другие субъекты РФ частично захватывают ее.

онные установки населения; проанализировать мотивы не-миграции как сознательного выбора жителей горных территорий и адаптивной стратегии, направленной на сохранение традиционного образа жизни и в результате выявить взаимосвязи миграционных установок с социально-демографическими, экономическими и культурными переменными.

Методология и методы исследования

Миграционное поведение представляет собой последовательность определенных действий индивида или домохозяйства, формируемого на протяжении длительного времени, с момента появления мыслей о возможной смене места жительства до формирования миграционных намерений, далеко не всегда завершающихся актом миграции [8]. Миграционное поведение в горной местности имеет свои особенности, обусловленные исторически сформировавшимися взаимосвязями бытовой и хозяйственно-экономической деятельности населения с природной средой, опытом проживания (и выживания) в условиях сурового горного климата, спецификой протекания климатических процессов. Это определило выбор общего дизайна, информационных источников и методов исследования, представленного в данной статье.

В качестве основной информационной базы использовались результаты социологических экспедиций, проведенных в 2022–2023 гг. в трех субъектах РФ – Алтайском крае, Республике Алтай и Республике Тыва. Маршрут экспедиций пролегал преимущественно через районы, расположенные близко к ледниковой зоне как наиболее уязвимой к проявлениям глобального потепления.

Алтайский край является урбанизированным регионом с высокой долей сельского населения (43,3%). Горные и предгорные районы Алтайского края отличаются относительно низким уровнем развития транспортной сети и социально-бытовой инфраструктуры [1]. По данным геомониторинга неустойчивость климата в последние годы делает непредсказуемыми процессы земледелия, а гравитационно-эрозионные процессы создают опасность для жилых и хозяйственных строений [9]. К горной местности, имеющей наибольшую приближенность к ледникам Алтая, относятся расположенные на юге муниципальные районы – Алтайский, Змеиногорский, Красногорский, Советский, Солонешенский, Чарышский.

Республика Алтай полностью расположена в пределах Алтайской горной страны, и именно на ее территории находится ее наивысшая точка – гора Белуха. Уникальной чертой региона является существенное преобладание сельского населения (около 70%), основой экономики региона является сельское хозяйство и туризм. Факторами, определяющими развитие опасных природных явлений в условиях изменения климата, являются метеорологические и гидрологические условия, сейсмическая активность [9]. Дискомфортные для жизнедеятельности человека температуры, присутствие мерзлоты, повышенная стоимость материального обеспечения жизни определили отнесение южных районов Республики Алтай – Кош-Агачского

и Улаганского к территориям, приравненным к районам Крайнего Севера. Три района с наиболее экстремальными условиями (Онгудайский, Кош-Агачский, Улаганский) были отобраны нами для исследования.

Республика Тыва представляет собой уникальный регион, расположенный в географическом центре Азии, имеющий пограничное положение с Монголией. Большая часть населения ведет традиционный образ жизни. Основная специализация природопользования – сельское хозяйство, в котором доминирует мясное скотоводство, что имеет глубокие исторические корни. Вся территория Республики Тыва относится к территориям со сложной пространственной структурой, высокими издержками производства, большинство районов республики отнесены к районам Крайнего Севера или приравнены к ним. Для исследования были отобраны Барун-Хемчикский, Дзун-Хемчикский, Улуг-Хемский, Монгун-Тайгинский, Чеди-Хольский районы.

Инструментарий исследования включал формализованные интервью с жителями ($n = 913$, квотная выборка с контролем по полу, возрасту, месту проживания, возраст опрошенных – 16-80 лет), результаты которых анализировали с помощью дескриптивных и аналитических статистических процедур, глубинные полуструктурированные интервью ($n = 72$), а также экспертные опросы с сотрудниками районных администраций, работниками таможенных служб, природоохранных ведомств, территориальных органов МЧС, учеными ($n = 163$). Для анализа текстовых данных применялась процедура открытого кодирования, позволяющая выйти за рамки гайда и описать социальный эффект климатических реалий с учетом местного контекста. Всего было собрано 514 текстовых фрагментов, сгруппированных в 32 категории, из них 66 фрагментов содержали информацию о миграционной ситуации, взаимодействиях с пограничной службой, миграционных намерениях, миграции в семье. Для обработки результатов качественного исследования использовалась программа MaxQDA 23.0, количественного – SPSS 26.0.

Результаты исследования

Общая характеристика миграционного поведения населения изученных нами горных территорий может быть представлена на основе анализа объема и направленности миграционных потоков в их взаимосвязи с общими демографическими тенденциями.

Отметим, что десять из четырнадцати изученных районов в последние 5 лет имели отрицательную динамику численности населения (кроме Алтайского района Алтайского края, Улаганского района Республики Алтай и Монгун-Тайгинского и Улуг-Хемского районов Республики Тыва). Алтайский край поступательно демонстрировал негативные тенденции, тогда как в национальных республиках до последнего времени наблюдался положительный прирост населения, связываемый с незавершенностью демографического перехода и сохранением традиционного уклада жизни. Снижение численности началось в 2022 г., в Улуг-Хемском и Кош-Агачском

районах – в 2023 г. Сильнее всего перелом заметен в Кош-Агачском районе, где прирост населения в 1,1 тыс. человек за четыре года сменился резким сокращением в 1,8 тыс. чел. в 2023 г.

Миграционные итоги практически во всех муниципальных районах в последние годы также были отрицательными. Исключение составили Алтайский район Алтайского края, испытывающий демографический бум в связи с развитием туризма и изменениями туристических предпочтений россиян (средний миграционный прирост составил 232,2 чел.), и два района Республики Алтай – Улаганский и Кош-Агачский, средний миграционный прирост в которых составил 40,2 чел. и 2,3 чел. ежегодно (табл. 1). Положительное миграционное сальдо формировалось в основном за счет внутрирегиональных перемещений, вклад которых в общую статистику миграций превышал 60%. Внешняя по отношению к региону миграция (межрегиональная и международная) была незначительной, она как правило, усиливала основную тенденцию снижения или увеличения населения, и редко выполняла компенсирующую функцию.

Таблица 1 (Table 1)

Миграционный прирост в регионах исследования
(муниципальные районы, вошедшие в выборочную совокупность), 2018–2023, чел.
Migration growth in the regions of research (municipal areas included in the sample),
2018–2023, number of people

Район	2018	2019	2020	2021	2022	2023	Среднее значение
Алтайский край							
Алтайский район	70	152	390	326	251	204	232,2
Змеиногорский	-324	-114	-98	-74	-71	-91	-128,7
Красногорский	-37	-160	-135	-73	-48	-55	-84,7
Советский	-86	-86	1	-59	-43	-92	-60,8
Солонешенский район	-92	-117	-56	-83	-20	-89	-76,2
Чарышский район	-65	-171	5	-74	-85	-94	-80,7
Республика Алтай							
Онгудайский район	-145	-102	6	66	16	-78	-39,5
Улаганский район	-42	16	121	1	97	48	40,2
Кош-Агачский район	-191	42	85	188	-32	-78	2,3
Республика Тыва							
Барун-Хемчикский	-179	-90	45	-138	-255	-307	-154,0
Дзун-Хемчикский	-123	-115	-51	-406	-574	-495	-294,0
Улуг-Хемский	-103	-3	-52	-241	-275	-328	-167,0
Монгун-Тайгинский	-52	-59	-11	-69	-108	-87	-64,3
Чеди-Хольский	-23	46	34	-67	-144	-156	-51,7

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата, база данных показателей муниципальных образований. URL: <https://rosstat.gov.ru/dbscripts/munst/> (дата обращения: 01.08.2024).

Учитывая неполноту и ограниченные возможности для интерпретации, выявленные статистические тенденции целесообразно дополнить данными массовых опросов и глубинных интервью.

Отвечая на вопрос о том, как меняется население в месте проживания респондента в последние годы, 43,5% жителей горных районов также указали на преимущественный отток населения. Почти четверть жителей (24,9%) наблюдали примерно равные потоки уезжающих и приезжающих, тогда как 18,7% – были уверены, что их населенный пункт пополняется новыми людьми. Сравнение по регионам показало наличие статистически достоверных отличий (критерий χ^2 , $p < 0,05$). Население Алтайского края было существенно больше осведомлено и обеспокоено негативными миграционными тенденциями (54,6% указали на отток населения). Меньше всего миграционные потери отмечались жителями в Республике Тыва (34,9%), тогда как жители Республики чаще указывали (8,4% по сравнению с 2% в Алтайском крае и 5,6% в Республике Тыва) на отсутствие значимого влияния миграции на состав населения (рис. 1).

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос:
 «Как изменяется население Вашего города / села в последние 3-5 лет? Сюда приезжают, отсюда уезжают или живут в основном одни и те же?», %

Figure 1. Distribution of answers to the question:
How has the population of your city/ village changed in the last 3-5 years? Do they come here, go away or live mostly the same?» %

Оценки респондентов отличались разнородностью, что может быть связано с рядом факторов, определяющих восприятие событий в миграционной сфере. В частности, на отток населения чаще указывали представители старших поколений (45–49%, в группе до 30 лет – 37,8%). Оценки коррелировали с финансовым положением респондента (чем выше доста-

ток, тем реже отмечались негативные изменения). Важным фактором восприятия являлось чувство защищенности от природных угроз и опасностей: среди тех, кто чувствовал себя незащищенным, доля указывающих на отток населения была достоверно выше (более 50%), чем среди тех, кто чувствовал себя в безопасности (34,7%). Другие факторы, такие как пол, образование или материальное положение, статистически значимого воздействия на оценки не оказывали (χ^2 , $p > 0,05$).

Нарративы, представленные в глубинных интервью, не только подтверждали выявленные закономерности, но и указывали на сложный характер миграционных процессов, не укладывающихся в трехчленную формулу оттока – притока – стабильности: «Многие уезжают, в селе больше людей живет моего возраста. У нас раньше, когда я учился, в селе было 560 человек, сейчас 160 человек» (муж., 60 лет, Республика Алтай, Кош-Агачский район); «Местные, например, на пенсию выходят и остаются. С гор съезжают, и вот ...» (жен., 43 года, Республика Алтай, Кош-Агачский район); «Ты знаешь, люди часто приезжают, и уезжают в поисках лучшей жизни, хорошей жизни. Учителей много уезжает, врачи не задерживаются. Приезжают, но обратно уезжают» (жен., 42 года, Республика Тыва, Чеди-Хольский кожуун); «Нет, не меняется, чтоб так, чтобы все уезжали, нет конечно, но половина, в основном молодежь, где работу найдут, туда уезжают» (жен., 63, Республика Алтай, Кош-Агачский район).

Качественный анализ позволил также выявить несколько дополнительных сюжетов, связанных с миграционным поведением населения, показывающих специфику не только горных, но и приграничных территорий, объясняющих, кто уезжает или приезжает, и почему.

Так, большинство семейных историй о миграции было связано с отправкой молодежи для получения образования в другие регионы России. Как правило, это дорога «в один конец»: для районов, где основным видом деятельности является скотоводство и перспективы открытия собственного бизнеса или трудоустройства вне сферы агроиндустрии являются туманными, возвращение молодежи, получившей высшее образование в более развитых регионах, маловероятно. Примеры, иллюстрирующие подобные ситуации: «Отправляем поступать, конечно. – Они, возвращаются как заканчивают? – Заканчивают, возвращаются некоторые. – В Горно-Алтайск, или еще дальше? – Еще дальше, Барнаул, Новосибирск.» (жен., 52 года, Республика Алтай, Кош-Агачский район); «А ваши дети будут возвращаться или какие у них планы, не знаете? Не знаю, будут наверное, но приезжают они редко ...» (жен., 45 лет, Республика Алтай, Кош-Агачский район). И хотя напрямую в таких историях климат обычно не упоминается, климатическая тематика присутствует в качестве фона, накладывающего отпечаток в виде «эффекта колеи» (path dependence), который стремится разорвать молодое поколение: «Они [дети респондента] совсем не хотят на стоянку, им нужен интернет, телефон. Сын у нас, конечно, спрашивает, хотим мы, чтобы он занимался нашим хозяйством. Его папа говорит, что времена стали другие, и погода, климат

становится трудным. Думаю, будет лучше, если он получит образование, будет жить в теплом доме, устроится на работу» (жен., 42 года, Республика Тыва, Монгун-Тайгинский кожуун).

Другая особенность – отток населения на вахтовую работу в северные регионы, предоставляющие «окно возможностей» для удовлетворения финансовых потребностей. Для местных такой переезд имеет более низкий «порог входа», так как они уже имеют опыт проживания в суровом климате, что дает преимущество в адаптации: «У кого работа есть, здесь работает, а у кого нет – они уже на севере. А куда на север? Ну, там, по всей России: Магадан, Мурманск, Сахалин. Уезжают работать, потом возвращаются. В основном кто уезжает? Молодежь. И мужчины, и женщины? Да, и семейные тоже есть» (муж., 33 года, Республика Алтай, Кош-Агачский район); «Тут никто не задерживается, куда-нибудь подальше, все равно там условия другие, оплата другая, получше» (муж., 53 года, Республика Алтай, Кош-Агачский район). Точные объемы такой миграции оценить невозможно, косвенно о ней можно судить по данным о занятом населении частных домохозяйств, работающих за пределами своего населенного пункта. В частности, лица, работающие на территории другого субъекта РФ или иностранного государства, указывающие периодичность выезда один раз в месяц или реже, могут быть идентифицированы как работающие вахтовым методом. Статистика показывает, что доля такой занятости составляет по меньшей мере 1,4% в Алтайском крае и достигает 2,5% от занятого населения в Республике Тыва (табл. 2).

Таблица 2 (Table 2)

Данные о численности занятого населения вне населенного пункта проживания в регионах исследования, чел.

The number of employed people outside the locality in the regions of research, number of people

Регион	Численность занятого населения, старше 15 лет	Общее количество работающих вне населенного пункта проживания	Количество работающих вне населенного пункта с длительной периодичностью выезда	Доля в численности занятого населения, %
Республика Алтай	97 300	8991	1415	1,5
Республика Тыва	127 000	7746	2852	2,5
Алтайский край	1 111 700	72 213	15298	1,4

Источник: подсчитано авторами на основе итогов Всероссийской переписи населения (2020), представленных на официальном сайте Росстата. URL: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020> (дата обращения: 01.08.2024).

В Кош-Агачском районе Республики Алтай была выявлена противоположная тенденция – пополнения населения за счет русских работников таможни, пограничников и военных, остающихся жить в районе после окончания службы: «Много приезжают, русские в основном, которые на таможне в Ташанте работали, на пенсию вышли и вот здесь»

(муж., 33 года, Республика Алтай, Кош-Агачский район); *«Приезжают, у нас здесь много приезжих, вот сейчас русские, вообще много, где колхоз, дома покупают, живут семьями»* (жен., 54 года, Республика Алтай, Кош-Агачский район). В количественном соотношении это небольшие цифры, но для населения такая миграция – безусловно заметное событие. Развитие пограничной инфраструктуры вкупе с финансовыми привилегиями жителей северных территорий создает уверенность в наличии стабильности, привлекающих жителей других районов: *«Сюда приезжают все, не только военные, здесь жилье, можно хорошо устроиться, застава есть, школа, администрация работает, поэтому так держимся»* (муж., 38 лет, Республика Алтай, Кош-Агачский район); *«У нас соседнее село, колхоз, там люди уезжают, а у нас, видите, военные, граница, люди приезжают, много военных-контрактников, здесь лучше»* (муж., 66 лет, Республика Алтай, Кош-Агачский район); *«Приезжают молодые, у нас зарплата высокая»* (муж., 52 года, Республика Алтай, Кош-Агачский район).

Какова роль собственно климатических факторов среди всех, потенциально определяющих миграционный отток населения? Ответить на этот вопрос непросто. С одной стороны, каждая миграционная история характеризуется уникальным сочетанием индивидуальных жизненных обстоятельств и институциональных факторов, определяющих решение о переезде в другое место. С другой стороны, если речь не идет о природных катастрофах, провоцирующих большие потоки мигрантов, изменения климата происходят медленно и решение о переезде, даже если оно осознается как связанное с климатом, принимается не сразу и значительно отсрочено во времени.

Анализ спектра социальных проблем (более 20 показателей), позволил обозначить основные проблемные «точки» развития горных территорий, в том числе связанных с природными и климатическими условиями, которые потенциально могли выступать триггерами и сопутствующими причинами переезда. По мнению жителей и экспертов (в анкетах использовались аналогичные вопросы, что позволяло сделать сравнительный анализ) ключевыми проблемами развития села являются плохие дороги (47% выборов среди жителей и 35,3% среди экспертов), низкий уровень здоровья населения (39,7%, в Алтайском крае – 55,8%), сложности с получением медицинской помощи (39,3%, в Алтайском крае – 64,5%), низкие доходы населения (36% примерно в равной мере во всех изученных регионах). Часть оценок населения были заниженными, аналогичные показатели экспертного опроса имели более высокие значения. Так, на проблемы здоровья населения указали 50% экспертов (в Республике Тыва – только 29%), финансовые затруднения – 61,5% (в Алтайском крае – 88,6%). Значительные расхождения наблюдались в отношении безработицы, которая для экспертов была существенно более важным показателем развития села, чем для населения (62,2% по сравнению с 9,1%). Касательно доступа к медицинским услугам эксперты, в отличие от жителей, были скорее уверены в отсутствии проблемы (16,7%).

Инфраструктурные и коммунальные проблемы также имели довольно существенный вес и могли оказывать усиливающий эффект при принятии решения о миграции. Так, около 17% обеих групп отметили сложности обеспечения горных территорий качественной питьевой водой, столько же – испытывали сложности с переboями со светом, поставкой горюче-смазочных материалов, топлива (в республике Тыва на эту проблему указали 27,4% опрошенных жителей и 16,1% экспертов). Более 10% жителей были обеспокоены проблемой возможной блокировки доступа к населенному пункту из-за плохих климатических условий, сезонной опасности дорог (в Алтайском крае эта проблема была значимой для каждого пятого жителя), недостаточным доступом к услугам связи и Интернета (12,2% в общей выборке по трем регионам, 3,2% среди экспертов) (табл. 3)

Таблица 3 (Table 3)

Потенциальные факторы миграционного оттока,
вопрос с множественный выбором, %
Potential reasons of migration outflow, multiple choice question, %

Показатель	Население				Эксперты			
	Алтайский край	Республика Алтай	Республика Тыва	Всего	Алтайский край	Республика Алтай	Республика Тыва	Всего
Общие социальные и экономические проблемы								
Плохие дороги в селе	48,6	45,2	49,1	47	28,6	37,3	37,1	35,3
Проблемы со здоровьем	55,8	36,8	28,7	39,7	60,0	66,1	29,0	50,0
Проблемы с получением медицинского обслуживания, вызовом «скорой помощи» и т. п.	64,5	33,0	25,6	39,3	22,9	16,9	12,9	16,7
Финансовые затруднения, низкая зарплата, доходы	32,7	36,4	38,1	36,0	88,6	54,2	53,2	61,5
Угроза увольнения с работы или отсутствие работы, безработица	7,5	10,3	8,5	9,1	31,4	81,4	61,3	62,2
Проблемы связанные с трудностями освоения территории и климатическими условиями								
Плохая питьевая вода или ее отсутствие	9,0	19,9	17,7	16,6	5,7	15,3	24,2	16,7
Перебои со светом, поставкой горюче-смазочных материалов, дров и угля, природного газа и др.	8,4	14,8	27,4	16,5	2,9	6,8	16,1	9,6
Сложно добраться до населенного пункта из-за погоды, сезонного отсутствия или опасности дорог	20,9	14,1	9,5	14,6	5,7	3,4	9,7	6,4
Проблемы со связью, Интернетом	18,4	11,5	7,6	12,2	5,7	0,0	4,8	3,2

Анализ миграционных установок и потенциала мобильности населения, проживающего в зонах климатического риска, показал, что привязаны к территории проживания немногим более половины жителей регионов – только 58,9% не хотели бы никуда переезжать. Миграционные намерения разной степени определенности присутствовали у 36,2% опрошенных, в большинстве случаев в качестве основного направления переезда указывался другой регион России (11,2%, этот обычно соседние регионы, а также центральные и южные регионы России) или другой район региона проживания (9,9%), не имели четких предпочтений 9,7% респондентов. Международная миграция не являлась релевантным способом удовлетворения актуальных потребностей: в другую страну хотели бы переехать только 1,7% респондентов (желаемые страны миграции – Бразилия, Канада, Китай, Турция, Швеция, Южная Корея).

Достоверно больше всего привязанных к месту жительства – в Республике Алтай (62,2%). В Алтайском крае выше уровень миграционных установок в виде четко выраженного желания переехать хоть куда-нибудь, но переехать обязательно (16,4%), в Туве более распространены установки на переезд в другой регион Российской Федерации – 18,7%, в Республике Алтай доминировало стремление переместиться в пределах своего района, чаще – в другой район республики (13,7%) (рис. 2).

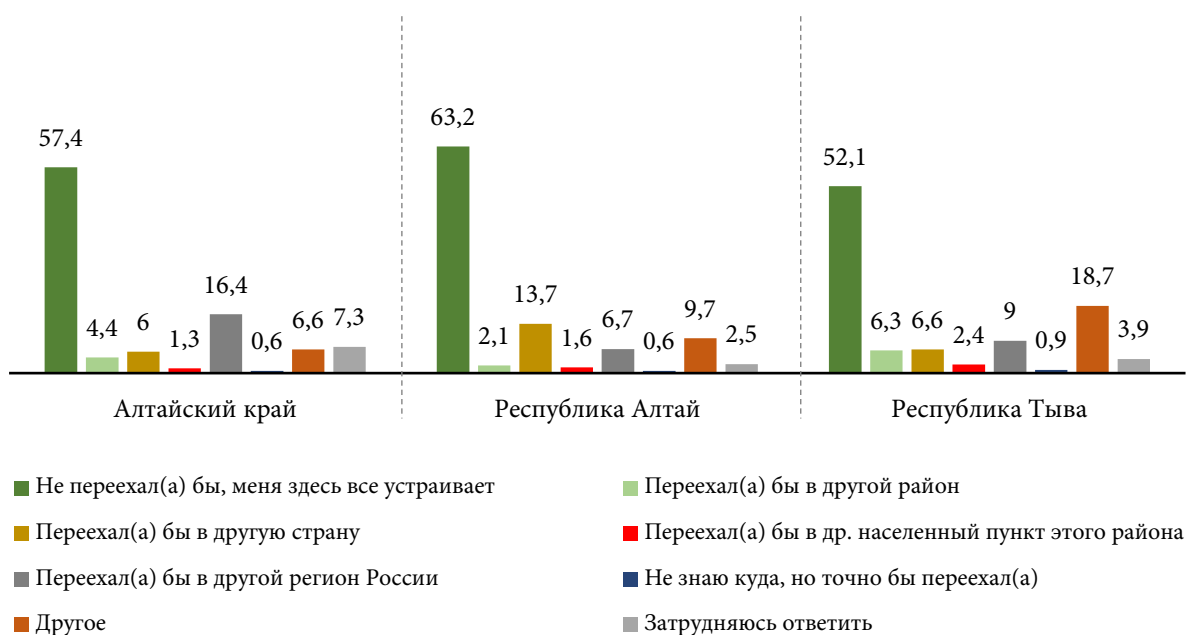

Рис. 2. Миграционные установки населения в зависимости от региона исследования, %

Figure 2. Migration attitudes of population, by region of research, %

Основными причинами не-миграции чаще являлись желание оставаться на родине, земле предков (33%) и отсутствие средств для осуществления переезда (32,7%), хотя, заметим, что удерживающие причины разнообразны, и для каждого, скорее свои. Те, кто не имел четких намерений переезда, отмечали, что не могут уехать из-за родственников, нуждающихся в уходе

(26,5%), в меньшей мере – из-за желания сохранить близких и друзей (16,1%), страха переезда (15,5%), таким образом ведущими являлись психологические и социально-психологические, а не материальные мотивы. Привязанность к «своей земле», нежелание бросать личное подсобное хозяйство выступали сдерживающим фактором для 9,8% опрошенных, 6,3% указывали на сложности перевоза «большого хозяйства» (6,3%). Менее выраженными являлись отсутствие перспектив развития («езде одинаково») (6,7%), проблемы со здоровьем (5,7%) и желание получить льготы и прочие преференции (2,9%). Жители, указавшие собственный вариант ответа (около 8%), обосновывали свой выбор такими причинами, как наличие маленьких детей, возраст, незаконченное образование, трудовая деятельность («жду пенсию») или социальный контракт, ожидание жилищного сертификата или «северных» выплат, уникальные природные и экологические условия («хороший воздух»), их «все устраивает», жалко дом (жилье, хозяйство) (рис. 3).

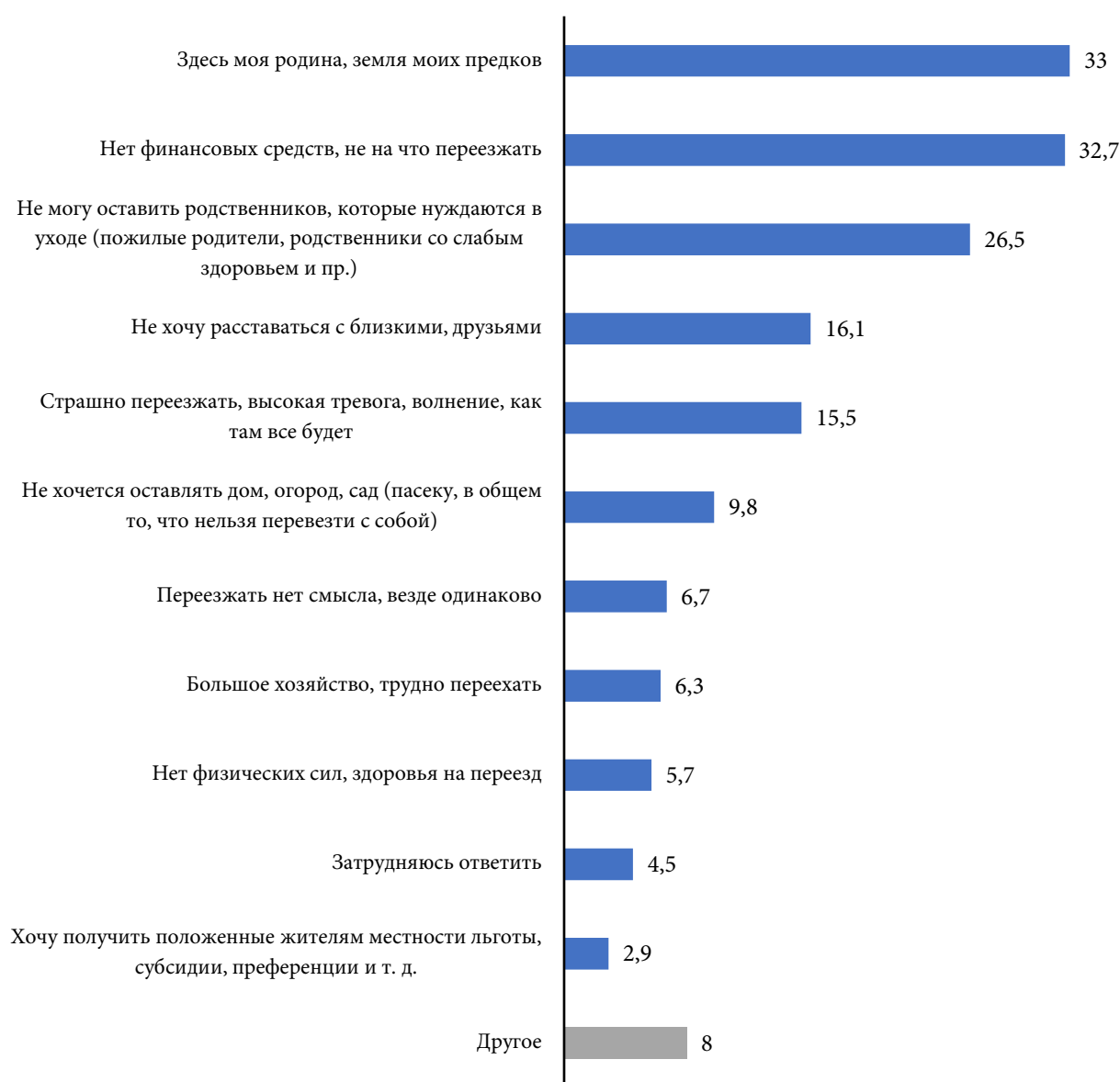

Рис. 3. Причины отказа от миграции, множественные выборы, %
 Figure 3. Reasons for not migrating, multiple choice question, %

Региональные сравнения показали, что на отсутствие финансовых средств на переезд чаще указывали жители Алтайского края (42%) и Республики Тыва (40,8%). Психозэмоциональные причины и отсутствие здоровья также оказались более значимыми для Алтайского края (11,2% и 24,9%) по сравнению с другими регионами (3-4% и 12-13%). Характерной особенностью национальных республик является акцент на исторические традиции проживания и тесные связи с местным сообществом: в Республике Алтай 37,9% жителей отметили в качестве основной причины «Здесь моя родина, земля моих предков» (в других регионах доля таких выборов составила 27-29%). В республиках жители также достоверно чаще указывали на нежелание расставаться с близкими и друзьями (18-20%, в Алтайском крае – 9,5%), льготы, субсидии и преференции являлись сдерживающим фактором в Республике Алтай (5,5%, в других регионах нулевые значения) (различия значимы на 5% уровне по критерию χ^2).

Регрессионный анализ позволил выявить статистически значимые детерминанты миграционного поведения. В качестве зависимой была задана дихотомическая переменная, разделяющая респондентов на две группы – тех, кто не хочет переезжать и тех, кто имел хоть какие-то желания и намерения переехать, пусть не до конца артикулированные. В качестве независимых переменных в модель были включены основные социально-демографические, экономические и культурные факторы (пол, возраст, уровень образования, занятость и самооценка материального положения, состав семьи и количество несовершеннолетних детей), показатели оценки защищенности от природных угроз и опасностей, адаптированности к природным и климатическим условиям, оценки проблем и положительных тенденций в развитии сельских территорий.

Общими для всех регионов предикторами миграционного выбора (уехать или остаться) являлись оценки адаптированности и актуального материального положения. В первом случае модели указывали на прямую взаимосвязь – чем выше оценки, тем больше шанс, что человек не захочет уезжать из своей родной местности. Во втором случае направленность влияния фактора была различной. Так, в Алтайском крае и Республике Алтай повышение уровня материального положения ассоциировалось с активными миграционными стратегиями ($b_{AK} = -0,931$, $p = 0,007$, $Exp(B) = 0,394$, $b_{PA} = -0,543$, $p = 0,06$, $Exp(B) = 0,965$), то в Республике Тыва, напротив, повышение благосостояния выступало значимым сдерживающим фактором, способствующим принятию решения об отказе от миграции ($b_{AK} = -0,495$, $p = 0,007$, $Exp(B) = 0,989$).

В Алтайском крае и Республике Тыва значимым предиктором миграционного оттока являлся фактор угрозы увольнения или отсутствия работы: ($b_{AK} = -1,352$, $p = 0,038$, $Exp(B) = 0,259$, $b_{PT} = -1,073$, $p = 0,056$, $Exp(B) = 0,342$), в обеих национальных республиках – значимые взаимосвязи были выявлены с показателями отсутствия возможности культурного досуга, развития ($b_{PA} = -0,843$, $p = 0,035$, $Exp(B) = 0,43$, $b_{PT} = -1,255$, $p = 0,001$, $Exp(B) = 0,285$), нехватки необходимых продуктов, товаров ($b_{PA} = -1,262$, $p = 0,064$, $Exp(B) = 0,283$, $b_{PT} = -0,947$, $p = 0,098$, $Exp(B) = 0,388$), повышающих вероятность миграции.

Дополнительно в Алтайском крае стимулирующими миграцию факторами являлись недовольство сельских жителей сокращением рабочих мест, общей «запущенностью» села. В Республике Алтай установка на закрепление на территории зависела от длительности проживания, доступа к образовательной инфраструктуре, обеспеченности питьевой водой, удовлетворенности состоянием коммунальной сферы, благоустройством, расположением жилища в безопасной зоне (во всех случаях наличие проблем указывало на снижение желания остаться). В Республике Тыва проблемы со здоровьем значительно увеличивали шансы формирования миграционных намерений. Между тем, не все факторы имели отрицательные воздействия. Так, например, в Туве, жители, отмечающие позитивные перемены в облике села – рост строительства, благоустройства улиц и домов, имели более выраженные намерения остаться. Иногда указание на проблему не приводило к миграционным намерениям. Например, в Алтайском крае выявлены положительные взаимосвязи между наличием энергетических проблем, закрытием социальных и культурных объектов и отказом от миграции. Наличие таких, противоречащих, на первый взгляд, взаимосвязей, в ряде случаев указывало на вынужденный характер отказа от миграции (табл. 4).

Таблица 4 (Table 4)

Регрессионные модели миграционного поведения*

*Regression models of migration behaviour**

Предиктор	Алтайский край			Республика Алтай			Республика Тыва		
	B	p	Exp (B)	B	p	Exp (B)	B	p	Exp (B)
Уровень материального достатка семьи	-0,93	0,007	0,394	-0,54	0,06	0,581	0,50	0,057	1,64
Самооценка уровня адаптированности к природным, включая климатические, условиям	0,03	0,034	0,973	0,04	0,001	0,965	0,01	0,045	0,989
Угроза увольнения с работы или отсутствие работы	-1,32	0,038	0,259	-	-	-	-1,01	0,056	0,342
Перебои со светом, поставкой горюче-смазочных материалов, дров и угля, природного газа и др.	1,24	0,03	3,463	-	-	-	-	-	-
Город / село становится более запущенным, дома и улицы приходят в упадок	-1,32	0,004	0,267	-	-	-	-	-	-
Социальные и культурные объекты закрываются или находятся в аварийном состоянии	0,89	0,042	2,439	-	-	-	-	-	-
Количество мест для заработка сокращается	-1,21	0,001	0,297	-	-	-	-	-	-

Продолжение таблицы 4

Предиктор	Алтайский край			Республика Алтай			Республика Тыва		
	B	p	Exp (B)	B	p	Exp (B)	B	p	Exp (B)
Давность проживания в районе	-	-	-	-1,16	0,062	0,314	-	-	-
Расположение жилья в зоне природного риска	-	-	-	-0,60	0,034	0,553	-	-	-
Отсутствие возможности культурно проводить досуг, развиваться	-	-	-	-0,84	0,035	0,43	-1,26	0,001	0,285
Отсутствие возможностей для качественного образования детей	-	-	-	-0,83	0,052	0,435	-	-	-
Плохая питьевая вода или ее отсутствие	-	-	-	-1,18	0,009	0,306	-	-	-
Мало необходимых продуктов, товаров	-	-	-	-1,26	0,064	0,283	-0,95	0,098	0,388
Неблагоустроенное жилье, нет центрального отопления, водоснабжения, канализации	-	-	-	-0,81	0,038	0,447	-	-	-
Идет активное жилищное строительство, появляются новые улицы, дома	-	-	-	-	-	-	0,80	0,008	2,211
Проблемы со здоровьем	-	-	-	-	-	-	-0,67	0,034	0,511
Пол	-	-	-	-	-	-	-0,78	0,023	0,456

Примечание. *Логистическая регрессия, для отбора значимых предикторов использован пошаговый метод Вальда.

Заключение

Наблюдения за климатическими изменениями во всем мире показывают, что основными потребителями климатических рисков становятся наименее развитые в экономическом, технологическом отношении регионы, не способные самостоятельно справиться с наносимыми климатом ущербом и потерями, и реализовать климатическую политику, позволяющую обеспечить адаптацию население и устойчивое развитие своих территорий. Внутриконтинентальные горные районы Евразии, расположенные в Алтайской горной стране, обладая несомненным природным, экологическим, туристическим потенциалом, испытывают серьезные трудности социально-экономического развития, усугубляемые возрастающими последствиями изменений гидрометеорологических условий, что отражается на демографической и миграционной динамике.

Миграционная ситуация в горных районах указывает на преобладающий миграционный отток, результирующий из внутренних и внешних перемещений населения, отраженных в общественном сознании в виде миграционных стереотипов и восприятия своих местностей как «стареющих», находящихся под угрозой обезлюживания, «бедных». Миграционные стратегии семей разнообразны и включают широкий репертуар практик, от традиционной смены места жительства, до вахтовых миграций и образовательных миграций детей, которые, в большинстве случаев, прерывают семейные традиции в области природопользования (традиционных ремесел, животноводства). В то же время, в поселениях, расположенных вблизи государственной границы, военная инфраструктура рассматривается как фактор стабильности, а граница – как центр миграционного притяжения, возможностей обмена и получения гарантий безопасности.

Нерешаемые вопросы развития транспортной, социальной инфраструктур, отсутствие возможностей культурного развития, получения образования выталкивают население из региона. Отказ от миграции демонстрируют либо лица, для которых проживание в суровых условиях является привлекательным в силу наличия «северных» предпочтений, сильных культурных, социальных связей, либо те, кто уже не способен совершить переезд в более благоприятные климатические условия в силу возраста, проблем со здоровьем, финансовых проблем. Вынужденный характер приверженности месту доказывают оценки респондентов относительно форм помощи, которые могли бы способствовать успешной адаптации к изменениям климата. Наряду с необходимостью обеспечения лекарствами и медицинскими условиями, продуктами, более четверти жителей горных регионов в республиках и более 40% жителей Алтайского края указали, что нуждаются в помощи с переездом в более безопасное место.

В настоящее время Министерство экономического развития РФ разрабатывает методические рекомендации и проводит серию семинаров для регионов по оценке климатических рисков и возможного ущерба от их реализации. Разработаны формы и показатели оценки, уточняется терминология и перечень климатически уязвимых объектов, из числа которых, как ни странно, исключены пашни, леса, площади территорий, экосистемы и само население [6]. Безусловно, формирование климатической политики и реализация национального плана адаптации к изменениям климата – это длительный процесс, требующий вовлеченности всех заинтересованных сторон, однако, без учета косвенного и отсроченного по времени неэкономического ущерба, отраженного в социальных настроениях и оценках самого населения, формальная оценка рисков и компенсации ущерба не может быть до конца эффективным инструментом.

Проведенный нами анализ показал отсутствие явной угрозы массовых климатических миграций в высокогорных районах Алтайской горной страны. Эти миграции пока имеют латентный характер и связаны с климатом косвенно. Прямые угрозы актуализируются во время природных бедствий и, вероятно, будут иметь тенденции к усилению. Представляется, что меры по устойчивому развитию горных территорий должны быть направлены не только на предоставление адресной помощи населению,

находящемуся в уязвимом положении, но и на преодоление негативных миграционных тенденций, формированию позитивного имиджа территорий как центров развития, что становится более сложным, учитывая актуальные и будущие климатические реалии.

Библиографический список

1. Барышникова О. Н., Прудникова Н. Г. Пути разрешения межотраслевых противоречий рекреационного и традиционного природопользования на примере Алтайского края // Вестник АлтГАУ. 2009. № 12. С. 24–28. EDN: KWYFKN.

2. Зворыкина Ю. В., Тетерятников К. С. Климатическая (или экологическая?) миграция: проблемы и перспективы // Научные труды Вольного экономического общества России. 2019. Т. 216. № 2. С. 236–256. EDN: IENUMV.

3. Кокорин А. Новые факторы и этапы глобальной и российской климатической политики // Экономическая политика. 2016. № 11(1). С. 157–176. DOI: 10.18288/1994-5124-2016-1-10; EDN: VMLYWJ.

4. Леденева В. Ю. Климатическая миграция: тенденции и прогнозы // Известия ЮЗГУ. Сер.: Экономика. Социология. Менеджмент. 2023. № 11(6). С. 233–242. EDN: EIOSHT.

5. Лукьянец А. С. Климатическая миграция в условиях пандемии Covid-19 // Научное обозрение. Сер. 1: Экономика и Право. 2020. № 3. С. 22–33. DOI: 10.26653/2076-4650-2020-3-02; EDN: ADDOWZ.

6. Оганесян В. В., Стерин А. М., Воробьева Л. Н. Потенциальные ущербы от опасных и неблагоприятных метеорологических явлений на территории Российской Федерации: региональные особенности // Гидрометеорологические исследования и прогнозы. 2021. № 1. С. 143–156. EDN: FXABDK.

7. Рязанцев С. В., Моисеева Е. М. Влияние глобального изменения климата на миграцию населения в России и странах Центральной Азии // Народонаселение. 2022. № 25(3). С. 18–32. DOI: 10.19181/population.2022.25.3.2; EDN: CMTAGK.

8. Сарыглар С. А., Максимова С. Г. Миграционное поведение: стратегии и практики социальной интеграции, специфика адаптивного поведения мигрантов в азиатском приграничье России // Society and Security Insights. 2020. № 3(1). С. 37–48. DOI: 10.14258/ssi(2020)1-02; EDN: BKCORN.

9. Состояние геологической среды (недр) территории Сибирского федерального округа в 2021 г. Информ. бюллетень. Вып. 18. Томск: фл «СРЦ ГМСН», 2022. 204 с.

10. Сухова М. Г. Климато-экологические характеристики среды горных регионов (на примере российского Алтая) // Вестник РУДН. Сер. Экология и безопасность жизнедеятельности. 2009. № 2. С. 116–121. EDN: KHRLW.

11. Торопов П. А., Алешина М. А. и др. Современная деградация горного оледенения Алтая, ее последствия и возможные причины // Метеорология и гидрология. 2020. № 5. С. 118–130. EDN: CDBMKO.
12. Bakewell O. Migration and Development in Sub-Saharan Africa. In: Phillips, N. (ed) Migration in the Global Political Economy. Boulder, CO/ London: Lynne Rienner Publishers, 2011. P. 121–141.
13. Balbus J. A., Crimmins J. L. et al. Introduction: Climate Change and Human Health // The Impacts of Climate Change on Human Health in the United States: A Scientific Assessment. 2016. P. 25–42. DOI: 10.7930/JOVX0DFW.
14. Black R., Bennett S. R. G. et al. Migration as adaptation // Nature. 2011. No. 7370. P. 447–449. DOI: 10.1038/478477a.
15. Cegolon L, Heymann W. C., Lange J. H. Climate change, emerging infections and blood donations // Journal of Travel Medicine. 2017. Vol. 24. No. 3. DOI: 10.1093/jtm/taw098.
16. Clement V., Rigaud K. K. et al. Groundswell part 2: Acting on internal climate migration. World Bank, 2021. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/entities/publication/2c9150df-52c3-58ed-9075-d78ea56c3267> (дата обращения: 01.08.2024).
17. de Haas H. A theory of migration: the aspirations-capabilities framework // Comparative migration studies. 2021. № 9(1). P. 8. DOI: 10.1186/s40878-020-00210-4.
18. Farbotko C., Dun O. et al. Relocation planning must address voluntary immobility // Nature Climate Change. 2020. No. 10(8). P. 702–704. DOI: 10.1038/s41558-020-0829-6.
19. Ferris E., Weerasinghe S. Promoting human security: Planned relocation as a protection tool in a time of climate change // Journal on Migration and Human Security. 2020. No. 8(2). P. 134–149. DOI: 10.1177/2331502420909305.
20. Hauer M. E., Jacobs S. A., Kulp S. A. Climate migration amplifies demographic change and population aging // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2024. No. 121(3), P. e2206192119. DOI: 10.1073/pnas.220619211.
21. I.P.C.C. Wmo. Climate change: the 1990 and 1992 IPCC assessments, IPCC first assessment report overview and policymaker summaries and 1992 IPPC supplement (IPCC, Geneve, 1992). 178 p.
22. International Organization for Migration (IOM). Institutional Strategy on Migration, Environment and Climate Change 2021–2030 For a comprehensive, evidence and rights-based approach to migration in the context of environmental degradation, climate change and disasters, for the benefit of migrants and societies. IOM, Geneva, 2021. 47 p.
23. Platform on Disaster Displacement. How to Quantify and Measure Loss and Damage Associated with Displacement? URL: <https://disasterdisplacement.org/resource/how-to-quantify-and-measure-loss-and-damage-displacement/> (дата обращения: 01.08.2024).

24. Price M. Geographical Theories of Migration: Exploring Scalar, Spatial, and Placeful Dimensions of Human Mobility // *Migration Theory*. Routledge, 2022. P. 232–268. DOI: 10.4324/9781003121015.

25. Rocque R. J., Beaudoin C. et al. Health effects of climate change: an overview of systematic reviews // *BMJ open*. 2021. No. 11(6). P. e046333. DOI: 10.1136/bmjopen-2020-046333.

26. Selby J., Dahi O. S. et al. Climate change and the Syrian civil war revisited // *Political Geography*. 2017. No. 60. P. 232–244. DOI: 10.1016/j.polgeo.2017.05.007.

27. Xu C., Kohler T. A. et al. Future of the human climate niche // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2020. No. 117(21). P. 11350–11355. DOI: 10.1073/pnas.1910114117.

28. Zickgraf C. Theorizing (im) mobility in the face of environmental change // *Regional Environmental Change*. 2021. No. 21(4). P. 126. DOI: 10.1007/s10113-021-01839-2.

Получено редакцией: 06.11.24

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Максимова Светлана Геннадьевна, доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Международного института управления и бизнеса, заведующая лабораторией фундаментальных и прикладных исследований; профессор кафедры социальной и молодежной политики

Омельченко Дарья Алексеевна, кандидат социологических наук, доцент, и.о. заведующего кафедрой социальной и молодежной политики

DOI: 10.19181/vis.2025.16.1.4

Migration Behaviour of the Population of the Inland Mountainous Regions of Eurasia in the Context of Climate Change¹

Svetlana G. Maximova

Russian Biotechnological University (ROSBIOTECH), Moscow, Russia;

Altai State University, Barnaul, Russia

svet-maximova@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-4613-4966

Daria A. Omelchenko

Altai State University, Barnaul, Russia

daria.omelchenko@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2839-5070

For citation: Maximova S. G., Omelchenko D. A. Migration behaviour of the population of the inland mountainous regions of Eurasia in the context of climate change. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 1. P. 50–73. DOI: 10.19181/vis.2025.16.1.4; EDN: NARFYG.

¹ **Acknowledgements.** The research was carried out at the framework of the RSF project No. 22-67-00020 “Changes in climate, glaciers and landscapes of Altai in the past, present and future as a basis for a model of adaptation of the population of intra-continent mountainous areas of Eurasia to climate-induced environmental changes”.

Abstract. Mountain ecosystems and glacial zones around the world are most sensitive to climate change, transforming the natural environment, social and economic life of the territories and changing the culture and life of indigenous peoples and other ethnic groups living in the mountains. Changes in temperature regimes, precipitation and water supply, the growth of hazardous hydro-meteorological phenomena have a negative impact on the economic activity and health of residents of mountainous areas and require increased attention to the issues of their adaptation and increased sustainability in the context of climate uncertainty. Migration in the context of climate change, on the one hand, is considered as an active strategy that increases the level of security of the population. And on the other hand, focuses on non-migration as a forced strategy and the result of free choice. Mountainous territories of South-West Siberia are in the center of scientific attention due to changes in ice cover and degradation of permafrost, complex migration situation, usually analysed in the light of factors of socio-economic development. The article presents the results of sociological expeditions in three regions located within the Altai mountain country (Altai Krai, Altai Republic, Tyva Republic), aimed at population's assessment of the climate change and adaptation to it. Based on the data of sociological surveys, in-depth interviews and expert assessments, conclusions are made about the main trends and features of the migration situation and migration attitudes of the population in difficult climatic conditions. It is shown that climate change, on the one hand, acts as a factor aggravating socio-economic and social problems, stimulating migration outflow of the population. On the other hand, for a large part of the population, they are not a significant reason for changing their place of residence, but are part of a special "mountain" and largely traditional way of life. Voluntary refusal to migrate is formed by a positive perception of the area as having development potential, while forced refusal is seen as a manifestation of maladaptive strategies.

Keywords: climate risks, climate migration, push and pull factors, adaptation to climate change, Altai-Sayan mountainous country

References

1. Baryshnikova O. N., Prudnikova N. G. Puti razresheniya mezhotraslevykh protivorechii rekreatsiionnogo i traditsionnogo prirodopol'zovaniya na primere Altaiskogo kraya [Ways to resolve inter-sectoral contradictions of recreational and traditional nature management on the example of the Altai Krai]. *Vestnik AltGAU*, 2009: 12: 24–28 (in Russ.). EDN: KWYFKN.
2. Zvorykina Yu. V., Teteryatnikov K. S. Climate (or environmental?) migration: problems and prospects. *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii*, 2019: 216(2): 236–256 (in Russ.). EDN: IEHUMV.
3. Kokorin A. New Factors and Stages of the Global and Russian Climate Policy. *Ekonomicheskaya politika*, 2016: 11(1): 157–176 (in Russ.). DOI: 10.18288/1994-5124-2016-1-10; EDN: VMLYWJ.
4. Ledeneva V. Yu. Climate migration: trends and forecasts. *Izvestiya YZGU. Ser.: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment*, 2023: 11(6): 233–242 (in Russ.). EDN: EIOSHT.
5. Lukyanets A. S. Climate migration in a pandemic Covid-19. *Nauchnoe obozrenie. Ser. 1: Ekonomika i Pravo*, 2020: 3: 22–33 (in Russ.). DOI: 10.26653/2076-4650-2020-3-02; EDN: ADDOWZ.
6. Oganessian V. V., Sterin A. M., Vorobyeva L. N. Potential damages from dangerous and unfavorable meteorological phenomena on the territory of the Russian Federation: regional peculiarities. *Gidrometeorologicheskie issledovaniya i prognozy*, 2021: 1: 143–156 (in Russ.). EDN: FXABDK.
7. Ryazantsev S. V., Moiseeva E. M. The impact of global climate change on migration in the Russian federation and Central Asian countries. *Population*, 2022: 25(3): 18–32 (in Russ.). DOI: 10.19181/population.2022.25.3.2; EDN: CMTAGK.
8. Saryglar S. A., Maximova S. G. Migration behavior: strategies and practices of social integration, specifics of adaptive behavior of migrants in the Asian borderlands of Russia. *Society and Security Insights*: 2020: 3(1): 37–48 (in Russ.). DOI: 10.14258/ssi(2020)1-02; EDN: BKCORH.
9. State of the geological environment (subsoil) of the territory of the Siberian Federal District in 2021. Inform. Bulletin. Iss. 18. Tomsk, f-1 "SRC GMSN", 2022: 204 (in Russ.).
10. Sukhova M. G. Klimato-ekologicheskie kharakteristiki sredy gornyx regionov (na primere rossiiskogo Altaya) [Climato-ecological characteristics of the environment of mountain regions (on the example of the Russian Altai)]. *Vestnik RUDN. Ser. Ekologiya i bezopasnost' zhiznedeyatel'nosti*, 2009: 2: 116–121 (in Russ.). EDN: KHRLW.
11. Toropov P. A., Alyoshina M. A. et al. Modern degradation of Altai mountain glaciation, its consequences and possible causes. *Meteorologiya i gidrologiya*, 2020: 5: 118–130 (in Russ.). EDN: CDBMKO.

12. Bakewell O. Migration and Development in Sub-Saharan Africa. In Phillips N. (ed.). *Migration in the Global Political Economy*. Boulder, CO/London, Lynne Rienner Publishers, 2011: 121–141.
13. Balbus J. A., Crimmins J. L. et al. Introduction: Climate Change and Human Health. *The Impacts of Climate Change on Human Health in the United States: A Scientific Assessment*, 2016: 25–42. DOI: 10.7930/JOVX0DFW.
14. Black R., Bennett S. R. G. et al. Migration as adaptation. *Nature*, 2011: 7370: 447–449. DOI: 10.1038/478477a.
15. Cegolon L, Heymann W. C., Lange J. H. Climate change, emerging infections and blood donations. *Journal of Travel Medicine*, 2017: 24(3). DOI: 10.1093/jtm/taw098.
16. Clement V., Rigaud K. K. et al. *Groundswell part 2: Acting on internal climate migration*. World Bank, 2021. Accessed 1.08.2024. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/entities/publication/2c9150df-52c3-58ed-9075-d78ea56c3267>
17. de Haas H. A theory of migration: the aspirations-capabilities framework. *Comparative migration studies*, 2021: 9(1): 8. DOI: 10.1186/s40878-020-00210-4.
18. Farbotko C., Dun O. et al. Relocation planning must address voluntary immobility. *Nature Climate Change*, 2020: 10(8): 702–704. DOI: 10.1038/s41558-020-0829-6.
19. Ferris E., Weerasinghe S. Promoting human security: Planned relocation as a protection tool in a time of climate change. *Journal on Migration and Human Security*, 2020: 8(2): 134–149. DOI: 10.1177/2331502420909305.
20. Hauer M. E., Jacobs S. A., Kulp S. A. Climate migration amplifies demographic change and population aging. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 2024: 121(3): e2206192119. DOI: 10.1073/pnas.220619211.
21. I.P.C.C. Wmo, Ed., Climate change: the 1990 and 1992 IPCC assessments, IPCC first assessment report overview and policymaker summaries and 1992 IPCC supplement. IPCC, Geneva, 1992: 178.
22. International Organization for Migration (IOM). Institutional Strategy on Migration, Environment and Climate Change 2021–2030. For a comprehensive, evidence and rights-based approach to migration in the context of environmental degradation, climate change and disasters, for the benefit of migrants and societies. IOM, Geneva, 2021: 47.
23. Platform on Disaster Displacement. *How to Quantify and Measure Loss and Damage Associated with Displacement?* Accessed 1.08.2024. URL: <https://disasterdisplacement.org/resource/how-to-quantify-and-measure-loss-and-damage-displacement>
24. Price M. Geographical Theories of Migration: Exploring Scalar, Spatial, and Placeful Dimensions of Human Mobility. In *Migration Theory*. Routledge, 2022: 232–268. DOI: 10.4324/9781003121015.
25. Rocque R. J., Beaudoin C. et al. Health effects of climate change: an overview of systematic reviews. *BMJ open*, 2021: 11(6): e046333. DOI: 10.1136/bmjopen-2020-046333.
26. Selby J., Dahi O. S. et al. Climate change and the Syrian civil war revisited. *Political Geography*, 2017: 60: 232–244. DOI: 10.1016/j.polgeo.2017.05.007.
27. Xu C., Kohler T. A. et al. Future of the human climate niche. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 2020: 117(21): 11350–11355. DOI: 10.1073/pnas.1910114117.
28. Zickgraf C. Theorizing (im) mobility in the face of environmental change. *Regional Environmental Change*, 2021: 21(4): 126. Accessed 1.08.2024. URL: <https://hdl.handle.net/2268/266498>. DOI: 0.1007/s10113-021-01839-2.

The article was submitted on: November 6, 2024

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Svetlana G. Maximova, Doctor of Sociological Sciences, Professor; Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines of the International Institute of Management and Business, Head of the Laboratory of Fundamental and Applied Research; Professor of the Department of Social and Youth Policy

Daria A. Omelchenko, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Acting head of the Department of Social and Youth Policy

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

DOI: 10.19181/vis.2025.16.1.5

EDN: NXSMIQ

Рейтинг актуальных проблем малых городов Свердловской области

Ссылка для цитирования: Заборова Е. Н. Рейтинг актуальных проблем малых городов Свердловской области // Вестник Института социологии. 2025. Том 16. № 1. С. 74–89. DOI: 10.19181/vis.2025.16.1.5; EDN: NXSMIQ.

For citation: Zaborova E. N. Rating of current problems of small towns of the Sverdlovsk region. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 1. P. 74–89. DOI: 10.19181/vis.2025.16.1.5; EDN: NXSMIQ.

SPIN-код: 3011-2497

Заборова Елена Николаевна¹

¹Уральский государственный экономический университет,
Екатеринбург, Россия

ezaborova@yandex.ru

Аннотация. В настоящее время в научной среде нашей страны внимание к изучению малых городов возрастает. В публикациях по малым городам типичным случаем можно считать наличие перечня множества актуальных проблем, при этом рейтинг этих проблем как правило не устанавливается. Научная проблема состоит в установлении иерархии актуальных проблем малых городов, в поиске их наиболее болевых точек. Эмпирическую базу исследования образуют статистические данные отчетов об обращениях граждан, опубликованные на официальных сайтах администраций малых городов Свердловской области. Органы управления регионов и муниципальных образований, согласно принятым законам, обязаны проводить анализ обращений граждан и ежемесячно отправлять отчеты в Администрацию Президента. Обращения граждан можно оценить как надежный источник об актуальных проблемах, волнующих граждан малых городов. Частота упоминания проблем в отчетах позволила установить их рейтинг. Для выявления специфики проблем произведено сравнение рейтинга малых городов с рейтингом проблем крупнейшего города региона Екатеринбурга, а также крупных городов Уральского федерального округа. Установлено, что в первую тройку проблем малых городов входят проблемы коммунального хозяйства, жилищно-коммунальной сферы и хозяйственной деятельности, в то время как в крупнейшем и крупном городе наблюдается больший крен в сторону градостроительства, благоустройства, социальной сферы. Проблемы, волнующие жителей малых городов региона, можно отнести к разряду первейших, обеспечивающих основы жизнедеятельности. Анализ динамики изменений проблем за шесть лет показал, что рейтинг проблем устойчив, они в основном обостряются. Малые города образуют основу урбанизационной структуры страны, они важны как опорные точки пространственного развития территории. В настоящее время политика государства не ориентирована на развитие малых городов, в то время как большинство из них находятся в проблемном или депрессивном

состоянии. Знание рейтинга актуальных проблем важно для оценки реального состояния малых городов и для поиска стратегических путей их функционирования и развития в ближайшем будущем.

Ключевые слова: город, малый город, рейтинг, проблемы малого города

Актуальность

В большинстве развитых стран мира именно малые города составляют основную часть урбанизационной структуры территории. В нашей стране, согласно данным Федеральной службы государственной статистики, из 1117 городов РФ малыми являются 799¹.

Хотя малых городов большинство, они не доминируют по численности населения. Так, в Германии в малых и средних городах проживает 42% населения, в Венгрии – примерно 30% [16]. Вопрос о точной численности населения малых городов РФ остается открытым. В научной литературе даже в рамках одной монографии указываются разные цифры: по одним данным, там проживает свыше 33 млн, по другим – около 23 млн чел. [10, с. 21, 163]. Встречаются и иные данные: в малых городах проживает около 16 миллионов граждан или 14,6% от общего числа горожан² или 11% всех граждан РФ³. Согласно Федеральной службе государственной статистики, на 1 января 2023 года численность жителей в городских поселениях в диапазоне от 3 до 50 тыс. жителей составляет 15 786 329 чел.⁴

Сегодня состояние малых городов России можно считать плачевным: лишь треть относительно благополучны, еще треть относятся к проблемным, остальная треть – это явно депрессивные города [10, с. 24]. Мы являемся свидетелями сокращения численности населения малых городов и находимся в ситуации, когда государство не имеет четкой политики в отношении малых поселений. Нередко на самом высоком уровне раздаются голоса, говорящие об отсутствии средств и невозможности развивать малые города.

Малые города важны тем, что они образуют основной каркас поселенческой структуры страны. Они важны сами по себе, поскольку в них проживают миллионы людей, большинство из которых любят свою малую

¹ Федеральная служба государственной статистики. Численность населения российской федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2023 года. (Стат. бюлл.) URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/BUL_MO_2023.xlsx (дата обращения: 19.10.2024).

² Стратегия уникальности. Малым городам России предписана трансформация: Деловой климат: Экономика // Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/articles/2024/02/16/strategiya/> (дата обращения: 19.10.2024).

³ Малые города: большие проблемы или большие возможности? // Еженедельник «Аргументы и Факты». 2018. № 37.

⁴ Федеральная служба государственной статистики. Группировка численности населения, проживающего в городах, на 1 января 2023 года https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/BUL_MO_2023.xlsx (дата обращения: 19.10.2024).

родину, а также в силу той роли, которую они играют в общем пространственном развитии регионов и страны в целом. Их роль – быть центром для близлежащих поселений, сел и деревень, жители которых не могут получить качественные услуги в своем сельском поселении и ориентируются на то, что им предоставляет ближайший малый город в части продовольственных и промышленных товаров, медицинских услуг, образования, услуг по ремонту техники, информационных услуг и пр. Малые города прошивают и оживляют своим существованием огромное пространство нашей страны, у многих из них богатое историческое прошлое.

Пожалуй, нет таких научных работ по теме малых городов, в которых не упоминались бы их многочисленные проблемы. Набор оценок состояния малого города достаточно хорошо известен, можно сказать стереотипен: отмечаются упадок всех его социально-экономических систем, отсутствие работы, разрушение инфраструктуры, старение и отток населения, слабая интегрированность в инновационные процессы, отсутствие финансовых средств, зависимость от вышестоящих структур и т. д. При этом, как правило, отсутствует иерархия этих проблем, остается неясным, какие же из них являются приоритетными. Кроме того, существует большое разнообразие проблем малых городов в разных регионах. Их подробное изучение более приближает нас к реальности, дает надежный инструмент управления, в частности – для стратегирования развития территории.

Научная разработанность проблематики

Наблюдаются различия в степени внимания к теме малых городов в разных зарубежных странах и регионах.

В работах европейских авторов отмечается, что по малым городам или «малой урбанизации» существует немного систематических исследований [20]. Авторы указывают, что игнорирование малых городов общественными науками тем более удивительно, что Европа характеризуется густой сетью малых городов. Акцентируется внимание на различиях в положении и характеристиках городов в зависимости от расположения вблизи мегаполисов или же в сельской местности. Отмечается ключевая роль малых городов в развитии регионов, особенно сельской местности, при этом их значение выше, чем их экономический потенциал или численность населения [22]. Неоднократно указывается, что малые города на протяжении веков имели решающее значение в качестве экономических, административных, культурных и символических центров [21]. Одним из наиболее фундаментальных факторов, влияющих на развитие сельских территорий, является функциональное разнообразие небольших городов. Они по-прежнему обеспечивают доступ к образованию, розничной торговле, здравоохранению, банковским и другим профессиональным услугам [18].

Сегодня малые города Европы – «пульсирующее сердце самого смысла Европы» [15] – постепенно теряют свою привлекательность, разрыв между малыми и крупными городами углубляется. Будучи расположенными на периферии, они страдают от постепенной депопуляции, кажутся неспособными реализовать перспективу развития.

В устойчивом развитии малых городов Европы большую роль играют средства, получаемые от центрального правительства и Европейского союза, финансирующего многочисленные программы развития. Все чаще признается, что успешная переориентация малых городов требует как внешней поддержки, так и внутренних действий, опирающихся на местный потенциал (ресурсы и местное руководство).

В трудах африканских ученых также отмечается слабое внимание к исследованию малых городов [17]. Анализируя экономические проблемы малых городов, авторы отмечают такую специфику местного бизнеса как его неформальный характер, непосредственную пространственную включенность в жилой сектор, отсутствие поддержки и капитала, конкуренцию со стороны иностранных предприятий, влияние специфической культуры и ее глубокие исторические корни. Одним из барьеров, препятствующих успешному развитию бизнеса и реализации политики по созданию новых рабочих мест, является рост коррупции в государственных структурах. С социальной точки зрения, в малых городах Южной Африки присутствует целый набор острых проблем: бедность, высокий уровень безработицы, преступность, злоупотребление наркотиками, ксенофобия, бандитизм, стигматизация частных предприятий, слабо развитая социальная инфраструктура (больницы, школы и т. п.).

Китай, как развивающаяся страна, которая только недавно по историческим меркам вышла из натурального хозяйства, демонстрирует резкий скачок урбанизационных процессов. При этом если в Европе и Америке главным механизмом, действующим на урбанизацию, выступает механизм рынка, то в Китае к нему в равной мере присоединяется государственная политика, давление со стороны правительства. Одними из важнейших механизмов, регулирующих численность городского населения, являются разрешение прописки (регистрации) населения по месту жительства или ее запрет и распределение земель по функциональному использованию (урбанизированные зоны, основные зоны сельскохозяйственного производства, экологические функциональные зоны).

На ранних этапах урбанизации, начиная с 1980-х гг., Китай считал своим приоритетом развитие малых городов, однако сегодня страна ориентируется на сбалансированное развитие агломераций, метрополий, больших, средних и малых городов [2, с. 91–92]. Отличительной особенностью возникновения малых городов Китая является их развитие из сельских поселений, возникновение слоя жителей, которые не занимаются сельскохозяйственным трудом, но не оставляют деревню.

Обладая огромным населением, Китай имеет свою специфику и в числовых показателях при определении малого города: таковым считается поселение с несельскохозяйственным населением до 200 тыс. чел. [2, с. 96]. Учитывая мировой опыт развития больших городов, Китай делает акцент на политику, в которой преобладает низкоуглеродная экономика, экологическая чистота, цифровизация [25]. Малые города являются основным местом доступа сельских жителей к предметам первой необходимости, базовому образованию и медицинскому обслуживанию [26].

В России в настоящее время в научной среде внимание к проблемам малых городов усиливается, опубликованы статьи по малым городам, их проблемам и перспективам развития [1; 6; 13]. Было проведено несколько форумов (в Тюмени, Нижнем Новгороде, Тамбове, Владивостоке, Коломне Московской обл.) по проблемам малых городов. Исследованием малых городов активно занимается Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, издавший серию статей и монографий [9; 10; 12]. Реализуются отдельные федеральные проекты, которые в некоторых сюжетах улучшают внешний облик малых городов (например, проект «Комфортная среда»).

Методологические основания и эмпирический базис исследования

В основе методологии исследования лежит определение ключевого понятия «малый город». В научных статьях авторы ставят методологические вопросы, отмечая, что определить понятие «малый город» далеко не просто [19]. По их мнению, можно выделить два основных подхода: практический и научный. Для практического (например, для статистики) важны четкие критерии, такие как количество жителей и официальный статус. При этом спорной темой является определение нижнего количественного показателя малого города, разграничение малого города и поселка городского типа [9, с. 266–280]. Низший количественный предел всегда относителен и зависит от общего числа жителей в стране, густоты заселения близлежащих поселений и даже географического положения. Согласно классику социологии города Л. Вирту, никакое определение города не может быть полностью удовлетворительным, пока единственным критерием считаются цифры [24].

Научный подход требует обращения к качественным и структурным характеристикам, к которым Л. Вирт относил «плотность и постоянное поселение социально разнородных индивидуумов» [24, с. 8]. В данном исследовании в качестве методологического базиса используется количественный подход, характерный для официальной статистики в нашей стране, согласно которому к малому городу относится поселение с числом жителей до 50 тыс. чел.

Эмпирическую базу исследования составляют статистические данные о проблемах малых городов Свердловской области и крупных городов Уральского федерального округа, опубликованные на официальных сайтах Администраций городов в разделах об обращениях граждан. Фиксация и анализ обращений граждан, ежемесячное отправление отчетов о работе с обращениями граждан в Администрацию Президента сегодня в обязательном порядке предписаны Законом.

Обращения граждан – прямое заявление населения о волнующих их проблемах, сведения о которых чаще всего наука получает через такие методы, как социологические опросы. Мы применили другой, редко используемый метод – аналитический обзор статистики, содержащейся в обращениях граждан [4]. Поскольку для обращения в администрацию человек

должен либо прийти на личный прием, либо написать обращение в письменной или электронной форме, с указанием своих персональных данных, то отраженные в них проблемы можно оценить как наиболее актуальные, обдуманые, болевые, требующие незамедлительного решения.

Для выявления динамики процесса мы выбрали две временные даты – 2017 и 2023 гг., что позволило зафиксировать изменения в проблематике за истекшие 6 лет.

В статистической базе муниципальных администраций содержатся отчеты в целом по муниципальным образованиям и городским округам, в которые наряду с городом также входят поселки, деревни и села. С целью акцентировать внимание на малом городе, мы исключили из списка такие городские округа и муниципальные районы, в которых сельское население составляет более 50%. Так, например, в Талицком городском округе городское население составляет 14,5 тыс., а сельское – 25,3 тыс. чел (2023). Из эмпирической базы были удалены Алапаевский, Верхнетуринский, Сысертский, Талицкий, Красноуфимский городские округа, Ирбитское муниципальное образование.

Стоит заметить, что не все сайты администраций содержат развернутую информацию о проблемах, нередко в них указывается только самая общая информация об обращениях граждан (количество обращений, адрес обращений, социальный состав обращающихся и пр.). Кроме того, некоторые сайты вообще не анализируют проблемы, ограничиваясь общим отчетом о количестве заявлений, в других не выдержан временной диапазон (представлены только отдельные годы). В итоге из генеральной совокупности были исключены малые города Кушва, Артемовский, Североуральск, Камышлов, Невьянск, Михайловск, Нижняя Салда, Реж, Волчанск.

Согласно данным Росстата, на 1 января 2023 г. в Свердловской области насчитывалось 47 городов, из которых 35 можно считать малыми¹. С учетом вышесказанного в общий пул эмпирической базы попали 17 малых городов или 58,6% от количества муниципальных образований, в которых городское население преобладает над сельским.

Сложность анализа данных заключалась в том, что администраторы сайтов использовали разную методику анализа проблем, указанных в обращениях. Соответствующие специалисты администраций малых городов при анализе поступивших обращений ориентируются на официальный тематический Классификатор обращений граждан Российской Федерации², который содержит 5 разделов, 21 тематику, 206 тем, 946 вопросов. Классификатор содержит большой и подробный

¹ Федеральная служба государственной статистики. Группировка численности населения, проживающего в городах, на 1 января 2023 года URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/BUL_MO_2023.xlsx (дата обращения: 02.10.2024).

² Тематический классификатор обращений граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, объединений граждан, в том числе юридических лиц, управления Президента Российской Федерации по работе с обращениями граждан и организаций (утв. распоряжением Управления Президента РФ по работе с обращениями граждан и организаций от 30.11.2017 N 104). (официальный текст документа). URL: https://e-ecolog.ru/docs/Pj_Pj73cX9wp_kqOy-r0H?ysclid=m1eqrfpkdv875479307 (дата обращения: 02.10.2024).

перечень вариантов проблем. Например, раздел «Коммунальное хозяйство» содержит 24 позиции. Органам местного самоуправления дано право разрабатывать и использовать собственные классификаторы. В результате в одной группе отчетов исследуемого региона проблемы классифицированы укрупненно, по разделам: «Государство, общество, политика», «Социальная сфера», «Экономика», «Оборона, безопасность, законность», «Жилищно-коммунальная сфера», в других – более подробно, по тематике. Мы в работе взяли за основу показатели Федерального Классификатора.

Результаты исследования

Несомненно, каждый малый город уникален, и иерархия проблем будет отличаться от города к городу. Однако мы проанализировали частоту упоминания проблем, что позволило составить рейтинг типичных проблем (см. табл. 1).

Таблица 1 (Table 1)

Рейтинг актуальных проблем малых городов, 2017, 2023 гг.
Ranking of current problems of small towns, 2017, 2023

Проблемы	Ранговое место
Коммунальное хозяйство	I
Жилищно-коммунальная сфера	I
Хозяйственная деятельность	II
Транспорт	III
Землепользование	IV
Социальное обеспечение	V
Государство, общество, политика	VI

С равной степенью актуальности жителей малых городов волнуют два комплекса проблем: коммунального хозяйства и жилищно-коммунальной сферы (ЖКХ).

В пул проблем коммунального хозяйства входят такие, как предоставление услуг в условиях рынка, оплата жилищно-коммунальных услуг, эксплуатация и ремонт квартир в домах муниципального и ведомственного жилищного фонда, эксплуатация и ремонт приватизированных квартир, подготовка жилищного фонда к зиме, обеспечение населения топливом, борьба с антисанитарией, уборка мусора, условия проживания в связи со строительством или работой объектов коммунального обслуживания, содержание общего имущества (канализация, вентиляция, кровля, ограждающие конструкции, инженерное оборудование, места общего пользования, придомовая территория), перебои в электроснабжении, водоснабжении, газоснабжении, теплоснабжении и др. О тяжелейшем состоянии этой сферы пишут многие авторы, отмечая, что в некоторых малых городах изношенность городских инженерных сетей составляет 60-70%, что приводит к периодическим авариям [11].

В число жилищно-коммунальных проблем входят: переселение из подвалов, бараков, коммуналок, общежитий, аварийных домов, ветхого жилья, санитарно-защитной зоны, распределение жилых помещений, предоставляемых по договору социального найма, вопросы лиц, имеющих право первоочередного получения жилплощади, постановка на учет и восстановление в очереди на получение жилья, обследование жилого фонда на предмет пригодности для проживания (ветхое и аварийное жилье) и др. Темпы сноса аварийных домов в малых городах существенно отстают от потребностей, что обостряет жилищную проблему и способствует оттоку жителей из малых городов.

К проблемам хозяйственной деятельности относятся вопросы, связанные с благоустройством населенных пунктов и обустройством придорожных территорий, газификации, ремонта дорог, строительства, торговли, бытового обслуживания населения, гаражи, стоянки, уборка снега, правила содержания домашних животных, отлов животных и др.

Волнуют жителей и транспортные проблемы: вопросы о состоянии и ремонте дорог, о стоянках автомобилей, о льготном проезде и пр.

Актуальны вопросы землепользования – выделение земельных участков в аренду, смена целевого назначения земельных участков, оформление права собственности и др.

Вопросы социальной сферы – это социальное обеспечение и социальное страхование (материальная помощь малоимущим семьям, пенсионерам и пр.), образование, наука, культура, здравоохранение, физическая культура и спорт, туризм.

В перечень тем «Государство, общество, политика» входят вопросы конституционного строя, гражданского права, судопроизводства и др.

Анализ показал, что в 2023 г. в сравнении с 2017 рейтинг проблем не изменился, они остались прежними. Можно сказать, что они только обострились. Так, например, в городе Туринске в 2017 г. проблемы коммунального хозяйства составляли 29,5% от общего числа обращений граждан, в 2023 их доля выросла до 37,5% всех проблем, в городе Карпинске соответственно 37 и 46 %.

Специфика актуальных проблем жителей малых городов проявляется наиболее ярко в сравнении с проблемами, волнующими население крупнейшего города-миллионника Екатеринбурга (табл. 2).

В 2017 г. в Екатеринбурге на первом месте среди проблем стояли проблемы образования, благоустройства, землепользования. В тематику вопросов образования входили проблемы нехватки мест в дошкольных образовательных учреждениях, постановки на учет и зачисление детей в образовательные учреждения дошкольного образования, порядок перевода детей дошкольного возраста из одной образовательной организации в другую, основное общее образование. В 2023 г. в тройку лидеров также вошли проблемы образования и благоустройства, а вопросы землепользования переместились на 4 место во втором полугодии.

Таблица 2 (Table 2)

Рейтинг актуальных проблем крупнейшего города Екатеринбурга, 2017, 2023 гг.
Rating of current problems of the largest city of Yekaterinburg, 2017, 2023

Проблемы	Ранговое место		
	2017	2023 ¹ первое полугодие	2023 второе полугодие
Образование	I	III	I
Благоустройство	II	II	II
Землепользование	III	I	IV
Вопросы ЖКХ	IV	IV	III
Жилье	V	VII	VII
Транспорт	VI	VI	V
Строительство	VII	V	VI

Можно сказать, что выход на первое место проблем образования в городе Екатеринбурге – это специфика уральского мегаполиса, обусловленная историческими обстоятельствами и организационно-управленческой практикой данного города. Однако нельзя не заметить, что если в малом городе доминируют проблемы из списка первейших жизненных (жилье, тепло, вода и пр.), то в крупнейшем – более высокого ранга, связанные с социокультурным развитием и благоустройством среды обитания. Этот факт в очередной раз подтверждает более высокий уровень социально-экономического и культурного развития крупного города, большую комфортность среды проживания горожан.

Для уточнения этого момента мы проанализировали проблемы других крупных городов Уральского федерального округа (УрФО). В округ входит 6 субъектов: Свердловская, Курганская, Тюменская, Челябинская области, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа, центрами которых выступают города Екатеринбург, Курган, Тюмень, Челябинск, Ханты-Мансийск и Салехард. Салехард относится к малым городам (численность его населения – 49 160 (2024)), остальные – к крупным и крупнейшим. В статистических отчетах об обращениях граждан на официальных сайтах дается перечень следующих актуальных проблем (табл. 3).

Из данных таблицы видно, что проблемы хозяйственной деятельности и жилищно-коммунальной сферы актуальны для жителей крупных городов УрФО также, как и для малых, однако в них сильнее проявляются социокультурные проблемы (образование, наука, градостроительство, архитектура, социальная сфера).

Полученный нами рейтинг в целом совпал с результатами отчетов об обращениях граждан, поступивших в адрес Президента РФ в январе 2024 от местных органов власти. Наибольшее количество вопросов относится к таким тематическим разделам, как: «Хозяйственная деятельность» – 33,7%,

¹ В отчетах Администрации Екатеринбурга за 2023 г. данные представлены по полугодиям.

«Обеспечение права на жилище» – 19,8%, «Содержание и обеспечение коммунальными услугами жилого фонда» – 30,4%.¹ Это позволяет сделать осторожный вывод о типичности рейтинга проблем малых городов страны.

Таблица 3 (Table 3)

**Рейтинг актуальных проблем крупнейшего и крупных городов
Уральского федерального округа, 2023 г.**
*Rating of topical problems of the largest and major cities
of the Urals Federal District, 2023*

№	Субъекты федерации	Центральный город	Численность населения	Проблемы
1	Курганская область	Курган	302 354	Хозяйственная деятельность Жилье Образование. Наука. Культура
2	Тюменская область	Тюмень	861100	Градостроительство и архитектура Хозяйственная деятельность Жилье
3	Челябинская область	Челябинск	1 177 058	Транспорт ЖКХ Хозяйственная деятельность
4	Ханты-Мансийский автономный округ	Ханты-Мансийск	111 503	Хозяйственная деятельность ЖКХ Социальная сфера

Вопрос об актуальных проблемах традиционно поднимается в большинстве публикаций по малым городам, при этом авторы их исходят из разных методологических предпосылок и нередко исследуют отдельные аспекты городской среды. Так, Л. Ю. Коростелева исследует проблемы с точки зрения качества городской среды и выделяет такие проблемы как сложность доступа к медицине, образованию, культуре [7]. Такой же подход используют и другие авторы [10; 14].

Типичной является ситуация, когда, перечисляя актуальные проблемы малых городов, авторы не определяют их рейтинг, не устанавливают иерархию. Так, метод перечисления используется при расчете индекса городского пространства по категориям (жилье и прилегающие пространства, улично-дорожная сеть, озеленение, общественно-деловая инфраструктура, социально-досуговая инфраструктура, общегородское пространство) [3]. Институт экономики роста им. П. А. Столыпина провел исследование «Типологизация малых городов: проблемы и решения». В качестве информационного источника использовались материалы Росстата, документы стратегического планирования муниципальных образований, отчеты и материалы СМИ. Результаты представлены в следующем виде: «общими проблемами для малых городов России являются:

¹ Информационно-статистический обзор рассмотренных в 2023 году обращений граждан, организаций и общественных объединений, адресованных Президенту Российской Федерации, а также результатов рассмотрения и принятых мер. Презентация. URL: <http://static.kremlin.ru/media/letters/digests/23kSNjfeVuzmU8wohrmA8NGsJJcRQWhz.pdf>. (дата обращения: 19.10.2024).

деградация инженерной инфраструктуры и архитектурного наследия, отток молодого населения и недостаток социальных услуг», основными сферами города, нуждающимися во внимании, являются «жилой фонд и ЖКХ, комфорт городской среды и здравоохранение, которое можно считать компонентом безопасности»¹. В другом исследовании, проведенном этим институтом, «Внутрироссийская миграция молодежи: повышение привлекательности малых городов» (2023 г., 16 фокус-групп с респондентами 18–35 лет в 10 городах РФ) отмечаются такие проблемы как демография, депопуляция, дефицит кадров². В работе С. В. Кузнецова и Е. А. Чернышевой «Проблемы устойчивого развития малых городов Российской Федерации» перечисляются такие проблемы, как: низкий уровень заработной платы, проблемы с трудоустройством в городе, отток трудоспособного населения, слабая организация медицинского обслуживания, проблемы демографического плана, несоответствие уровня жизни в малом городе уровню жизни в областном центре и др. [8].

Следует добавить, что, проводя социологические опросы населения, ученые закладывают в вопросник по проблемам малых городов перечень вариантов, которые представляются актуальными с их точки зрения, что уже ограничивает респондентов. Вот почему рейтинг актуальных проблем малых городов, построенный на ничем не обусловленном мнении самих жителей, выраженный в обращениях граждан, представляется особо значимым.

Выводы

В рейтинге актуальных проблем малых городов в тройке лидеров находятся проблемы экономические, относящиеся к числу первейших, жизненно важных. Жители малых городов не обращаются в органы власти по вопросам, касающимся трудоустройства, хотя это проблема также относится к числу актуальных. Исчезновение градообразующих предприятий, следствием которых стало сокращение рабочих мест, привело к оттоку населения из малых городов в поисках заработка. Однако жители малых городов традиционно считают, что работу нужно найти самим, высокий уровень социального патернализма для жителей малых городов не характерен [10, с. 326–327]. Следует заметить, что возврат, реанимация таких предприятий в современной цифровой эпохе вряд ли поможет решить проблему кардинально, так как новые технологии не предполагают большого числа рабочих мест.

¹ Типологизация малых городов и выявление ключевых проблем малых городов в соответствии с типологизацией. URL: https://stolypin.institute/storage/app/media/241010_issledovanie.pdf (дата обращения: 03.02.2025).

² Внутрироссийская миграция молодежи: повышение привлекательности малых городов. URL: <https://stolypin.institute/storage/app/media/IMC4Stolypin%20Inst> (дата обращения: 03.02.2025).

Сегодня острая жилищная проблема, волнующая жителей малых городов, несколько сглаживается в результате развития другой негативной тенденции – демографической, при которой численность населения падает, оно стареет. Это приводит к ухудшению показателей жилищной обеспеченности.

Проблемы жилищно-коммунальной сферы становятся острее в силу еще одной тенденции – приобретения жителями крупных городов второго жилища в пригороде и близлежащих малых городах. Переезжая в малые города, они нередко не меняют место регистрации, однако их высокие требования к качеству коммунального хозяйства еще больше заостряют эту проблему [5].

Некоторые исследования отмечают отдельные факты роста числа учащихся в общеобразовательных школах малых городов. Так, в Ленинградской области «родители предпочитают оставлять своих детей на попечение дедушек и бабушек, именно в родных городах их дети получают общее образование» [10, с. 288]. Это обстоятельство также обостряет проблему ЖКХ и хозяйственной деятельности в малых городах, повышает требования к здравоохранению.

Жители малых городов в силу большей социальной близости и проблемности многих сфер вынуждены опираться на собственные силы, на помощь родных, родственников, знакомых, что приводит к развитию теневой экономики (идут за помощью к знакомой медсестре и т. п.).

Как справедливо отмечают авторы монографии «Малые города России» в стране пока «нет выверенной городской политики как таковой и особенно в отношении малых городов, которые оказываются в самом уязвимом положении» [10, с. 22]. Первым шагом для любого изменения политики является четкое понимание реальной ситуации, в том числе – знание наиболее болевых точек, рейтинга актуальных проблем малых городов с точки зрения их жителей.

Библиографический список

1. Верещагина Т. А., Дегтярев П. Я., Тюнин А. И. Кризис традиционной модели развития малых городов // Вестник ЧелГУ. Экономические науки. 2018. № 3(413). Вып. 60. С. 53–60. EDN: YWMLRT.

2. Городские миры России и Китая: модернизация и ее влияние. ФНИСЦ РАН. М.: Новый Хронограф, 2023. 720 с. EDN: UWCMGA.

3. Жучков Д. В., Крохалева С. И. Оценка индекса качества городской среды в малых и средних городах юга Дальнего Востока // Вестник ПриамГУ им. Шолом-Алейхема. 2023. № 2(51). С. 25–37. DOI: 10.24412/2227-1384-2023-251-25-37; EDN: KGTQUX.

4. Заборова Е. Н. Электронные формы взаимодействия власти и населения // Вестник ПермНИПУ. Социально-экономические науки. 2024. № 2. С. 122–135. DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-2-0-9; EDN: CVFIVU.

5. Звягинцев В. И., Неуважаева М. А. Переселенцы из города в сельскую местность: феномен «Обратной миграции» в современной России // Мир России. Социология. Этнология. 2015. № 1. С. 101–135. EDN: TLOKAF.

6. Иваненко Л. В. Проблемы развития малых городов. Инновационные подходы к менеджменту // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Сер.: Экономика. 2021. № 2(36). С. 55–62. DOI: 10.17122/2541-8904-2021-2-36-55-62; EDN: QGFFRF.

7. Коростелева Л. Ю. Социальные проблемы малых городов в зеркале индекса качества городской среды // Научное обозрение. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2022. № 3-4. С. 5–19. DOI: 10.26653/2076-4685-2022-3-4-01; EDN: UGANUJ.

8. Кузнецов С. В., Чернышева Е. А. Проблемы устойчивого развития малых городов Российской Федерации // Экономика и управление. 2012. № 4(78). С. 123–126. EDN: OXTVGL.

9. Малые города в социальном пространстве России / Отв. ред. В. В. Маркин, М. Ф. Черныш; предисл. ак. М. К. Горшков. М.: ФНИСЦ РАН, 2019. 545 с. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=7751 (дата обращения: 12.02.2024).

10. Малые города России: новые вызовы, социальные проблемы и перспективы. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. 598 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-378-2.2021; EDN: AOXBJP.

11. Овчинников О. Г. Развитие малых городов России: проблемы и пути решения // Развитие территорий. 2023. № 4. С. 85–97. DOI: 10.32324/2412-8945-2023-4-85-97; EDN: TYQNJU.

12. Пространственное развитие малых городов: социальные стратегии и практики. М.: ФНИСЦ РАН, 2020. 524 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-335-5.2020; EDN: ZUFAQL.

13. Роговая А. В. Проблемы развития малых городов России: практика реализации региональных стратегий // Мониторинг правоприменения. 2019. № 4 (33). С. 65–64. DOI: 10.21681/2226-0692-2019-4-51-59; EDN: ZPOMNW.

14. Социокультурный потенциал малых городов России: сборник статей / Отв. ред. М. Ф. Черныш, В. В. Маркин. М.: ФНИСЦ РАН, 2022. 212 с. DOI: 10.19181/sbornik.978-5-89697-401-7.2022; EDN: GFSQKI.

15. Battisti A. et al. Resilience of inner areas. Regeneration and enhancement strategies in small towns. Technische Universität München Verlag, 2020. 301 p. DOI: 10.14459/2020md1554213.

16. Grossmann K., Mallach A. The small city in the urban system: complex pathways of growth and decline // Geografiska Annaler: Ser. B, Human Geography. 2021. Vol. 103. No. 3. P. 169–175. DOI: 10.1080/04353684.2021.1953280.

17. Manona C. Small Town Urbanization in South Africa: A Case Study // African Studies Review. 1988. Vol. 31(3). P. 95–110. DOI: 10.2307/524075.

18. Rogatka K., Kowalski M., Starczewski T. Less important space? Spatial planning in small towns in Poland // *Land Use Policy*. 2023. Vol. 130. P. 106674. DOI: 10.1016/j.landusepol.2023.106674.

19. Steinführer A., Vaishar A., Zapletalová J. The small town in rural areas as an underresearched type of settlement. Editors' introduction to the special issue // *European countryside*. 2016. Vol. 8. No. 4. P. 322–332. DOI: 10.1515/euco-2016-0023.

20. Steinführer A. Living in a small town: An urban and a rural experience at once // *Ruralism: The future of villages and small towns in an urbanizing world*. Berlin: Jovis, 2016. P. 40–55. DOI: 10.1515/euco-2016-0023.

21. Stoica I. V. et al. Exploring the urban strength of small towns in Romania // *Social Indicators Research*. 2020. Vol. 152. No. 3. P. 843–875. DOI: 10.1007/s11205-020-02465-x.

22. Vîlcea C., Popescu L., Clincea A. Does Shrinking Population in Small Towns Equal Economic and Social Decline? A Romanian Perspective // *Urban Science*. 2024. Vol. 8. Vol. 2. P. 60. DOI: 10.3390/urbansci8020060.

23. Wagner M., Growe A. Research on small and medium-sized towns: Framing a new field of inquiry // *World*. 2021. Vol. 2. No. 1. P. 105–126. DOI: 10.3390/world2010008.

24. Wirth L. Urbanism as a Way of Life // *American journal of sociology*. 1938. Vol. 44. No. 1. P. 1–24.

25. Yin X. et al. Are small towns really inefficient? A data envelopment analysis of sampled towns in Jiangsu province, China // *Land Use Policy*. 2021. Vol. 109. P. 105590. DOI: 10.1016/j.landusepol.2021.105590.

26. Yu Z. et al. The role of small towns in rural villagers' use of public services in China: Evidence from a national-level survey // *Journal of Rural Studies*. 2023. Vol. 100. P. 103011. DOI: 10.1016/j.jrurstud.2023.103011.

Получено редакцией: 24.10.24

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Заборова Елена Николаевна, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры региональной, муниципальной экономики и управления

DOI: 10.19181/vis.2025.16.1.5

Rating of Current Problems of Small Towns of the Sverdlovsk Region

Elena N. Zaborova

Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia

ezaborova@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-4319-6440

For citation: Zaborova E. N. Rating of current problems of small towns of the Sverdlovsk region. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 1. P. 74–89. DOI: 10.19181/vis.2025.16.1.5; EDN: NXSMIQ.

Abstract. Currently, attention to the study of small towns is increasing in the scientific community of our country. In publications on small towns, the presence of a list of many current problems can be considered as a typical case, while the rating of these problems is usually not established. The scientific problem is to establish a hierarchy of current problems of small towns, to find their most painful points. The empirical base of the study is formed by statistical data of reports on citizens' appeals published on the official websites of the administrations of small towns of the Sverdlovsk region. According to the adopted laws, regional and municipal authorities are obliged to analyse citizens' appeals and send monthly reports to the Presidential Administration. Citizens' appeals can be assessed as a reliable source of current problems that worry citizens of small towns. The frequency of mentioning problems in reports allowed to establish their rating. To identify the specifics of the problems, a comparison was made of the rating of small towns with the rating of the problems of the largest city in the region, Yekaterinburg, as well as of the large cities of the Ural Federal District. It has been established that the top three problems of small towns include problems of public utilities, housing and public utilities and economic activity. While in the largest and largest and a large city there is a greater bias towards urban development, improvement, and the social sphere. Problems that worry residents of small regional towns can be classified as primary, providing the basis for life. Analysis of the dynamics of changes in problems over six years has shown that the rating of problems is stable, they are mainly exacerbated. Small towns form the basis of the country's structure, they are important as reference points for the spatial development of the territory. At present, state policy is not focused on the development of small towns, while most of them are in a problematic or depressive state. Knowledge of the rating of current problems is important for assessing the real state of small towns and for finding strategic ways of their functioning and development in the near future.

Keywords: city, small town, rating, small town problems

References

1. Vereshhagina T. A., Degtyarev P. Ya., Tyunin A. I. The crisis of the traditional model of small town development. *Vestnik ChelGU. Ekonomicheskie nauki*, 2018: 3(413): 60: 53–60 (in Russ.). EDN: YWMLRT.
2. Urban Development in Russia and China: Patterns of Modernization. Ed. by M. K. Gorshkov, Li Peilin, P. M. Kozyreva, M. F. Chernysh; FCTAS RAS. Moscow, Novyy Khronograf, 2023:720 (in Russ.). EDN: UWCMGA.
3. Zhuchkov D. V., Krokhalova S. I. Assessment of the urban environment quality index in small and medium-sized cities of the southern Far East. *Vestnik PriamGU im. Sholom-Alejxema*, 2023: 2(51): 25–37 (in Russ.). DOI: 10.24412/2227-1384-2023-251-25-37; EDN: KGTQUX
4. Zaborova E. N. Electronic forms of interaction between the government and the population. *Vestnik PermNIPU. Socialno-ekonomicheskie nauki*, 2024: 2: 122–135 (in Russ.). DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-2-0-9; EDN: CVFIVU.
5. Zvyagincev V. I., Neuvazhaeva M. A. Migrants from urban to rural areas: the phenomenon of “Reverse migration” in modern Russia. *Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya*, 2015: 1: 101–135 (in Russ.). EDN: TLOKAF.
6. Ivanenko L. V. Problems of development of small cities. Innovative approaches to management. *Vestnik UGNTU. Nauka, obrazovanie, ekonomika. Ser.: Ekonomika*, 2021: 2(36): 55–432162 (in Russ.). DOI: 10.17122/2541-8904-2021-2-36-55-62; EDN: QGFFRF.
7. Korosteleva L. Yu. Social problems of small cities in the mirror of the urban environment quality index. *Nauchnoe obozrenie. Ser. 2. Gumanitarnye nauki*, 2022: 3-4: 5–19 (in Russ.). DOI: 10.26653/2076-4685-2022-3-4-01; EDN: UGANUJ.
8. Kuznecov S. V., Chernysheva E. A. Problemy ustojchivogo razvitiya malyh gorodov Rossijskoj Federacii [Problems of sustainable development of small towns in the Russian Federation]. *Ekonomika i upravlenie*, 2012: 4(78): 123–126 (in Russ.). EDN: OXTVGL.
9. Small cities in the social space of the Russian Federation: monograph. Ed. by V. V. Markin, M. F. Chernysh; M. K. Gorshkov. Moscow, FNISCRAN, 2019: 545. Accessed 12.02.24. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=7751 (in Russ.).
10. Small cities in Russia: new challenges, social problems and prospects. Ed. by M. F. Chernysh, V. V. Markin. Moscow, FNISCRAN, 2022: 598 (in Russ.). DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-378-2.2021; EDN: AOXBJP.
11. Ovchinnikov O. G. Development of small towns in Russia: problems and solutions. *Razvitie territorij*, 2023: 4: 85–97 (in Russ.). DOI: 10.32324/2412-8945-2023-4-85-97; EDN: TYQNJU.
12. Spatial development of small cities: social strategies and practices. Moscow, FNISCRAN, 2020: 524 (in Russ.). DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-335-5.2020; EDN: ZUFAQL.

13. Rogovaya A. V. Problems of development of small cities in Russia: the practice of implementing regional strategies. *Monitoring pravoprimereniya*, 2019: 4(33): 65–64 (in Russ.). DOI: 10.21681/2226-0692-2019-4-51-59; EDN: ZPOMNW.
14. Socio-cultural potential of small cities in Russia: coll. of art. Ed. by M. F. Chernysh, V. V. Markin. Moscow, FNISC RAS, 2022: 212 (in Russ.). DOI: 10.19181/sbornik.978-5-89697-401-7.2022; EDN: GFSQKI.
15. Battisti A. et al. Resilience of inner areas. Regeneration and enhancement strategies in small towns. Technische Universität München Verlag, 2020: 301. DOI: 10.14459/2020md1554213.
16. Grossmann K., Mallach A. The small city in the urban system: complex pathways of growth and decline. *Geografiska Annaler: Ser. B, Human Geography*, 2021: 103: 169–175. DOI: 10.1080/04353684.2021.1953280.
17. Manona C. Small Town Urbanization in South Africa: A Case Study. *African Studies Review*, 1988: 31(3): 95–110. DOI: 10.2307/524075.
18. Rogatka K., Kowalski M., Starczewski T. Less important space? Spatial planning in small towns in Poland. *Land Use Policy*, 2023: 130: 106674. DOI: 10.1016/j.landusepol.2023.106674.
19. Steinführer A., Vaishar A., Zapletalová J. The small town in rural areas as an underresearched type of settlement. Editors' introduction to the special issue. *European countryside*, 2016: 8: 4: 322–332. DOI: 10.1515/euco-2016-0023.
20. Steinführer A. Living in a small town: An urban and a rural experience at once. Ruralism: The future of villages and small towns in an urbanizing world. Berlin, Jovis., 2016: 40–55. DOI: 10.1515/euco-2016-0023.
21. Stoica I. V. et al. Exploring the urban strength of small towns in Romania. *Social Indicators Research*, 2020: 152: 3: 843–875. DOI: 10.1007/s11205-020-02465-x.
22. Vilcea C., Popescu L., Clincea A. Does Shrinking Population in Small Towns Equal Economic and Social Decline? A Romanian Perspective. *Urban Science*, 2024: 8: 2: 60. DOI: 10.1007/s11205-020-02465-x.
23. Wagner M., Growe A. Research on small and medium-sized towns: Framing a new field of inquiry. *World*, 2021: 2: 1: 105–126. DOI: 10.3390/world2010008.
24. Wirth L. Urbanism as a Way of Life. *American journal of sociology*, 1938: 44: 1: 1–24.
25. Yin X. et al. Are small towns really inefficient? A data envelopment analysis of sampled towns in Jiangsu province, China. *Land Use Policy*, 2021: 109: 105590. DOI: 10.1016/j.landusepol.2021.105590.
26. Yu Z. et al. The role of small towns in rural villagers' use of public services in China: Evidence from a national-level survey. *Journal of Rural Studies*, 2023: 100: 103011. DOI: 10.1016/j.jrurstud.2023.103011.

The article was submitted on: October 24, 2024

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena N. Zaborova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department of Regional, Municipal Economics and Management

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

DOI: 10.19181/vis.2025.16.1.6

EDN: PHRJPK

Доверие как фактор корпоративной солидарности на промышленных предприятиях России¹

Ссылка для цитирования: Германов И. А., Кузнецов А. Е. Доверие как фактор корпоративной солидарности на промышленных предприятиях России // Вестник Института социологии. 2025. Том 16. № 1. С. 90–112. DOI: 10.19181/vis.2025.16.1.6; EDN: PHRJPK.

For citation: Germanov I. A., Kuznetsov A. E. Trust as a factor of corporate solidarity in industrial enterprises of Russia. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 1. P. 90–112. DOI: 10.19181/vis.2025.16.1.6; EDN: PHRJPK.

SPIN-код: 3463-6521

Германов Игорь Анатольевич¹

¹Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

gian@psu.ru

SPIN-код: 6325-0018

Кузнецов Александр Евгеньевич¹

¹Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

kzntsv@list.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению корпоративной солидарности на российских промышленных предприятиях и влияния организационного доверия на процессы ее формирования. Эмпирической базой исследования стали результаты опросов, проведенных в 2021–2022 гг. на трех крупных промышленных предприятиях (n= 2764 чел.). В его основу положены методики исследования установок и трудового поведения, многократно апробированные российскими авторами, а также методика измерения организационного доверия, впервые использованная в отечественной практике. Обнаружено, что характеристики большинства работников соответствуют модели корпоративной солидарности, при этом организационное доверие действительно играет позитивную роль в ее формировании: доверительные отношения с коллегами способствуют укреплению идентификации работников с предприятием, а вертикальное доверие стимулирует развитие про-организационных установок.

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 20-011-00488.

Авторами предложена типология определений доверия, а также концептуализация доверия в сфере трудовых отношений, позволившая интерпретировать уровень доверия на обследованных предприятиях как относительно высокий. Понимание доверия в научной литературе имеет тенденцию к психологизации этого концепта – редуцировать его к психологической установке. Учет статусных и темпоральных аспектов трудовых отношений позволяет, по нашему мнению, ресоциологизировать концепт «доверие». Доверие в сфере производства следует понимать как реципрокное и основанное на институциональном действии. В качестве меры стимулирования доверия между менеджментом и работниками предложено учесть опыт рабочих директоров в зарубежной практике в качестве канала информирования работников о финансово-экономическом положении предприятия и института легитимации решений руководства. Исторически этот институт ассоциировался с участием работников в управлении, что, скорее, дискредитировало его возможности в глазах обеих сторон, поскольку представлялся эфемерным одной стороне и посягательством на прерогативы менеджмента – другой.

Авторы приходят к выводу, что перспективы развития корпоративной солидарности на отечественных предприятиях зависят главным образом от вектора развития организационной среды и трудовых отношений.

Ключевые слова: организационное доверие, корпоративная солидарность, идентификация с предприятием

Введение

Решение задач масштабного технологического обновления традиционных отраслей экономики России предполагает понимание и преодоление социальных барьеров развития. Таким барьером может быть высокий уровень отчужденности работников от процесса труда, проявляющийся в слабой идентификации наемного персонала с предприятием, низком уровне организационного доверия и вовлеченности персонала в развитие организации.

Цель настоящего исследования – апробация авторской методики и инструмента исследования качества трудовых отношений, представленного следующими концептами: организационное доверие (фокусный концепт), про-организационные установки, корпоративная идентичность и солидарность: отражают ли эти концепты какие-либо феномены, отражают ли эти концепты *различные* феномены. Представленные здесь результаты исследования, на наш взгляд, позволяют дать утвердительные ответы на эти исследовательские вопросы.

В социальных науках нет согласия в понимании доверия. Доверие может рассматриваться как: 1) черта личности, 2) поведение, 3) ситуационная характеристика и 4) как институциональная договоренность [46, р. 368–369]. Различают обобщенное доверие [31]; доверие на уровне работника, бригады и организации [20]; межгрупповое и межорганизационное доверие [44]; доверие, основанное на расчете (соотнесенное с наказаниями и вознаграждениями), знании (предвидении поведения другого агента), идентификации (полноте интернализации желаний и намерений другого)

и аффекте [33, р. 145–153; 38]; доверие в ожидании исполнения естественных и моральных норм, технически компетентного исполнения, исполнения обязательств и обязанностей [15, р. 9].

Обзоры концептуализаций доверия *generaliter* [32; 34] и в организациях [17; 23; 24; 25] позволяют предложить следующую типологию:

I. Доверие есть «убеждение» (также «ожидание», «уверенность», «готовность» или иное *психологическое состояние*, аффективная или когнитивная установка), соотношенное с действием доверяющей и (или) пользующейся доверием стороны.

II. Доверие – *рациональная оценка* вероятности ущерба или выгоды в связи с возможными действиями другого актора [18; 27]; у П. Штомпки раскрыто как частный случай определения I типа [48, р. 25].

III. Доверие – поведение; это «сознательное регулирование своей зависимости от других» [49, р. 230], «доверяющее действие» или «доверяющий выбор» (поведения) [22]; определение, очевидно, восходит к интеракционистской парадигме [21, р. 886]: простое повторение актов оценивания и демонстрации доверия оказывает циклически усиливающее действие на убеждения и оценки участников [16, р. 8, 98, 99, 315; 47]. Это малоизвестная традиция, ныне связанная с работами Б. Нотбома (Nooteboom) и Ф. Сикс [41].

Определение доверия через субъективный элемент (I) доминирует в социологии; «установочное основание в аффективно мотивированной лояльности» у Т. Парсонса [42, р. 351] или «обобщенная установка разума», предполагающая «прыжок к обязательству – неустранимое свойство “веры”» у Э. Гидденса [28, р. 19]) восходят к концепции Г. Зиммеля [39]: «доверие сильнее рационального довода и личного наблюдения» [45, р. 178]. Классическое для исследований организационного поведения определение доверия – также I типа: «Доверие – психологическое состояние, включающее намерение принять уязвимость, основанную на позитивных ожиданиях от намерений и поведения другого» [43, р. 395].

Определения доверия I и II типа не столь различны, как можно подумать [30, р. 571–574; 35, р. 972]. Их роднит общее основание: доверие – *атрибут* поведения или *атрибут* сторон; доверие сводится к доверчивости (*propensity to trust*) [37], поскольку сама личность другого актора представляется *заслуживающей доверия*. В определении III типа доверие – род *поведения*, практика самих *субъектов доверия*, отличаемая от поведения *на основе доверия* в том же смысле, в каком Р. Бэйлз различал интегративно-экспрессивные и адаптивно-инструментальные категории действия [14, р. 8–10]. Здесь принципиально отличие от определений I и II типов, где доверяющий субъект ставит себя в положение уязвимости от доверенной стороны – уязвимость генерируется доверием. В определении III типа направление каузации обратное: люди доверяют друг другу, поскольку *уже находятся* в ситуации неопределенности, уязвимости в свете возможных действий третьей стороны. Определение III типа не исключает определений I-II типов, но, по-видимому, избегает про-

блемы «Как возможен добровольный выбор уязвимости?» [40, р. 286]. Рациональные акторы, вероятно, должны предпочитать ситуации с *меньшими* уязвимостями. Следовательно, люди вступают в союзы и соглашения в ситуациях, где риски в среднем не ниже, чем риски, связанные с возможным злоупотреблением доверия: доверие не создает, а снижает риски.

Доверие в организациях обусловлено *темпоральными* и *структурными* аспектами трудовых отношений: стороны неравны, риски неравно распределены между участниками в разные моменты времени. Работник и работодатель вступают в трудовые отношения до создания продукта, продукт создается до его реализации на рынке. До этого последнего момента обоюдная выгода от заключения и исполнения контракта не ясна, но сторона работодателя во все моменты времени обладает большей информацией и властью в вопросе определения и распределения выгод и убытков. Следовательно, работник вынужден *авансировать* свой труд, руководствуясь доверием, лояльностью, чувством долга либо безысходности. Отсюда:

Нулевая гипотеза об отсутствии связи между доверием и про-организационными установками (H_0).

Про-организационные установки измерялись вопросом о степени согласия с суждением «Я готов(а) работать больше, чтобы мое предприятие процветало».

Формулировка вопроса не разделяет намерение *в будущем начать* работать больше и намерение *продолжать* такую работу. Вопрос ориентирован не на выявление поведения (или интенций) *респондентов*, а на обнаружение у них *рефлексии* по поводу возможного позитивного подкрепления интенсификации труда со стороны коллег, подчиненных либо руководителей. Предполагается, что настрой продолжить либо начать более интенсивную работу отражает опыт взаимодействия с другими работниками и уверенность в *зримости* и *ценности* таких усилий в трудовом коллективе. Полагаем, что неправдоподобно обратное предположение – что респонденты заявят о готовности к интенсификации труда, будучи уверены в безрезультатности или несправедливости односторонних усилий. Уверенность в символической или материальной вознаграждаемости усилий есть характеристика *отношений*, а не людей – это нормативная, а не психологическая установка.

Однако готовность к интенсификации труда еще не свидетельствует о наличии *доверия*. Администрация и работники могут поддерживать высокий уровень сотрудничества, однако, не демонстрировать доверия и быть готовыми к расторжению трудовых отношений при любых новых обстоятельствах (кризис, релокация производства, оптимизация).

Актуальность исследования

Ухудшение положения наемных работников проявляется в обесценении труда [5, с. 22; 8, с. 15], экспансии неформальной и временной занятости [8, с. 72, 82; 11, с. 93], увеличении доли персонала, работаю-

щего во вредных и загрязненных условиях труда [6, с. 247], росте тревожности по поводу рисков потери работы и пессимизма в отношении возможностей будущего трудоустройства [2, с. 71–72].

Как работники реагируют на ухудшение своего положения? Судя по данным общероссийских опросов ВЦИОМ, большинство наемных работников (58%) никогда не обращались за помощью в защите своих трудовых прав, 15% обращались к своему руководству, 6% к профсоюзу и 6% – в суд. Лишь 2% работников участвуют в коллективных действиях в защиту собственных прав (митинги, забастовки, акции протеста). Велика доля избегающих прямого противостояния с работодателем: 12% увольняются, а 3% снижают производительность. О стабильности ситуации говорит тот факт, что структура ответов участников национальных опросов практически не менялась в течение всего периода наблюдений (2004–2018 гг.) [12].

Такая реакция может быть обусловлена выбором классовой либо корпоративной идентичности [3], коллективных действий для реализации общих интересов [7] или про-организационной деятельности в интересах работодателя [10]. Организационная идентичность усиливает приверженность и вовлеченность работников, повышает удовлетворенность трудом, стимулирует исполнительность [26; 50].

В нашем исследовании мы ограничиваемся концептуальной триадой – соотношением доверия, про-организационных установок и идентичности.

Материалы и методы

Данная статья основана на результатах формализованных опросов, проведенных на трех крупных, экономически успешных промышленных предприятиях Пермского края и Самарской области, представляющих отрасли нефтедобычи («Нефтяник»), производства инструментов и приборов для измерения, тестирования и навигации («Приборостроитель»), а также машиностроения («Мотор»). Выбор этих организаций в качестве площадки апробации обусловлен их сопоставимостью по численности персонала, принадлежностью к характерным для России отраслям реального сектора и успешностью адаптации к рыночной экономике. Конечно, выбор предприятий не был абсолютно свободен; он также обусловлен традиционной для отечественной промышленной социологии проблемой доступа в поле. Но наши результаты не дали оснований подозревать, что выбор повлиял на качество апробации инструмента и методологии.

На «Моторе» опрос проводился по квотной выборке с учетом половозрастных характеристик и численности основных категорий персонала (рабочие, специалисты/ИТР, руководители структурных подразделений), было опрошено 1094 чел. (10% от общей численности работающих). На двух других проводился сплошной опрос присутствующих на рабочих местах. В итоге на «Нефтянике» в исследовании приняло участие 1008 чел. (27% численности персонала), на «Приборостроителе» – 1178 чел. (42%). Информация о структуре выборки представлена в таблице.

Таблица 1 (Table 1)

Структура выборочной совокупности
Sample composition

Предприятия	«Мотор»	«Нефтяник»	«Приборостроитель»	Всего
Общая численность опрошенных, чел.	1094	1008	1178	3280
В том числе (%):				
Руководители	10	8	15	11
Специалисты (ИТР)	27	43	39	35
Рабочие, в т. ч.:	63	49	46	54
Мужчины	55	50	80	60
Женщины	45	50	20	40
Средний возраст, лет	43	38	39	40
Средний стаж работы на предприятии, лет	10	9	8	9

Заметим, что выборка не является репрезентативной и не позволяет проводить полноценное сравнение между предприятиями. Но заявленная цель исследования – изучить соотношение (концептов и феноменов) организационного доверия, про-организационных установок, корпоративной идентичности и солидарности, что не требует объективно репрезентативных данных.

Корпоративная солидарность рассматривается в исследовании как феномен сознания работника, отражающий его идентификацию с предприятием и готовность действовать в его интересах [9; с. 10–12].

Измерение социальной самоидентификации осуществлялось двумя способами. На предприятии «Мотор» – на основе оценки степени согласия / несогласия респондентов с двумя суждениями: «Я ощущаю себя частью большого коллектива предприятия», «Я горжусь тем, что работаю на предприятии» (5-балльная шкала)¹, а также с помощью прямого вопроса «Насколько близкими, схожими по поведению, интересам являются для Вас следующие группы работников?» («1» – абсолютно не близкие/не схожие, «5» – очень близкие, схожие) в отношении коллег по подразделению и предприятию в целом. Согласованность ответов респондентов оказалась достаточной (альфа Кронбаха 0,707).

На двух других предприятиях для измерения идентификации предлагались суждения: «Я думаю, что у нас с коллегами много общего», «Мы с коллегами одинаково понимаем, что является самым важным в работе в данный момент», «Сложные вопросы мы с коллегами обычно решаем совместно», «Я могу рассчитывать на своих коллег: они окажут мне помощь, если она потребуется» с предложением выразить свое согласие/несогласие (5-балльная шкала) с каждым из них. Итоговый показатель идентичности определялся

¹ Здесь и далее «1» означает полное несогласие, а «5» – полное согласие респондента с суждением.

на основе среднего арифметического значения реакций на отдельные пункты шкалы. Полученная таким образом шкала продемонстрировала хорошие показатели надежности (альфа Кронбаха 0,84–0,89).

Готовность к действиям по защите интересов организации включает принятие личной ответственности за коллективные результаты труда и стремление прилагать дополнительные усилия во благо организации. Методика шкалирования на всех трех предприятиях была одинаковой. Измерение первого элемента осуществлялось с применением логического индекса, отражающего ощущение ответственности работника за работу своего подразделения и предприятия в целом. Индекс принимает пять возможных значений, соответствующих интенсивности установки от максимального (5) до минимального (1) согласно схеме, предложенной Г. П. Бессокирной и Г. Г. Татаровой [1]. Для оценок второго элемента использовались реакции респондентов на суждение «Я готов работать больше, чтобы мое предприятие процветало» (5-балльная шкала).

Доверие рассматривалось как сложное обобщенное суждение работника в отношении коллег (горизонтальное доверие) и представителей менеджмента (вертикальное доверие) с учетом двух основных качеств: доброжелательности и компетентности.

Измерение вертикального доверия осуществлялось двумя способами. Первый предполагал включение в анкету прямого вопроса об отношении к руководителям разного уровня: «Как Вы считаете, насколько руководители заслуживают Вашего доверия» с четырьмя вариантами ответа от «однозначно не заслуживают» до «вполне заслуживают». Респонденту предлагалось определить свое отношение к представителям высшего менеджмента. Второй способ опирался на методику Дж. Кука и Т. Уолла [19], использовавших индекс вертикального доверия, для построения которого использовалась шкала суммарных оценок (шкала Лайкерта). Респондентам для оценки предлагалась серия суждений, отражающих мнения о позитивных намерениях менеджмента в отношении работников, искренней заботы о благополучии рядового персонала, а также способности (с точки зрения наличия необходимых навыков и знаний) эффективно выполнять свои управленческие функции¹. На всех трех предприятиях согласованность ответов оказалась очень хорошей (значения коэффициента альфа Кронбаха во всех случаях – 0,95).

На «Приборостроителе» и «Нефтянике» измерение горизонтального доверия также опиралось на указанную выше методику Дж. Кука и Т. Уолла². Надежность шкалы (индекс горизонтального доверия) тоже была высокой (альфа Кронбаха 0,9 – 0,91). На «Моторе» горизонтальное доверие не изучалось.

¹ Использовалась адаптированная версия методики, перевод и апробация которой выполнена преподавателями кафедры социологии Пермского государственного национального исследовательского университета (А. Е. Кузнецов, И. А. Германов) с привлечением эксперта – Е. В. Исаевой (зав. кафедрой английского языка и профессиональной коммуникации ПГНИУ).

² Для построения индекса использовались следующие суждения: «Если у меня возникнут трудности на работе – я знаю, что мои коллеги попытаются мне помочь», «Я могу положиться на большинство моих коллег – они сдержат свое слово», «Я полностью доверяю знаниям и опыту моих коллег», «Большинство моих коллег справятся со своей работой даже в отсутствие контроля со стороны руководства», «Я могу положиться на своих коллег – они не усложнят мою работу небрежным выполнением своих обязанностей».

Проверке подвергались следующие гипотезы: доверие положительно связано с социальной самоидентификацией (H_1 и H_4), готовностью действовать в интересах организации (H_2 и H_5), принятием ответственности за коллективные результаты работы (H_3 и H_6). Гипотезы H_1 , H_2 , H_3 сформулированы для *вертикального* доверия (руководству); гипотезы H_4 , H_5 , H_6 – доверия *горизонтального* (коллегам). Проверка указанных гипотез позволит судить о связи доверия с социальной структурой предприятия в разрезе разных компонент корпоративной солидарности.

Результаты

Исследование подтвердило ранее полученные выводы о преобладающем доверии в трудовых коллективах как в горизонтальном, так и в вертикальном измерении [см.: 4, с. 57, 69]. Так, на «Нефтянике» и «Приборостроителе» суммарная доля респондентов, наделяющих доверием руководство предприятия, составляет 74–77% (табл. 2), что соответствует аналогичному показателю в целом по стране¹. На «Моторе» отношение к топ-менеджменту более настороженное (доверяют руководству только 61% опрошенных), что может быть связано с недавней сменой управленческой команды на предприятии. Значения индексов доверия руководству на всех трех обследованных объектах находятся в зоне «выше среднего» и составляют 0,67–0,7 пункта.

Выяснилось, что измерения вертикального доверия с помощью прямого вопроса и индексов, хотя и согласуются, но, по-видимому, отражают разные аспекты отношения к руководству. Если на «Нефтянике» и «Приборостроителе» оценка взаимодействия между двумя показателями демонстрирует умеренную корреляцию (значения r_s Спирмена составляют 0,61 и 0,43, соответственно), то на «Моторе» связь между показателями отсутствует ($r_s = 0,05$). Наши данные позволяют предположить, что доверие работников к руководителю обусловлено не только оценкой его доброжелательности и компетентности. При одинаковых оценках деловых качеств руководства, работники «Мотора» продемонстрировали относительно низкое доверие администрации.

Доверие *коллегам* на обследованных предприятиях выражено еще сильнее: значения индекса горизонтального доверия близки к максимальным (0,84–0,86), что тоже согласуется с данными РМЭЗ (в ходе опроса о доверии коллегам высказались 83% опрошенных).

¹ В соответствии с данными 30-й волны Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)», проводимого Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (сайты обследования RLMS-HSE: <https://rlms-hse.cpc.unc.edu> и <http://www.hse.ru/rlms>), доверяют руководству своего предприятия/организации (варианты «полностью доверяю» и «скорее доверяю») 73% занятого населения.

Таблица 2 (Table 2)

Показатели доверия и корпоративной идентичности¹*Trust indicators and corporate identity*

Понятие	Показатель	Название предприятия		
		«Нефтяник»	«Приборостроитель»	«Мотор»
Вертикальное доверие	Суммарная доля работников, доверяющих руководству предприятия, %	74	77	61
	Индекс доверия руководству, среднее значение (макс. 1)	0,7	0,69	0,67
Горизонтальное доверие	Индекс горизонтального доверия, среднее значение (макс. 1)	0,84	0,86	-
Самоидентификация	Индекс организационной идентичности, среднее значение (макс. 5)	4,1	4,1	3,8
	Доля респондентов, ощущающих свою близость/схожесть с другими работниками предприятия, %	-	-	17
Действия по защите интересов организации	Индекс коллективной ответственности, среднее значение (макс. 5)	4,3	4,3	4,2
	Доля работников, готовых прилагать дополнительные усилия в интересах предприятия, %	35	50	46

Во всех обследованных организациях степень идентификации работников с предприятием, на котором они трудятся, оказалась выше среднего: среди респондентов преобладают работники, которые ощущают свою принадлежность к коллективу и испытывают гордость по этому поводу, чувствуют общность интересов с коллегами и надеются на их поддержку. На «Моторе» значения индекса оказались заметно ниже, чем на двух других предприятиях (3,8 против 4,1), что согласуется с низкими оценками другого показателя самоидентификации: чувствуют свою схожесть с другими работниками только 17 % опрошенных.

Степень принятия работниками личной ответственности за коллективные результаты труда на всех трех предприятиях примерно одинакова: за работу своего подразделения переживают 82–87%, предприятия в целом – 57–60% опрошенных. Наблюдаемые средние значения индекса коллективной ответственности находятся в зоне «выше среднего» (4,2–4,3 пункта).

¹ Отсутствующие значения в ячейках, помеченных символом «-», означают, что соответствующие индикаторы в инструментарий обследования на предприятиях не включались.

Наибольшие различия между работниками наблюдаются в отношении готовности больше трудиться ради процветания своего предприятия. На «Нефтянике» такой позиции придерживаются 35% опрошенных, на двух других предприятиях – 46–50%.

При исследовании доверия важно учитывать различия в организации работы в разных секторах экономики: например, в организациях в сфере обслуживания и в it-компаниях велика доля работников, выполняющих работу изолированно, автономно или дистанционно. Промышленные предприятия в этом смысле представляют довольно однородное поле исследования, позволяющее нивелировать возможное влияние таких рабочих контекстов, которые объективно не предполагают функциональную зависимость от коллег и потому могут снижать роль доверия. Практически все респонденты – сотрудники больших коллективов и подразделений: производств, цехов, отделов. Работа рядовых сотрудников и линейного менеджмента предполагает интенсивные взаимодействие и обмен информацией. Некоторый риск для интерпретации наблюдений представляют гендерно-возрастная и статусная неоднородность выборки. Известно, что многие организации имеют тенденцию к образованию «женских» и «возрастных» коллективов.

Однозначных закономерностей специфики показателей доверия и корпоративной солидарности в различных социально-демографических группах работников установить не удалось.

Статистический анализ не выявил различий во взаимодействии показателей доверия и про-организационных установок в различных статусных группах работников, что указывает на нецелесообразность разделения выборки на рядовых работников и руководителей. Неоднородность выборки ожидаемо оказалась связана не с занимаемыми должностями, а с уровнем образования. Это отражает хорошо известную историческую тенденцию – в отечественной промышленности низовые руководители (мастера смен, участков и начальники отделов, отделений, секторов) редко бывают полностью исключены из выполнения наиболее сложных работ; в то же время высококвалифицированные «рядовые» работники зачастую контролируют работу других подчиненных и фактически являются руководителями, не занимая формальных руководящих должностей. Руководящие и исполнительские функции между этими группами распределены в большей степени соответственно фундаментальным факторам (образованию и технологиям) и в меньшей степени – сообразно штатному расписанию конкретного предприятия.

С образовательным статусом положительно связаны оба вида доверия (лица с высшим образованием наделяют коллег и руководство большим доверием, нежели работники с общим и средним профессиональным образованием). Для самоидентификации тенденция обратная (чем выше уровень образования, тем менее тесную связь с коллективом предприятия ощущает работник). Однако эти закономерности обнаружились лишь на двух предприятиях («Нефтяник» и «Приборостроитель»). На «Моторе» с уровнем образования связано лишь чувство ответственности за коллективные результаты труда (более свойственно работникам с высшим образованием).

Для проверки гипотез о влиянии организационного доверия на установки работников использовался метод перекрестной классификации. На первом этапе изучались прямые связи между показателями (табл. 3). При этом на всех трех предприятиях обнаружались слабые, но статистически значимые связи индекса доверия руководству с организационной идентичностью работников (гипотеза H_1) и готовностью прилагать дополнительные усилия ради благополучия предприятия (гипотеза H_2): d Сомерса находится в пределах 0,18–0,39 (табл. 3). Влияние данного показателя на принятие работником на себя ответственности за результаты работы подразделения и предприятия в целом (гипотеза H_3) выражено слабее (d Сомерса находится в пределах 0,12–0,19). Результаты прямого измерения доверия руководству также влияют на все показатели самоидентификации и готовности к действиям в интересах организации; интенсивность этих взаимодействий характеризует их как слабые и очень слабые связи (d Сомерса находится в пределах 0,1–0,39).

Таблица 3 (Table 3)

Влияние доверия на показатели корпоративной солидарности
(коэффициент d Сомерса)¹

The influence of trust on corporate solidarity indicators (Somers' d coefficient)

Понятие	Показатель	Название предприятия		
		«Нефтяник»	«Приборостроитель»	«Мотор»
Вертикальное доверие				
Самоидентификация	Индекс организационной идентичности	0,25 (0,35)	0,21 (0,3)	0,21 (0,23)
	Близость/схожесть с работниками предприятия	–	–	0,27 (0,38)
Действия по защите интересов организации	Индекс коллективной ответственности	0,25 (0,19)	0,17 (0,12)	0,1* (0,15)
	Готовность прилагать дополнительные усилия в интересах предприятия	0,39 (0,38)	0,25 (0,26)	0,18 (0,33)
Горизонтальное доверие				
Самоидентификация	Индекс организационной идентичности	0,75	0,68	–
Действия по защите интересов организации	Индекс коллективной ответственности	0,12	0,05*	–
	Готовность прилагать дополнительные усилия в интересах предприятия	0,22	0,1	–

¹ При характеристике взаимодействия показателей корпоративной солидарности с доверием руководству в скобках указаны коэффициенты влияния индекса вертикального доверия, без скобок – ответов на прямой вопрос о доверии руководству. В случаях, помеченных «*», коэффициент влияния значим на уровне 0,05. Во всех остальных случаях – на уровне 0,01. Отсутствующие значения в ячейках, помеченных символом «–», означает, что соответствующие индикаторы в инструментарии обследования на предприятиях не включались.

На этом же этапе анализа обнаружено сильное влияние индекса *горизонтального* доверия на организационную идентичность (гипотеза H_4), однако это доверие очень слабо влияет на готовность работников действовать в интересах предприятия (гипотеза H_5) и принятие ответственности за коллективные результаты труда (гипотеза H_6).

С учетом того, что оба вида доверия ожидаемо связаны (с повышением значений индекса доверия *коллегам* индекс доверия *руководству* также возрастает: rs Спирмена составляет 0,45), на втором этапе анализа связь каждого вида доверия с показателями корпоративной солидарности изучалась в условиях контроля влияния другого вида доверия¹. Для этого были созданы две вспомогательные переменные, значения которых разделяют массив наблюдений на три примерно равные по численности группы по уровням вертикального и горизонтального доверия, соответственно (см. табл. 4 и 5).

Таблица 4 (Table 4)

Влияние горизонтального доверия на показатели корпоративной солидарности в группах по уровню вертикального доверия (коэффициент d Сомерса)

The influence of horizontal trust on corporate solidarity in groups with various levels of vertical trust (Somers' d coefficient)

Уровень вертикального доверия	Индекс организационной идентичности	Индекс коллективной ответственности	Готовность прилагать дополнительные усилия в интересах предприятия
Низкий	0,72***	0,03	0,06*
Средний	0,64***	0,02	- 0,01
Высокий	0,62***	0,03	0,06
Все уровни	0,71***	0,08***	0,16***

Примечания. *Коэффициент значим на уровне 0,05.

**Коэффициент значим на уровне 0,01.

***Коэффициент значим на уровне 0,001.

Таблица 5 (Table 5)

Влияние вертикального доверия на показатели корпоративной солидарности в группах по уровню горизонтального доверия (коэффициент d Сомерса)

The influence of vertical trust on corporate solidarity in groups with various levels of horizontal trust (Somers' d coefficient)

Уровень горизонтального доверия	Индекс организационной идентичности	Индекс коллективной ответственности	Готовность прилагать дополнительные усилия в интересах предприятия
Низкий	0,21**	0,15**	0,29**
Средний	0,17**	0,14**	0,27**
Высокий	0,08*	0,13**	0,32**
Все уровни	0,33**	0,15**	0,31**

Примечания. *Коэффициент значим на уровне 0,01.

**Коэффициент значим на уровне 0,001.

¹ Этот этап анализа осуществлялся на материалах опроса работников «Нефтяника» и «Приборостроителя», поскольку на «Моторе» уровень горизонтального доверия не измерялся.

На этом этапе анализа выяснилось, что влияние горизонтального доверия на готовность действовать в интересах предприятия оказалось ложным: при разделении выборки на группы по уровню вертикального доверия связи доверия коллегам с принятием личной ответственности за коллективные результаты труда и готовностью прилагать дополнительные усилия в интересах предприятия оказались слабее либо не наблюдались. При этом характер связи между горизонтальным доверием и самоидентификацией работников существенно не изменился (табл. 4).

При фиксации уровня доверительных отношений с коллегами влияние вертикального доверия на показатели идентификации с предприятием ослабло, но все же осталось статистически значимым. При этом характеристики влияния отношения к руководству предприятия на поведенческие установки работников остались без изменений (табл. 5).

В ходе анализа выяснилась еще одна интересная закономерность. При формировании групповой самоидентификации каждый из видов организационного доверия компенсирует дефицит другого: максимально тесная связь вертикального доверия с ощущением принадлежности к организации наблюдается при низком уровне горизонтального доверия и наоборот (табл. 4 и 5).

Выводы

Проведенное исследование показывает сложную связь доверия с идентичностью, принятием ответственности и готовностью работать больше. Доверие – отдельный феномен, несводимый к предпосылкам или функциям иных социально-психологических и организационных феноменов или процессов. Насколько высоко доверие на обследованных предприятиях? И какой тип определения предпочтителен для измерения доверия на работе?

Обнаружение слабой связи доверия *руководству и коллегам* с готовностью прилагать дополнительные усилия в интересах предприятия (гипотезы H_2 и H_5) делает вероятным подтверждение H_0 в будущем на тех же или иных предприятиях. Это довольно неожиданный результат, имеющий, однако, теоретическое значение.

Организационное поведение можно представить как последовательность циклов: работники авансируют администрации результаты своего труда, администрация реализует их и оплачивает труд работников. Такие циклы изоморфны трехчастному определению доверия (I типа) А. Байер [13, р. 237, 259]: (1) А доверяет В (2) нечто ценное С, (3) зависящее теперь от действий В. Артикуляция определения доверия в версии Байер позволяет дать структурированную критику такого рода определений (I и II типа), ответив на вопрос «Кто и когда определяет отношения как отношения *именно доверия?*».

Во-первых, в институциональных контекстах, где социальные отношения зачастую имеют договорную природу, определения ситуаций и отношений *обоюдны* – зависят от второй стороны (*B*). В определениях I-II типов доверие одностороннее (*A* доверяет *B*): практически это психологическая установка, *доверчивость*, но не *отношение* доверия (требующее субъектности для второй стороны, для *B*). Более того, здесь типичны ситуации, в которых стороны неравноправны, а определение отношений как отношений доверия может быть привилегией доминирующей стороны (*B*).

Во-вторых, *при каких условиях* возникают отношения доверия? Производственные отношения организованы циклично: это циклы от получения до выполнения задания, от выполнения работ до вознаграждения, от создания продукта до реализации. Во всех случаях работники *авансируют* свой труд, однако это необязательно акт (выражение) *доверия*. Здесь актуальна проблема различения собственно сотрудничества и доверия [37, р. 712–713]. Во всех типах определений предполагается, что доверие подразумевает сотрудничество. Сотрудничество же может быть мотивировано не доверием, но выгодой, обязательствами, чувством долга или лояльностью. Что происходит, если *A доверяет B* (« \rightarrow » в табл.6), но *B* лишь *сотрудничает* с *A* (« \rightarrow » в табл.6): например, работники инициативно перевыполняют задание, но администрация выплачивает вознаграждение только в рамках обязательств? Это ситуация обманутого «доверия» (строка 2 в табл. 6), допускающая возобновление отношений лишь в рамках сотрудничества (строки 1-2). *Отношения* же доверия возникают по инициативе работника ($A \rightarrow B$, $B \rightarrow A$) в первом же цикле (строка 4), либо по инициативе работодателя или коллектива ($B \rightarrow A$, $A \rightarrow B$) – с возобновлением второго цикла (строка 3).

Таблица 6 (Table 6)

Динамика отношений сотрудничества и доверия*
Cooperation and trust dynamics

Отношение	1-й цикл	2-й и последующие циклы	Тип определения
1. Сотрудничество	$A \rightarrow B$, $B \rightarrow A$	$A \rightarrow B$, $B \rightarrow A$, и т. д.	I-III
2. Сотрудничество	$A \rightarrow B$, $B \rightarrow A$		
3. Сотрудничество (а,б) либо доверие (в)	$A \rightarrow B$, $B \rightarrow A$	(а) $A \rightarrow B$, $B \rightarrow A$; либо (б) $A \rightarrow B$, $B \rightarrow A$; либо (в) $A \rightarrow B$, $B \rightarrow A$, и т. д.	III
4. Доверие	$A \rightarrow B$, $B \rightarrow A$	$A \rightarrow B$, $B \rightarrow A$, и т. д.	I-III

Примечание. *Для вертикального доверия доминирующая сторона отношений (*B*) – администрация и цеховое руководство, для горизонтального – коллектив.

Концептуализация доверия в таблице 6, учитывая цикличность процессов и неравенство сторон, есть, безусловно, все же упрощенная картина. Но эта формализация позволяет интерпретировать возможное подтверждение H_0 . Обследованные предприятия демонстрируют относительно высокий уровень доверия. *Средний* уровень (строки 1–2) обеспечивает сохранение контрактных отношений. *Низкому* уровню отвечали бы отношения, завершившиеся первым циклом. Поскольку мы не опрашивали *бывших работ-*

ников, в таблице этот уровень не отображен: здесь отсутствовал бы второй цикл. *Высокому* уровню соответствует строка 4. Наши предприятия следует локализовать в строках 3 и 4: обнаружены сотрудники, доверяющие (строки 4 и 3в в табл.6) и не доверяющие (3аб); те и другие демонстрируют готовность и неготовность к про-организационному поведению. Отсюда и наша оценка интенсивности доверия между средним и высоким уровнями.

Итак, подтверждение H_0 не свидетельствует о невозможности интерпретировать результаты. Но как объяснить *само подтверждение* H_0 – наличие сотрудников доверяющих, но не готовых к интенсификации усилий в интересах предприятия? Очевидно, помимо соображений доверия, лояльности или выгоды, здесь могут существовать объективные барьеры для такой интенсификации – она может быть невозможна в силу плохой организации работы, устарелости оборудования или перегруженности работников. Эти обстоятельства специально не изучались, поэтому интерпретация *в этой части* остается сугубо гипотезирующей.

Наиболее сложен и интересен процесс *возникновения* доверия (строка 3 в табл.6), инициируемый руководством или коллективом. Этот процесс невидим для определений I–II типов, где вторая сторона отношений (*B*) игнорируется. Поскольку доверие здесь одностороннее – «*A* доверяет *B*» равнозначно «*A* доверчив» (в англоязычной литературе часто формулируется как *B is trustworthy*) – определения этих типов не различают сотрудничество и доверие (строки 2 и 4 табл.6, где значимая для определений I–II типов часть отношения одинакова – «*A* → *B*»).

Заключение

Определения доверия как ожидания, основанного на убеждении (тип I) или оценке рисков (тип II), не отвечают на вопрос «Как другие (*B*) узнают о доверии *A*?». Без ответа на него доверие остается односторонней установкой, собственно доверчивостью, реализация которой в качестве социально значимой и видимой практики – сотрудничества с другими – зависит только от реакции этих других. Такое определение есть также явная тавтология: «Доверие – обобщенное ожидание, что другой... заслуживает доверия» [36, р. 39]. Н. Луман избегает этой тавтологии пояснением – другой должен распорядиться доверием «в соответствии с тем характером, который он демонстрировал и сделал социально видимым» [36, р. 39]. Мы солидарны с Луманом, а также с Р. Хардином: обычные трактовки доверия редуцируют его к доверчивости – к психологической установке, расположенности (*disposition*) доверяющего [29, р. 29–32]. Такому смещению способствует также употребление термина «доверчивость» (в англоязычной литературе это обычно *trustworthiness*): мнение *A*, что *B* заслуживает доверия, представляется свойством *B*.

Социологическая концепция доверия может исходить из понимания доверия как обоюдного и основанного на демонстрируемом (и потому социологически регистрируемом) действии. Про-организационное поведение

может быть внешним проявлением доверия со стороны работников. Как работодатели могут демонстрировать социально видимое доверие к работникам? Доверие инициируется раскрытием информации [49, р. 230]. В организациях решения менеджмента часто основаны на информации, официально не доводимой до работников. Часть такой информации может быть известна неофициально или быть несенситивной для сотрудников, но при закрытом принятии решений работники могут считать эту информацию важной, неизвестной и дискредитирующей руководство. Мнимый дефицит информированности может породить безосновательные подозрения и критику. Предприятия – участники отношений (рыночных) с высокими рисками, поэтому руководители вынуждены зачастую принимать решения непопулярные или впоследствии оказывающиеся ошибочными. Осведомленность работников об обстоятельствах принятия решений может способствовать легитимации их последствий для персонала. Здесь может быть учтен потенциал института рабочих директоров – выборных представителей трудового коллектива, делегированных в состав совета директоров для участия в голосованиях по решениям, затрагивающим существенные положения трудовых договоров.

Проведенное исследование подтвердило пригодность предложенного инструмента для измерения основных компонент организационной солидарности – доверия, установки на про-организационное поведение, идентификации с предприятием. Результаты данного измерения дают возможность для содержательной интерпретации и теоретизации. Применение апробированного инструмента на более масштабных выборках позволит в будущем проводить мониторинг качества трудовых отношений на российских предприятиях и в организациях, что перспективно для отечественной социологии управления.

Библиографический список

1. Бессокирная Г. П., Татарова Г. Г. Идентификация с предприятием: концептуальная модель и инструментарий исследования [Электронный ресурс] // Официальный сайт ИС РАН. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=2768> (дата обращения 23.03.2021).
2. Воронин Г. Л., Козырева П. М., Косолапов М. С. и др. Социально-экономическое поведение российских домохозяйств в 1994–2020 гг. // Вестник РМЭПЗН НИУ ВШЭ (RLMS – HSE). Вып. 12. [Электронный ресурс]: сб. науч. ст. / Отв. ред. П.М. Козырева. М.: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2022. URL: <https://www.hse.ru/rlms/vestnik#vestnik12> (дата обращения: 30.10.2022). EDN: KVGXW.
3. Климова С. Персонификация или солидарность // Отечественные записки. 2003. № 3. URL: <https://strana-oz.ru/2003/3/personifikaciya-ili-solidarnost> (дата обращения: 25.03.2022).

4. Козырева П. М. Доверие и его ресурсы в современной России. М.: ИС РАН, 2011. 172 с. EDN: PVCPIХ.
5. Меньшикова О. И. Уровень благосостояния трудоспособного населения как концентрированное выражение качества трудовой жизни // Мир Новой экономики. 2020. № 3. С. 15–26. DOI: 10.26794/2220-6469-2020-14-3-15-26; EDN: VWXJСQ.
6. Наемный работник в современной России / Отв. ред. З. Т. Голенкова. М.: Новый хронограф, 2015. 368 с.
7. Профсоюзное пространство современной России / Под ред. В. Борисова, С. Кларка. М.: ИСИТО, 2001. 331 с. EDN: ZRJSFZ.
8. Российский рынок труда: тенденции, институты, структурные изменения / Ред. В. Е. Гимпельсон, Р. И. Капелюшников, С. Ю. Рощин. М.: ЦСР, 2017. 148 с.
9. Солидаризация в рабочей среде: социальное и индивидуальное / Ред. В. А. Ядов. М.: ИС РАН, 1998. 231 с.
10. Темницкий А. Л. Предпосылки выращивания институтов партнерства в сфере трудовых отношений: концептуальные модели и эмпирическая проверка // Модернизация экономики и выращивание институтов в 2-х кн. Кн. 2. / Отв. ред. Е. Г. Ясин. М.: ГУ ВШЭ, 2005. С. 104–116. EDN: VFKOYP.
11. Тощенко Ж. Т. Прекариат: от протокласса к новому классу. М.: Наука, 2018. 350 с. EDN: VKRCMM.
12. Трудовые права: кто на страже? <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/trudovye-prava-kto-na-strazhe> (дата обращения: 25.03.2022).
13. Baier A. Trust and antitrust // Ethics. 1986. Vol. 96. No. 2. P. 231–260. DOI: 10.1086/292745.
14. Bales R. F. Interaction Process Analysis: A Method for the Study of Small Groups. Cambridge, MA: Addison-Wesley, 1950. 234 p.
15. Barber B. The Logic and Limits of Trust. New Brunswick: Rutgers University Press, 1983. 190 p.
16. Blau P. M. Exchange and Power in Social Life. N. Y.: Wiley, 1964. 352 p.
17. Bigley G. A., Pearce J. L. Straining for shared meaning in organization science: Problems of trust and distrust // The Academy of Management Review. 1998. Vol. 23. No. 3. P. 405–421. DOI: 10.2307/259286.
18. Coleman J. S. Foundations of social theory. Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University, 1990. 993 p.
19. Cook J., Wall T. New work attitude measures of trust, organizational commitment and personal need non-fulfilment // Journal of Occupational Psychology. 1980. Vol. 53. P. 39–52. DOI: 10.1111/j.2044-8325.1980.tb00005.x.

20. Costa A. C., Anderson N. Measuring trust in teams: Development and validation of a multifaceted measure of formative and reflective indicators of team trust // *European Journal of Work and Organizational Psychology*. 2011. Vol. 20. No. 1. P. 119–154. DOI: 10.1080/13594320903272083.
21. Cropanzano R., Mitchell M. S. Social exchange theory: An interdisciplinary review // *Journal of Management*. 2005. Vol. 31. No. 6. P. 874–900. DOI: 10.1177/0149206305279602.
22. Deutsch M. The resolution of conflict, constructive and destructive processes. New Haven: Yale University Press, 1973. 420 p.
23. Dietz G., Den Hartog D. Measuring trust inside organizations // *Personnel Review*. 2006. Vol. 35. No. 5. P. 557–588. DOI: 10.1108/00483480610682299.
24. Dirks K. T., Ferrin D. L. The role of trust in organizational settings // *Organization Science*. 2001. Vol. 12. No. 4. P. 450–467. DOI: 10.1287/ORSC.12.4.450.10640.
25. Dirks K. T., de Jong B. Trust within the workplace: A review of two waves of research and a glimpse of the third // *Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior*. 2022. Vol. 9. P. 247–276. DOI: 10.1146/annurev-orgpsych-012420-083025.
26. Dutton J. E., Dukerich J. M., Harquai C. V. Organizational images and member identification // *Administrative Science Quarterly*. 1994. Vol. 39. P. 239–263. DOI: 10.2307/2393235.
27. Gambetta D. Can we trust trust? // Gambetta D. (ed) *Trust: Making and Breaking Cooperative Relations*. Oxford: Basil Blackwell, 1988. P. 213–237.
28. Giddens A. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in a Late Modern Age*. Stanford: Stanford University Press, 1991. 264 p.
29. Hardin R. *Trust and Trustworthiness*. N. Y.: Russell Sage Foundation, 2002. 234 p.
30. Kramer R. M. Trust and distrust in organizations: emerging perspectives, enduring questions // *Annual review of psychology*. 1999. Vol. 50. P. 569–98. DOI: 10.1146/ANNUREV.PSYCH.50.1.569.
31. Kramer R. M. Collective Trust within Organizations: Conceptual Foundations and Empirical Insights // *Corporate Reputation Review*. 2010. Vol. 13. P. 82–97. DOI: 10.1057/CRR.2010.9.
32. Legood A., van der Werff L. et al. A critical review of the conceptualization, operationalization, and empirical literature on cognition-based and affect-based trust // *Journal of Management Studies*. 2023. Vol. 60. No. 2. P. 495–537. DOI: 10.1111/joms.12811.
33. Lewicki R. J., Bunker B. B. Trust in relationships: A model of development and decline // Bunker B. B., Rubin J. Z. (eds) *Conflict, cooperation, and justice: Essays inspired by the work of Morton Deutsch*. San Francisco, CA: Jossey-Bass/Wiley, 1995. P. 133–173.

34. Lewicki R. J., Tomlinson E. C., Gillespie N. M. Models of Interpersonal Trust Development: Theoretical Approaches, Empirical Evidence, and Future Directions // *Journal of Management*. 2006. Vol. 32. No. 6. P. 991–1022. DOI: 10.1177/0149206306294405.
35. Lewis J. D., Weigert A. Trust as a social reality // *Social Forces*. 1985. Vol. 63. No. 4. P. 967–985. DOI: 10.1093/sf/63.4.967.
36. Luhmann N. *Trust and Power*. Two works by Niklas Luhmann. Chichester: John Wiley & Sons, 1982. 208 p.
37. Mayer R. C., Davis J. H., Schoorman F. D. An integrative model of organizational trust // *The Academy of Management Review*. 1995. Vol. 20. No. 3. P. 709–734. DOI: 10.2307/258792.
38. McAllister D. J. Affect- and cognition-based trust as foundations for interpersonal cooperation in organizations // *Academy of Management Journal*. 1995. Vol. 38. No. 1. P. 24–59. DOI: 10.5465/256727.
39. Möllering G. The nature of trust: From Georg Simmel to a theory of expectation, interpretation and suspension // *Sociology*. 2001. Vol. 35. No. 2. P. 403–20. DOI: 10.1177/S0038038501000190.
40. Möllering G. The trust/control duality // *International Sociology*. 2005. Vol. 20. No. 3. P. 283–305. DOI: 10.1177/0268580905055478.
41. Möllering G. The practical wisdom of trust: An interview with Bart Nooteboom // *Journal of Trust Research*. 2015. Vol. 5. No. 2. P. 170–183. DOI : 10.1080/21515581.2015.1070731.
42. Parsons T. Research with human subjects and the “professional complex” // *Daedalus*. 1969. Vol. 98. No. 2. P. 325–360. DOI: 10.2307/20023881.
43. Rousseau D. M., Sitkin S. B. et al. Not so different after all: A cross-discipline view of trust // *Academy of Management Review*. 1998. Vol. 23. P. 393–404. DOI: 10.5465/AMR.1998.926617.
44. Schoorman F. D., Mayer R. C., Davis J. H. An integrative model of organizational trust: Past, present, and future // *The Academy of Management Review*. 2007. Vol. 32. № 2. P. 344–354. DOI: 10.2307/20159304.
45. Simmel G. *The philosophy of money*. 3rd ed. D. Frisby (ed.). Transl. by T. Bottomore, D. Frisby. L.-N. Y.: Routledge, 2004. 616 p.
46. Sitkin S. B., Roth N. L. Explaining the Limited effectiveness of Legalistic “Remedies” for Trust/Distrust // *Organization Science*. 1993. Vol. 4. No. 3. P. 367–392. DOI: 10.1287/orsc.4.3.367.
47. Six F. E. Building interpersonal trust within organizations: a relational signalling perspective // *Journal of Management and Governance*. 2007. Vol. 11. P. 285–309. DOI: 10.1007/S10997-007-9030-9.
48. Sztompka P. *Trust: A Sociological Theory*. Cambridge, MA: Cambridge University Press, 1999. 214 p.
49. Zand D. Trust and managerial problem solving // *Administrative Science Quarterly*. 1972. Vol. 17. No. 2. P. 229–239. DOI: 10.2307/2393957.

50. Zhang S., Liu Z. A meta-analysis of the relationship between organizational identification and turnover intention // *Acta Psychologica Sinica*. 2016. Vol. 48. P. 1561–1573. DOI: 10.3724/SP.J.1041.2016.01561.

Получено редакцией: 24.01.24

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Германов Игорь Анатольевич, кандидат социологических наук, доцент, ректор, доцент кафедры социологии

Кузнецов Александр Евгеньевич, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии

DOI: 10.19181/vis.2025.16.1.6

Trust as a Factor of Corporate Solidarity in Industrial Enterprises of Russia¹

Igor A. Germanov

Perm State National Research University (PSU), Perm, Russia

gian@psu.ru

ORCID: 0000-0002-2338-6693

Aleksandr E. Kuznetsov

Perm State National Research University (PSU), Perm, Russia

kzntsv@list.ru

ORCID: 0000-0003-1699-6466

For citation: Germanov I. A., Kuznetsov A. E. Trust as a factor of corporate solidarity in industrial enterprises of Russia. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 1. P. 90–112. DOI: 10.19181/vis.2025.16.1.6; EDN: PHRJPK.

Abstract. The article is devoted to the study of corporate solidarity in Russian industrial enterprises and the influence of organisational trust on the processes of its formation. The results of surveys conducted in 2021–2022 at three large industrial enterprises (the total number of respondents was 2764 people) were used as the empirical basis of the study. It is based on methods for studying attitudes and work behaviour, repeatedly tested by Russian authors, as well as on the method for measuring organisational trust, used in domestic practice for the first time. It was found that the characteristics of most employees correspond to the model of corporate solidarity, while organisational trust really plays a positive role in its formation: trusting relationships with colleagues help to strengthen the identification of employees with the enterprise, and vertical trust stimulates the development of pro-organisational attitudes.

A typology of trust definitions is proposed, as well as a conceptualisation of trust in the field of labour relations, that allowed to interpret the level of trust at the surveyed enterprises as relatively high. Understanding trust in scientific literature tends to psychologise this concept – to reduce it to a psychological attitude. Taking into account the status and temporal aspects of labour relations allows, in our opinion, to resociologise the concept of “trust”. Trust in the sphere of production should be understood as reciprocal and based on institutional action. As a measure to stimulate trust between management and employees, it is proposed to take into account the experience of working directors in foreign practice as a channel for informing employees about the financial and economic situation of the enterprise and legitimising of management decisions. Historically, this institution was associated with the participation of employees in management, that rather discredited its capabilities in the eyes of both parties, since it can seem ephemeral to one side and an encroachment on the prerogatives of management to the other.

The specificity of the interaction of various types of trust allows us to conclude that the prospects for the development of corporate solidarity at domestic enterprises depend mainly on the vector of development of the organisational environment and labour relations.

Keywords: organizational trust, corporate solidarity, identification with the enterprise

¹ **Acknowledgements.** The publication was prepared with the financial support of RFBR, grant No. 20-011-00488.

References

1. Bessokirnaya G. P., Tatarova G. G. Identifikatsiya s predpriyatiem: kontseptual'naya model' i instrumentariy issledovaniya [Identification with the enterprise: conceptual model and research tools]. 2013. Accessed 01.12.2022. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=2768> (in Russ.).
2. Voronin G. L., Kozyreva P. M., Kosolapov M. S. Socio-economic behavior of Russian households in 1994–2020. *Vestnik RMEPZN NIU VSHE*, 2022: 12 (in Russ.). DOI: 10.19181/rlms-hse.2022; EDN: KVGXWX.
3. Klimova S. Personifikatsiya ili solidarnost' [Personification or solidarity]. *Otechestvennye zapiski*, 2003: 3(12) (in Russ.). Accessed 25.03.2022. URL: <https://strana-oz.ru/2003/3/personifikatsiya-ili-solidarnost>.
4. Kozyreva P. M. Doverie i ego resursy v sovremennoj Rossii [Trust and its resources in modern Russia]. Moscow, IS RAN, 2011: 172 (in Russ.). EDN: PVCPIX.
5. Menshikova O. I. The level of well-being of the working population as a concentrated expression of the quality of working life. *The world of new economy*, 2020: 3: 15–26 (in Russ.). DOI: 10.26794/2220-6469-2020-14-3-15-26; EDN: VWXJCQ.
6. Hired Worker in Modern Russia. Ed. by Z. T. Golenkova. Moscow, Novyy Khronograf, 2015: 368 (in Russ.).
7. Profsoyuznoe prostranstvo sovremennoj Rossii [Trade union space of modern Russia]. Ed. by V. Borisov, S. Klark. Moscow, ISITO, 2011: 331 (in Russ.). EDN: ZRJSFZ.
8. The Russian labor market: trends, institutions, structural changes. Ed. by V. E. Gimpelson, R. I. Kapelyushnikov, S. Yu. Roshchin. Moscow, TSSR, 2017: 145 (in Russ.).
9. Solidarization in the working environment: social and individual. Ed. by V. A. Yadov. Moscow, IS RAN, 1998: 231 (in Russ.).
10. Temnitskiy A. L. Predposylki vyrashchivaniya institutov partnerstva v sfere trudovyh otnoshenij: konceptual'nye modeli i empiricheskaya proverka [Prerequisites for the cultivation of partnership institutions in the field of labor relations: conceptual models and empirical testing]. In *Modernizatsiya ekonomiki i vyrashchivanie institutov*. Ed. by E. G. Yasin. Vol. 2. Moscow, GU VSHE, 2005: 104–116 (in Russ.). EDN: VFKOYP.
11. Toshchenko Zh. T. Precariat: from protoclass to new class. Moscow, Nauka, 2018: 350 (in Russ.). EDN: VKRCMM.
12. Labor rights: who is on guard? 2018. Accessed 01.12.2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/trudovye-prava-cto-na-strazhe> (in Russ.).
13. Baier A. Trust and antitrust. *Ethics*, 1986: 96: 2: 231–260. DOI: 10.1086/292745.
14. Bales R. F. Interaction Process Analysis: A Method for the Study of Small Groups. Cambridge, MA, Addison-Wesley, 1950: 234.
15. Barber B. The Logic and Limits of Trust. New Brunswick, Rutgers University Press, 1983: 190.
16. Blau P. M. Exchange and Power in Social Life. New York, Wiley, 1964: 352.
17. Bigley G. A., Pearce J. L. Straining for shared meaning in organization science: Problems of trust and distrust. *The Academy of Management Review*, 1998: 23: 3: 405–421. DOI: 10.2307/259286.
18. Coleman J. S. Foundations of social theory. Cambridge, MA, Belknap Press of Harvard University, 1990: 993.
19. Cook J., Wall T. New work attitude measures of trust, organizational commitment and personal need non-fulfilment. *Journal of Occupational Psychology*, 1980: 53: 39–52. DOI: 10.1111/j.2044-8325.1980.tb00005.x.
20. Costa A. C., Anderson N. Measuring trust in teams: Development and validation of a multi-faceted measure of formative and reflective indicators of team trust. *European Journal of Work and Organizational Psychology*, 2011: 20: 1: 119–154. DOI: 10.1080/13594320903272083.
21. Cropanzano R., Mitchell M. S. Social exchange theory: An interdisciplinary review. *Journal of Management*, 2005: 31: 6: 874–900. DOI: 10.1177/0149206305279602.
22. Deutsch M. The resolution of conflict, constructive and destructive processes. New Haven, Yale University Press, 1973: 420.

23. Dietz G., den Hartog D. Measuring trust inside organizations. *Personnel Review*, 2006: 35: 5: 557–588. DOI: 10.1108/00483480610682299.
24. Dirks K. T., Ferrin D. L. The role of trust in organizational settings. *Organization Science*, 2001: 12: 4: 450–467. DOI: 10.1287/ORSC.12.4.450.10640.
25. Dirks K. T., de Jong B. Trust within the workplace: A review of two waves of research and a glimpse of the third. *Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior*, 2022: 9: 247–276. DOI: 10.1146/annurev-orgpsych-012420-083025.
26. Dutton J. E., Dukerich J. M., Harquail C. V. Organizational images and member identification. *Administrative Science Quarterly*, 1994: 39: 239–263. DOI: 10.2307/2393235.
27. Gambetta D. Can we trust trust? In Gambetta D. (ed.). *Trust: Making and Breaking Cooperative Relations*. Oxford, Basil Blackwell, 1988: 213–237.
28. Giddens A. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in a Late Modern Age*. Stanford, Stanford University Press, 1991: 264.
29. Hardin R. *Trust and Trustworthiness*. New York, Russell Sage Foundation, 2002: 234.
30. Kramer R. M. Trust and distrust in organizations: emerging perspectives, enduring questions. *Annual review of psychology*, 1999: 50: 569–98. DOI: 10.1146/ANNUREV.PSYCH.50.1.569.
31. Kramer R. M. Collective Trust within Organizations: Conceptual Foundations and Empirical Insights. *Corporate Reputation Review*, 2010: 13: 82–97. DOI: 10.1057/CRR.2010.9.
32. Legood A., van der Werff L. et al. A critical review of the conceptualization, operationalization, and empirical literature on cognition-based and affect-based trust. *Journal of Management Studies*, 2023: 60: 2: 495–537. DOI: 10.1111/joms.12811
33. Lewicki R. J., Bunker B. B. Trust in relationships: A model of development and decline. In Bunker B. B., Rubin J. Z. (eds) *Conflict, cooperation, and justice: Essays inspired by the work of Morton Deutsch*. San Francisco, CA, Jossey-Bass/Wiley, 1995: 133–173.
34. Lewicki R. J., Tomlinson E. C., Gillespie N. M. Models of Interpersonal Trust Development: Theoretical Approaches, Empirical Evidence, and Future Directions. *Journal of Management*, 2006: 32: 6: 991–1022. DOI: 10.1177/0149206306294405.
35. Lewis J. D., Weigert A. Trust as a social reality. *Social Forces*, 1985: 63: 4: 967–985. DOI: 10.1093/sf/63.4.967.
36. Luhmann N. *Trust and Power*. Two works by Niklas Luhmann. Chichester, John Wiley & Sons, 1982: 208.
37. Mayer R. C., Davis J. H., Schoorman F. D. An integrative model of organizational trust. *The Academy of Management Review*, 1995: 20: 3: 709–734. DOI: 10.2307/258792.
38. McAllister D. J. Affect- and cognition-based trust as foundations for interpersonal cooperation in organizations. *Academy of Management Journal*, 1995: 38: 1: 24–59. DOI: 10.5465/256727.
39. Möllering G. The nature of trust: From Georg Simmel to a theory of expectation, interpretation and suspension. *Sociology*, 2001: 35: 2: 403–20. DOI: 10.1177/S0038038501000190.
40. Möllering G. The trust/control duality. *International Sociology*, 2005: 20: 3: 283–305. DOI: 10.1177/0268580905055478.
41. Möllering G. The practical wisdom of trust: An interview with Bart Nooteboom. *Journal of Trust Research*, 2015: 5: 2: 170–183. DOI: 10.1080/21515581.2015.1070731.
42. Parsons T. Research with human subjects and the “professional complex.” *Daedalus*, 1969: 98: 2: 325–360. DOI: 10.2307/20023881.
43. Rousseau D. M., Sitkin S. B. et al. Not so different after all: A cross-discipline view of trust. *Academy of Management Review*, 1998: 23: 393–404. DOI: 10.5465/AMR.1998.926617.
44. Schoorman F. D., Mayer R. C., Davis J. H. An integrative model of organizational trust: Past, present, and future. *The Academy of Management Review*, 2007: 32: 2: 344–354. DOI: 10.2307/20159304.
45. Simmel G. *The philosophy of money*. 3rd ed. D. Frisby (ed.). Translated by T. Bottomore and D. Frisby. London-New York, Routledge, 2004: 616.
46. Sitkin S. B., Roth N. L. Explaining the Limited effectiveness of Legalistic “Remedies” for Trust/Distrust. *Organization Science*, 1993: 4: 3: 367–392. DOI: 10.1287/orsc.4.3.367.

47. Six F. E. Building interpersonal trust within organizations: a relational signalling perspective. *Journal of Management and Governance*, 2007: 11: 285–309. DOI: 10.1007/S10997-007-9030-9.
48. Sztompka P. Trust: A Sociological Theory. Cambridge, MA, Cambridge University Press, 1999: 214.
49. Zand D. Trust and managerial problem solving. *Administrative Science Quarterly*, 1972: 17: 2: 229–239. DOI: 10.2307/2393957.
50. Zhang S., Liu Z. A meta-analysis of the relationship between organizational identification and turnover intention. *Acta Psychologica Sinica*, 2016: 48: 1561–1573. DOI: 10.3724/SP.J.1041.2016.01561.

The article was submitted on: January 24, 2024

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Igor A. Germanov, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Rector, Associate Professor of the Department of Sociology

Aleksandr E. Kuznetsov, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Sociology

АВТОМОБИЛЬ И РОССИЯНЕ: ОСОБЕННОСТИ ТРАНСПОРТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

DOI: 10.19181/vis.2025.16.1.7
EDN: PWDFPL

Жизненный цикл домохозяйств и поколенческие различия как факторы владения личным автомобилем

Ссылка для цитирования: Кулакова Т. В., Моисеева М. А., Решетова Е. М., Шулика Ю. Е. Жизненный цикл домохозяйств и поколенческие различия как факторы владения личным автомобилем // Вестник Института социологии. 2025. Том 16. № 1. С. 113–136. DOI: 10.19181/vis.2025.16.1.7; EDN: PWDFPL.

For citation: Kulakova T. V., Moiseeva M. A., Reshetova E. M., Shulika Yu. E. Household life cycle and generational differences as factors in personal automobile ownership. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 1. P. 113–136. DOI: 10.19181/vis.2025.16.1.7; EDN: PWDFPL.

SPIN-код: 8308-1569

Кулакова Татьяна Владимировна¹

¹НИУ «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

tkulakova@hse.ru

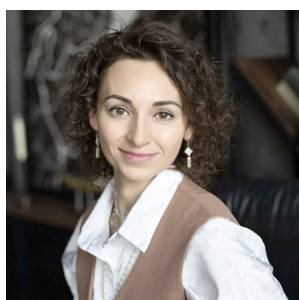

SPIN-код: 3186-5872

Моисеева Мария Александровна¹

¹НИУ «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

mamoiseeva@hse.ru

SPIN-код: 9030-2737

Решетова Екатерина Михайловна¹

¹НИУ «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

ekaterina.ddms@mail.ru

SPIN-код: 2613-3120

Шулика Юлия Евгеньевна¹

¹НИУ «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

yshulika@hse.ru

Аннотация. В статье рассматриваются межпоколенческие изменения во владении личным автотранспортом, что стало возможным с накоплением достаточных массивов лонгитюдных данных. Экономические условия, культурные особенности и технологические изменения влияют на то, как каждое поколение воспринимает и использует автомобили. Анализ этих факторов помогает лучше понять неравенство возможностей имеющих и не имеющих автомобиль домашних хозяйств прошлых и нынешнего поколений. В настоящий момент в отечественной литературе нет лонгитюдных исследований межпоколенческих различий во владении автомобилями в домашних хозяйствах. Авторы ставят задачу восполнить этот недостаток знаний. Межстрановой сравнительный анализ уровня автомобилизации сообразно возрастным когортам (поколениям) показал, что различия в уровне автомобилизации внутри когорт между странами или регионами внутри одной страны могут быть объяснены историческим аспектом автомобилизации, уровнем экономического развития, разницей в доходах между поколениями. С учетом динамично растущей автомобилизации в России возникает исследовательский вопрос: как меняется обеспеченность личными автомобилями в домашних хозяйствах Российской Федерации с течением времени и в зависимости от поколения. Исследование ставит перед собой цель выявить различия в уровне обеспеченности личными автомобилями по возрастным группам и между поколениями на примере российского общества. В ходе исследования авторами были проанализированы данные о наличии личного автомобиля у российских домашних хозяйств, полученные из Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ) НИУ ВШЭ и Всероссийского обследования домохозяйств по потребительским финансам, организованного Минфином России в 2013–2020 гг. и Банком России в 2022 г. С помощью ретроспективного метода, приводящего поколения к единому возрастному уровню, авторами исследованы межпоколенческие различия во владении автомобилями. Показана динамика изменения доли домохозяйств, имеющих автомобиль в распоряжении, в разных поколениях и на разных этапах жизненного цикла, а также в зависимости от места проживания. Выявлена тенденция к отказу от личного автомобиля среди молодых людей. Установлено, что на это оказывают влияние практика каршеринга, а также качество и доступность муниципального транспорта в городах, особенно крупных. При этом уровень владения частным автотранспортом в сельской местности после 2010 г. существенно повысился и в настоящее время превышает городской.

Ключевые слова: социология, автомобиль, частный автотранспорт, домохозяйства, возрастные когорты, межпоколенческие различия, лонгитюдные исследования, РМЭЗ НИУ ВШЭ, ОФД Минфина России

Введение

Межпоколенческие изменения в потреблении стали распространенным предметом исследований в различных дисциплинах в последние годы. В исследованиях, посвященных вопросам транспорта, особое внимание уделяется поколенческим изменениям во владении автомобилями: как изменялась обеспеченность домохозяйств автомобилями с течением времени и в контексте социально-экономического развития общества. Экономические условия, культурные особенности и технологические изменения влияют на то, как каждое поколение воспринимает и использует

автомобили. Анализ этих факторов помогает лучше понять неравенство возможностей имеющих и не имеющих автомобиль домашних хозяйств прошлых и нынешнего поколений.

Одной из широко используемых концептуальных рамок для изучения поколений в социальных науках является комбинация возраста, периода времени и когорты [18]. Когортный анализ имеет практическую значимость при прогнозировании автомобилизации, так как позволяет понять, каким образом различные поколения принимают решение о покупке автомобиля, изучить исторические данные о владении автомобилями в домохозяйствах. При прогнозировании когортный анализ позволяет учитывать и демографические изменения, такие как старение населения или миграционные процессы.

Динамику опубликованных научных работ по теме владения автомобилем, в том числе с использованием когортного анализа, демонстрирует рисунок 1. В среднем в период 2001–2024 гг. доля публикаций (статей, глав в монографиях, докладах) по автомобилизации методом составления поколенческих когорт составляла 8%, в 2018 г. – 11%.

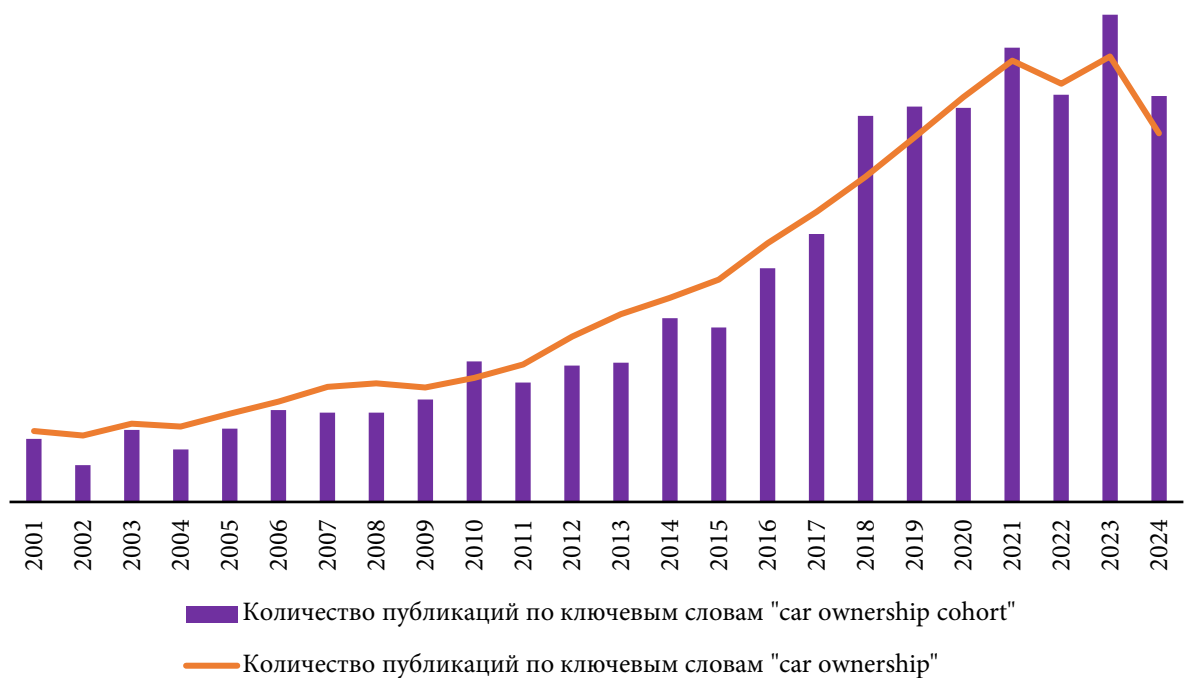

Рис. 1. Количество публикаций, посвященных теме владения автомобилем, в том числе с использованием когортного анализа, составлено по данным базы Scopus

Figure 1. Dynamics of publications devoted to car ownership, including cohort analysis, compiled according to Scopus database

Примечательно, что 43% исследований за анализируемый период на эту тему были опубликованы по социальным наукам, 13% – по экономическим (см. рис. 2). Разработанный в середине XX в. когортный анализ способен наглядно показать, как меняется с течением времени поведение разных групп людей.

Рис. 2. Количество и доля публикаций, посвященных теме владения автомобилем и анализу когорт, в разбивке по направлениям исследований, составлено по данным базы Scopus

Figure 2. The number of publications devoted to the topic of car ownership and cohort analysis by research areas, compiled according to the Scopus database

Согласно проведенному в 2014 г. исследованию транспортного поведения населения РФ, на автомобильные поездки приходится 34% от общего числа всех перемещений, включая пешеходные [4]. При этом в анкету был включен следующий вопрос: «Для одних автомобиль – предмет первой необходимости, другие в принципе могут без него обойтись. К каким людям, к первым или вторым, Вы скорее относитесь?». Итоговое распределение приобрело следующий характер: 64% респондентов отнесли себя к первой группе и лишь 34% – ко второй, однако нет оснований полагать, что полученное распределение валидно для всех возрастных групп респондентов.

Для сравнения по данным обследования перемещений домохозяйств, проведенного Федеральной ассоциацией автомагистралей, в США в 2022 г. с учетом пеших перемещений примерно девять из десяти поездок были совершены на автомобиле, внедорожнике, пикапе или фургоне¹. По результатам другого опроса, учитывающего такси и каршеринг, на поездки на личном автомобиле в 2022 г. приходилось около 73% от всех перемещений². В странах Европейского союза доля поездок на личном автомобиле немного ниже – в среднем около 64%, 10% ежедневных поездок совершаются на общественном транспорте, в то время как на пешие перемещения и поездки на велосипеде приходится 18 и 6% соответственно³.

¹ Statista. U.S. Residents Rely on Individual Motorization for Trips. URL: <https://www.statista.com/chart/33106/estimated-share-of-selected-transportation-modes-in-all-us-person-trips/> (дата обращения: 17.03.2025).

² Statista. Cars Still Dominate the American Commute. URL: <https://www.statista.com/chart/18208/means-of-transportation-used-by-us-commuters/> (дата обращения: 17.03.2025).

³ Study on New Mobility Patterns in European Cities. URL: <https://transport.ec.europa.eu/system/files/2022-12/2022%20New%20Mobility%20Patterns%20in%20European%20Cities%20Task%20A%20Executive%20summary.pdf> (дата обращения: 17.03.2025).

В этой связи исследовательский вопрос можно сформулировать так: как меняется обеспеченность личными автомобилями в домашних хозяйствах Российской Федерации с течением времени и в зависимости от поколения, к которому принадлежит домохозяйство?

Таким образом, цель настоящего исследования заключается в выявлении различий в обеспеченности личными автомобилями по возрастным группам и между поколениями в российском обществе.

О когортном подходе для анализа обеспеченности личными автомобилями

Как было отмечено ранее, когортный подход¹ широко применяется при анализе автомобилизации в зарубежных научных исследованиях.

Когорты для анализа автомобилизации формируются посредством группировки домохозяйств на основании года рождения главы домохозяйства (или референтного лица). Эти когорты отслеживаются с течением времени в ходе последовательных непрерывных ежегодных обследований с использованием 5–10-летних диапазонов.

Когортный анализ сосредоточен на исследовании владения автомобилем на уровне домохозяйств, но учитывает характеристики того индивида, который был выбран для участия в обследовании, демографические характеристики других членов домохозяйства редко принимаются во внимание [13].

Опираясь на сходство профилей жизненного цикла индивидов, относящихся к различным когортам, нами используется схема анализа, основанная на аддитивном эффекте² влияния возраста индивида и его поколения.

Когортный подход позволяет сравнивать уровень автомобилизации разных поколений, проходящих через аналогичные стадии жизненного цикла. Для наглядности подхода используются графики [13, с. 812], на которых по горизонтальной оси показан возраст главы домохозяйства, а по вертикальной оси – среднее количество автомобилей, принадлежащих или используемых одним домохозяйством. Линии на графике представляют изменение среднего количества автомобилей в разных когортах с увеличением возраста главы домохозяйства.

Когортный подход имеет ряд преимуществ. Он учитывает динамическую неоднородность поведения индивидов и эндогенизирует процесс автомобилизации. Наконец, его использование для долгосрочных прогнозов основывается на вполне надежных переменных (демографические прогнозы достаточно стабильны).

¹ Когорта – связанная группа лиц, имеющих общие характеристики или сходный опыт в течение определенного промежутка времени.

² Аддитивный эффект – это комбинированный эффект двух факторов, равный сумме эффектов от действующих независимо друг от друга факторов.

Средние показатели когорты по владению автомобилем, доходу и другим данным за каждый год могут рассматриваться как набор данных для наблюдения в панели. Как показано в работах [11; 12], эта «псевдопанельная» методология, построенная преимущественно на основе ежегодных исследований расходов домохозяйств, обеспечивает полезную основу для изучения поведения домашних хозяйств относительно владения автомобилем, особенно в отсутствие достоверных панельных данных. Самое главное, что, используя наблюдение за конкретными группами населения в течение некоторого времени, можно выявить динамику обеспеченности населения личным автотранспортом.

Лонгитюдное исследование позволяет выявить влияние на поведение опрашиваемых лиц трех взаимосвязанных временных показателей. Это:

а) *возраст*, который указывает на важность этапа жизненного цикла через влияние биологических изменений на потребности и склонности. Различные потребности и ограничения характеризуют каждый этап жизненного цикла. Однако следует иметь в виду, что возраст является несовершенным показателем стадии жизненного цикла. Отдельные люди (или семьи) могут достигать одной и той же стадии в разном возрасте, не все индивиды проходят те или иные фазы развития, например, замужество и рождение детей [16];

б) *поколение (или когорта)*, которое определяет поведение индивидов, родившихся в один и тот же период, следовательно, имеющих схожий жизненный опыт, и, таким образом, позволяет учитывать дифференцированный доступ к автомобилю и его использованию (социальное распространение автомобиля с повышением уровня жизни, наличие водительских лицензий и т. д.);

в) *период исторического развития*, который отражает влияние глобального социально-экономического контекста (уровни доходов и цен), предложения и новых потребительских привычек, таких как увлечение дизельными или электрическими автомобилями, или определенными типами транспортных средств (например, внедорожниками или компактными городскими автомобилями).

Оценка влияния стадии жизненного цикла показывает изменение обеспеченности личным автотранспортом с возрастом главы домохозяйства. Введение эффектов поколений позволяет рассматривать данный аспект в исторической перспективе, принимая во внимание эффекты автомобилизации общества, связанные с изменениями образа жизни, институциональных ограничений, потребностей населения или характеристик предложения. Наконец, учет временных эффектов позволяет измерить влияние временных или постоянных изменений в глобальной экономической среде на поведение пользователей.

Межстрановой сравнительный анализ уровня автомобилизации в разрезе разных поколений

Анализ множества зарубежных исследований автомобилизации в разрезе поколений позволил выявить две глобальные закономерности.

Во-первых, существует *эффект «жизненного цикла»*. Этот эффект отражает следующую закономерность: владение автомобилем начинается на относительно низком уровне и быстро возрастает с увеличением возраста главы домохозяйства [14] до тех пор, пока главе домохозяйства не исполнится примерно 50 лет, а затем уменьшается [13]. Частично это явление объясняется уровнем доходов: в возрасте от 35 до 50 лет доходы домохозяйств и частота владения автомобилем увеличиваются, в то время как примерно после 50 лет и доходы, и владение автомобилем начинают снижаться [13]. Действительно, максимальный уровень владения автомобилем среди домохозяйств приходится на конец профессиональной жизни их главы, что часто соответствует максимальному уровню дохода.

Доход имеет высокую корреляцию с возрастом. Это сводится к предположению, что доходы растут одинаковыми темпами для всех когорт. Таким образом, различия между когортами проявляются только через пересечение эффектов возраста и поколения.

На примере поколения 1936–1940 гг. во Франции, Японии, Великобритании, США, Нидерландах, Польше и Италии графически показано, как меняется количество автомобилей в домохозяйстве на протяжении жизненного цикла [8].

Динамика среднего количества автомобилей на одного взрослого в разбивке по поколениям¹ домохозяйств демонстрирует различия в уровнях автомобилизации в зависимости от возраста главы домохозяйства: количество автомобилей на одного взрослого увеличивается и достигает максимума, когда глава домохозяйства находится в возрасте от 45 до 49 лет во Франции [8], Великобритании и США, около 55 лет в Италии, Нидерландах и Польше, а также около 60 лет в Японии. Этот максимум составляет около 1,7 автомобиля на домохозяйство в США, 1,4 – в Италии, 1,3 – в Великобритании и Японии, 1,2 – во Франции, 1,1 – в Нидерландах и чуть менее 0,4 в Польше.

Затем этот показатель снижается (снижение происходит быстрее после достижения возраста 55–59 лет). В пожилом возрасте количество автомобилей на домохозяйство примерно одинаково во Франции, Японии и Великобритании около 0,8 – в возрасте 70–74 лет и 0,7 – в возрасте 75 лет и старше [8].

Владение несколькими автомобилями (мультимоторизация) также является частью эффекта «жизненного цикла». Это особенно распространено в семьях, где возраст главы домохозяйства составляет 40 лет и более, и частично объясняется тем, что в таком домохозяйстве взрослые дети уже успевают приобрести свой первый автомобиль, все еще продолжая жить со

¹ Наблюдения относятся к 1980, 1985, 1990 и 1995 гг.

своими родителями [12]. В домохозяйстве наблюдается рост числа автовладельцев до тех пор, пока референтное лицо домохозяйства не достигнет возраста примерно 50–55 лет, что соответствует максимуму. Затем наблюдается постепенное снижение числа автовладельцев [9] в домохозяйстве.

Эффект жизненного цикла преимущественно отражает различия в доходах, размере и составе домохозяйства в течение жизненного цикла [17]. Как реальный доход (измеряемый общими еженедельными расходами в постоянных ценах), так и количество взрослых членов домохозяйств (в возрасте управления автомобилем) увеличивается в течение жизненного цикла, пока глава его не достигнет 50-летнего возраста и после этого снижается – та же тенденция, что и в отношении владения автомобилями.

По достижении главой домохозяйства 50–55 лет снижаются также реальные доходы и число взрослых индивидов в домохозяйстве, главным образом, по мере того как ставшие взрослыми «дети» покидают дом. Это не полностью согласуется с тенденциями владения автомобилями: число автовладельцев снижается только 10 лет спустя. Объяснение этого явления заключается в том, что владение автомобилем определяется не размером домохозяйства как таковым, а скорее возрастной структурой домохозяйства [12]. Более низкий уровень владения автомашиной среди пожилых когорт, вероятно, отражает их трудовой статус и жизненный цикл (в основном отсутствие детей-иждивенцев), и, как следствие, меньшую потребность в более высоком уровне мобильности, обеспечиваемом владением несколькими транспортными средствами.

Во-вторых, существует эффект «поколения»: в одном и том же возрасте главы домохозяйства владение автомобилем выше у более молодых, чем у более старших когорт [12]. Старшие поколения имеют значительно более низкий уровень владения автомобилями, и особенно это касается людей, которые выросли до автомобильного бума [9]. Старшие поколения (особенно родившиеся до Великой Отечественной войны) совершают значительно меньше поездок на автомобиле.

Эти различия могут быть объяснены, по крайней мере частично, дифференцированным доступом к автомобилю для разных поколений в одном и том же возрасте главы домохозяйства. Как правило, более молодые поколения имеют более простой доступ к автомобилю в силу демократизации автомобилестроения: автомобиль стал доступен в принципе, а также появились разнообразные программы льготного кредитования для приобретения автомобиля и т. п.

Также эффект «поколения» может быть объяснен ростом доходов за последние десятилетия: в одном и том же возрасте доходы, как правило, выше для более молодого, чем для старшего поколения.

Эта разница между поколениями, однако, сокращается для самых последних поколений [12]. Прослеживается тенденция к сокращению использования автомобилей молодыми поколениями.

Максимальный уровень использования автомобиля достигается поколениями 1946–1955 гг. и 1956–1965 гг. рождения, в то время как более молодые поколения (1966–1975 гг., 1976–1985 гг., 1986–1992 гг., осо-

бенно поколение 2000-х гг.), владеют меньшим количеством транспортных средств в расчете на домохозяйство (при прочих равных условиях), а также значительно реже его используют. Однако эти различия не являются статистически значимыми из-за отсутствия достаточного количества наблюдений за молодыми поколениями [9].

Важно уточнить, что на данный момент исследователям доступно относительно мало наблюдений, на основании которых можно вынести такое суждение. Это особенно верно в отношении представителей поколения 2000-х гг., многие представители коего только недавно начали достигать совершеннолетия. В этой связи разница с предыдущей когортой (1974–1983 гг.) не выглядит статистически значимой. Нерегулярность углубленных обследований затрудняет лонгитюдные внутрикогортные сравнения.

Разрыв между наиболее автомобилизированным поколением и поколениями, родившимися в начале века, больше, чем разрыв между наиболее молодыми когортами (разница менее заметна в США, где массовое владение автомобилями началось на 20 лет раньше, чем в Западной Европе). Низкий уровень автомобилизации молодого поколения по сравнению со старшими когортами, например, во Франции, Италии, Великобритании и США, может быть объяснен, в частности, тенденцией к увеличению числа студентов за счет увеличения продолжительности обучения в учебных заведениях.

В последние годы также наблюдается и повышение уровня безработицы. Молодые люди испытывают значительные трудности с трудоустройством после завершения обучения. Молодые работники продолжительное время могут оставаться безработными или заняты неполный рабочий день, или полностью выбывают из состава рабочей силы. В связи с этим многие молодые люди откладывают вступление в брак и рождение детей, что влияет на формирование семьи и переход к этапам жизненного цикла, которые, как правило, связаны с приобретением автомобиля и совершением большего количества поездок.

Еще одним источником понижения уровня автомобилизации молодого поколения является внедрение современных технологий для совершения поездок, исключающих приобретение личного автомобиля. Среди них: услуги совместного использования для осуществления поездок, распространение сервисов по аренде автомобиля, услуги каршеринга, развитие муниципального транспорта и т. п.

Как упоминалось ранее, поколение 2000-х гг. все еще довольно молодо, и пока мало доказательств, на основании которых можно сделать твердые выводы об их предпочтениях, касающихся выбора поездок.

На уровень владения автомобилями также влияет плотность населения. Низкий уровень владения автомобилями в некоторых странах, например, в Нидерландах и Японии, по сравнению с другими промышленно развитыми странами, отчасти может быть объяснен высокой плотностью населения.

В указанных странах плотность населения весьма высока: число жителей на 1 км² в 1995 г. достигало 456 в Нидерландах и 333 в Японии, по сравнению с 243 в Великобритании, 195 в Италии, 127 в Польше, 106 во Франции и только 29 в США и 9 – в РФ¹.

Нидерланды и Япония, где плотность населения самая высокая, почти на протяжении всего жизненного цикла демонстрируют более низкие показатели автомобилизации, чем другие промышленно развитые страны. В Японии максимальный уровень владения автомобилем наблюдается на более поздних этапах жизненного цикла по сравнению с остальными странами. Это может быть объяснено поздней автомобилизацией, которая постепенно растет по мере увеличения размера семьи.

Высокая плотность населения в густонаселенных городских районах, как правило, обуславливает наличие альтернатив автомобилю, в частности общественного транспорта. К снижению числа владельцев автомобилей и уровня их использования может привести проблема заторов в густонаселенных районах. Этот эффект проявляется тем ярче, чем выше плотность населения городского района и чем менее он удален от городского центра [7]. В густонаселенных городских центрах уровень владения автомобилями и их использования ниже, чем в пригородных зонах и сельской местности для всех когорт. В среднем в домохозяйствах, проживающих в пригородах, автомобилей примерно на 0,3 больше, чем в сопоставимых городских домохозяйствах [14].

Еще одно исследование подтверждает это следующей зависимостью: удвоение плотности населения приводит к снижению уровня владения автомобилем примерно на 10% по сравнению со средним уровнем владения транспортными средствами [15].

С каждым процентом показателя доли жителей сельской местности уровень владения автомобилями увеличивается примерно на 0,01 автомобиля на домохозяйство [12].

Таким образом, чем дальше домохозяйство находится от центра города, тем чаще оно пользуется автомобилем. В густонаселенной местности легче добраться до пунктов назначения общественным, либо немоторизованным транспортом (велосипед, самокат).

При этом эластичность по отношению к тарифам на общественный транспорт относительно невелика и существенно не отличается от нуля. Это объясняется тем, что на владение и пользование автомобилем скорее влияет предложение общественного транспорта и его доступность, а не стоимость проезда.

Таким образом, различия в уровне автомобилизации внутри когорт между странами или регионами внутри одной страны могут быть объяснены тремя базовыми факторами:

1. *Исторический аспект автомобилизации:* в США, где массовая автомобилизация началась до Второй мировой войны, уровень автомобилизации близок к насыщению, в отличие от Западной Европы или

¹ World development indicators 1998 (Eng.). World Development Indicators Washington, D.C.: World Bank Group. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/745241468135933997/World-development-indicators-1998> (дата обращения: 15.07.2024).

Японии, тем более Польши, где уровень автомобилизации продолжает расти. Действительно, различия между поколениями меньше, а чувствительность к экономическим факторам ниже в США. Такая близость к насыщению приводит к более низкому прогнозируемому росту автомобильного парка в США по сравнению с остальными странами (Япония, Польша, Италия и др.). Дальнейший рост автомобилизации в США обуславливается именно увеличением числа домохозяйств.

2. *Уровень экономического развития:* показатели автомобилизации отражают уровень экономического благосостояния в стране, наличие накопленного дефицита после экономических кризисов и зависит от динамики доходов.

3. *Различия в доходах между поколениями* [12]. Однако взаимосвязь между доходом домохозяйства и владением автомобилем не является симметричной. Эластичность по отношению к растущему доходу значительно больше, чем эластичность по отношению к доходу падающему. Растущий доход облегчает домохозяйствам приобретение автомобилей. Они привыкают к использованию автомобилей, и эту тенденцию не так легко обратить вспять по мере снижения доходов. Приобретение автомобиля рассматривается как роскошь, но однажды приобретенный автомобиль становится необходимостью, так что избавиться от него гораздо сложнее.

Доход на территориях с высокой плотностью населения, по-видимому, не является определяющим фактором владения автомобилем, поскольку решение о покупке автомобиля определяется другими факторами.

Анализ статистики владения автомобилем разными поколениями российских домохозяйств

В настоящий момент в отечественной литературе на основе лонгитюдных исследований нет посвященных межпоколенческим различиям в обеспеченности домашних хозяйствах личными автомобилями. Для оценки обеспеченности домашних хозяйств личными автомобилями по данным Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (далее – РМЭЗ)¹ с 1994 по 2022 гг. были рассчитаны взвешенные доли домашних хозяйств, в распоряжении которых имеется автомобиль, для разных возрастных групп и поколений. При оценивании долей домохозяйств, владеющих личными автомобилями, в разных возрастных группах и когортах, учитывались постстратификационные веса домохозяйств базы РМЭЗ.

¹ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии ФНИСЦ РАН. Сайты обследования RLMS HSE: <http://www.hse.ru/rlms> и <https://rlms-hse.cpc.unc.edu> (дата обращения: 01.05.2024).

Общепринятым в научной литературе является подход к объединению домашних хозяйств в когорты на основе неизменных во времени характеристик, как правило, года рождения главы домашнего хозяйства. За неимением данных о главе домашних хозяйств в РМЭЗ, в нашем исследовании критерием объединения домашних хозяйств в когорты являлся возраст члена домашнего хозяйства, отвечавшего на вопросы семейного опросника. В случае отсутствия конкретного вопроса о том, кто является главой домохозяйства, выбор в качестве главы домохозяйства того, кто отвечал на семейную анкету, т. е. референтного лица, является распространенным подходом в зарубежных исследованиях по данной теме [8; 9], так как это самый осведомленный о делах семьи, ее доходах и расходах член домохозяйства.

Репрезентативная выборка включала в себя 119 570 домашних хозяйств, которые были разделены на 7 равных когорт (поколений) с десятилетним шагом, как это принято в демографии [2] и зарубежных исследованиях (см. рис. 3).

Рис. 3. Описание когорт по возрасту главы домохозяйства на 2024 год

Figure 3. Description of cohorts by age of household head for 2024

Как видно на рисунке 4, доля домохозяйств, владеющих автомобилем, различается не только по возрастным группам, но и между поколениями (когортами). Можно наблюдать сразу два эффекта.

Первый эффект, получивший название в литературе «жизненный цикл», показывает, что до определенного возраста (примерно 50 лет) с увеличением возраста обеспеченность автомобилями растет, а далее снижается. Наиболее очевиден этот эффект для поколений 1955–1965 гг. рождения (серая линия на графике) и 1965–1975 гг. рождения (желтая линия на графике), так как за годы проведения опроса (с 1994 по 2022 гг.) были собраны данные по представителям всех возрастов этих поколений. В каждом последующем поколении максимум обеспеченности домохозяйств автомобилями достигается все раньше. Если для поколения шестидесятилетних (на 2024 г.) доля домохозяйств, владеющих автомобилем, начала сокращаться с возраста 55 лет, то для следующего поколения «пик» пришелся на возраст 49 лет.

Второй эффект, так называемый «поколенческий»: для более поздних поколений обеспеченность личным автотранспортом в каждой возрастной группе выше. При этом разрыв между более поздними поколениями сокращается.

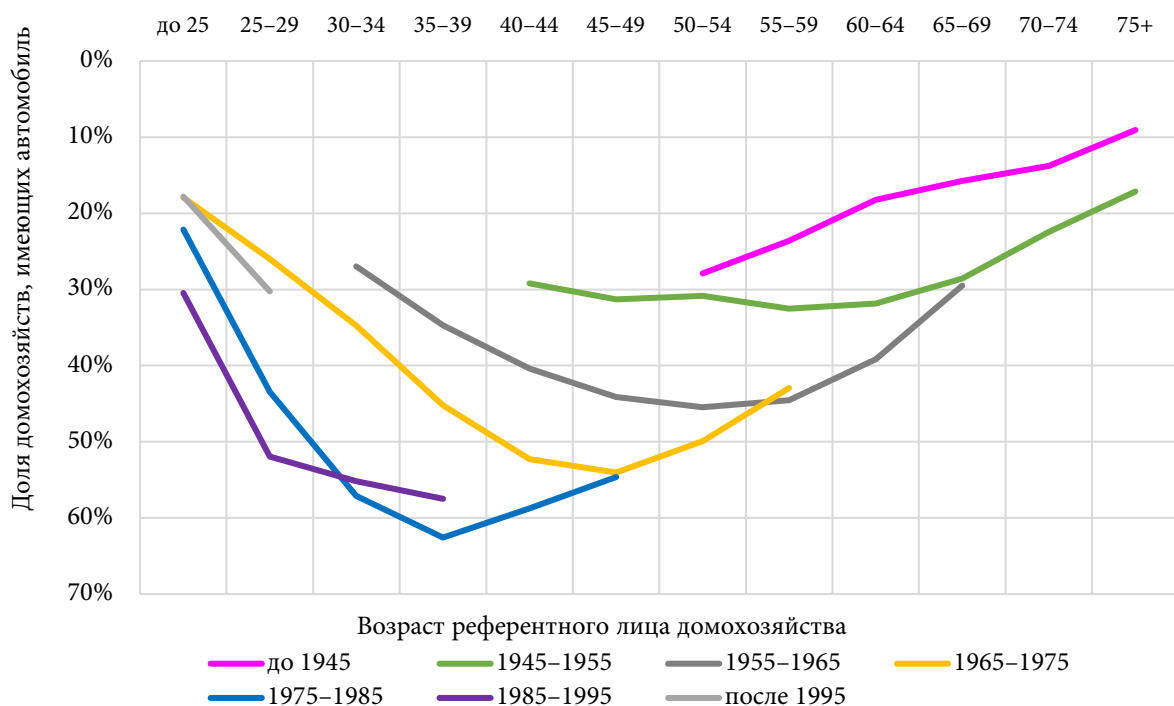

Рис. 4. Обеспеченность российских домохозяйств личными автомобилями по десятилетним когортам по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ
Figure 4. Car ownership by ten-year cohorts (RLMS-HSE)

Доля домохозяйств, владеющих автомобилем, в самом молодом поколении (светло-серая линия на графике) ниже, чем в предыдущем поколении в возрасте до 25 лет. В возрасте 25–29 лет среди рожденных после 1995 года она составляет 30% против 52% в предыдущем поколении (см. табл. 1).

Допуская предположение о том, что в каждый период исторического развития текущие важные события наибольшее влияние оказывают на поколение, переживающее свои формативные годы [5], снижение доли домохозяйств, владеющих личным автомобилем, в молодом поколении может быть объяснено следующими тенденциями:

Во-первых, среди современной молодежи распространяются практики совместного использования автомобилей (каршеринга). По данным компании Яндекс Драйв, преимущественно пользователи каршеринга – это люди в возрасте от 25 до 34 лет, а средний водительский стаж пользователей составляет 12 лет¹.

Во-вторых, за эти годы значительно улучшились качество и доступность общественного транспорта в городах. Согласно отчету ВЭБ.РФ по результатам анализа качества жизни в городах России в 2023 году², около половины респондентов удовлетворены качеством систем общественного

¹ Каршеринг в Москве [Электронный ресурс] // Исследования Яндекса: [сайт]. URL: <https://yandex.ru/company/researches/2021/drive> (дата обращения: 30.07.2024).

² ВЭБ.РФ. Индекс качества жизни. Качество жизни в городах России. Результаты исследования 2023. URL: <https://citylifeindex.ru/research2023> (дата обращения: 30.07.2024).

транспорта в городах проживания. Реализация различных программ обновления подвижного состава, расширения сети маршрутов стимулирует рост популярности общественного транспорта.

В-третьих, существует несколько других социально-экономических факторов, которые могут совпадать со снижением уровня автомобилизации молодежи. Наиболее очевидными являются кризисные явления в экономике, в т.ч. вызванные неэкономическими факторами (пандемия COVID-19, антироссийские рестрикции), которые существенно повлияли как на уровень доходов молодого поколения, так и на доступность автомобиля в принципе.

Тенденции к отказу от личного автотранспорта среди молодых людей наблюдаются не только в России, но и в других экономически развитых странах. Согласно исследованию, проведенному компанией Uber, более 10% миллениалов, пользующихся сервисом в России и США, не собираются получать водительское удостоверение и соответственно иметь свой автомобиль [1]. Пользователям не важно, обладают ли они транспортным средством, для них необходимо комфортно добраться из одного пункта в другой. Активное развитие платформенной экономики способствует этой тенденции. С учетом того, что содержание личного автомобиля обходится довольно дорого, на первое место вышли экономия ресурсов, удобство и быстрота получения сервиса. Обратная ситуация наблюдалась в Германии, где большинство пользователей каршеринга не видит смысл в покупке автомобиля, а владельцы собственного транспорта не готовы отказываться от него в силу недостаточной доступности каршеринга и отсутствия развитой системы транспорта общественного [10].

Как показано в таблице 1 наиболее значительный разрыв в обеспеченности автомобилями в возрасте 30–35 лет имел место между нынешними пятидесятилетними и сорокалетними, что объясняется дефицитом автомобилей в СССР и последующей ускоренной автомобилизацией в 1990-е гг.

Таблица 1 (Table 1)

Сравнительный анализ обеспеченности домохозяйств автомобилем
(доля домохозяйств, имеющих автомобиль) по поколениям, %
*Comparative analysis of car ownership
(proportion of households owning a car) by generation, %*

Поколения/ Возраст	После 1995	1985–1994	1975–1984	1965–1974	1955–1964	1945–1954	До 1945
25–29	30	52	43	26			
30–34		55	57	35	27		
35–39		57	63	45	35		
40–44			59	52	40	29	
45–49			55	54	44	31	
50–54				50	45	31	28
55–59				43	45	32	24

На рисунке 5 можно увидеть изменение доли домохозяйств, имеющих автомобиль, в динамике в период с 1994 по 2022 гг. Как показывает график, динамика увеличения домохозяйств, владеющих автомобилем, в поколении людей 1985–1995 гг. рождения во многом повторяет динамику показателя в предыдущем поколении (фиолетовая и синяя линии).

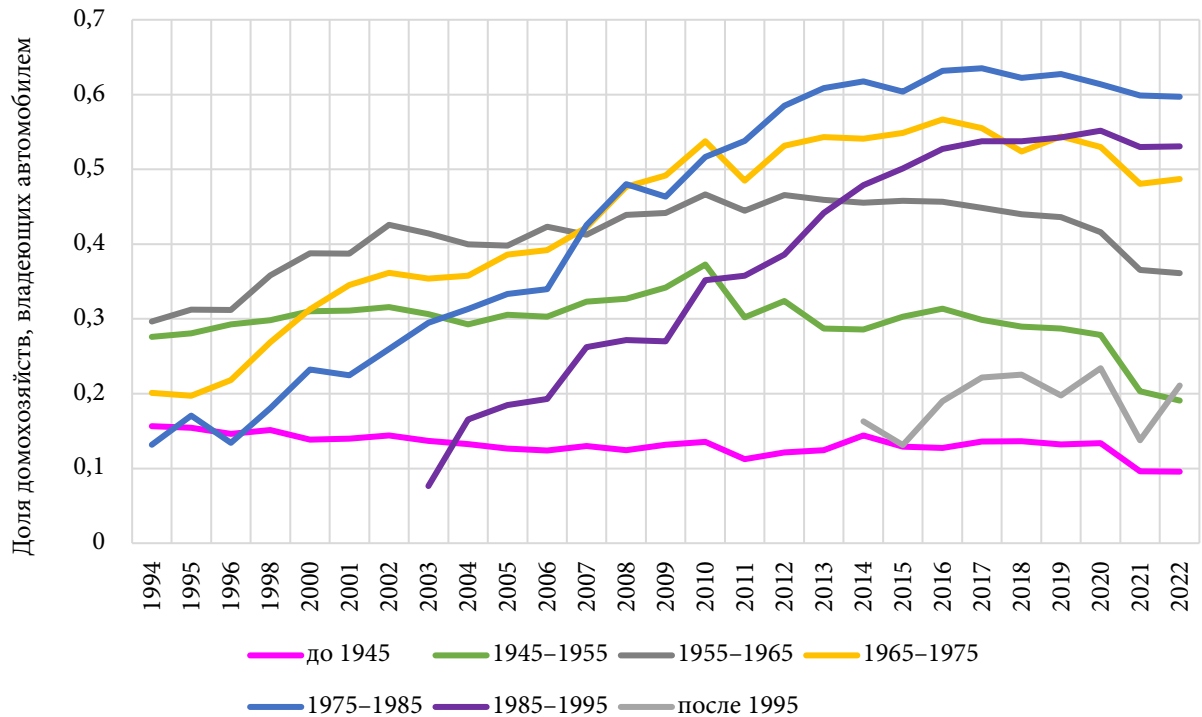

Рис. 5. Динамика доли домохозяйств, владеющих автомобилями, в разрезе поколений по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ

Figure 5. Dynamics of car ownership by generation (RLMS-HSE)

Обеспеченность личными автомобилями среди представителей поколения 1975–1985 гг. рождения росла быстрее, чем у предыдущего поколения 1965–1975 гг. рождения (синяя линия более крутая, чем желтая как на графике по годам, так и на графике по возрастным группам). Одной из причин этих различий может быть тот факт, что наличие или отсутствие автомобиля в родительской семье может оказывать влияние на принятие решения о покупке автомобиля. Таким образом, низкая доля домохозяйств, имеющих автомобиль в СССР у поколений до 1965 года рождения, могла способствовать снижению доли домохозяйств, владеющих автомобилем, в последующем поколении.

Данные РМЭЗ позволяют проанализировать также различия между обеспеченностью домохозяйств автомобилями в сельской и в городской местности в России. Для проведения такого анализа размер когорт был увеличен до 20 лет, чтобы получить достаточное количество домохозяйств в каждой из рассматриваемых групп.

На рисунке 6 представлена динамика доли домохозяйств, владеющих автомобилем, сообразно типам поселений. В 1990-е гг. в сельской местности доля домохозяйств, имеющих автомобиль, была ниже, чем в горо-

дах, что, вероятно, связано с более низким уровнем доходов на селе. Как было показано в предыдущем разделе статьи, такая ситуация является крайне нетипичной. В большинстве развитых стран уровень автомобилизации в городской местности ниже, что объясняется более высокой доступностью объектов социальной инфраструктуры, включая общественный транспорт. В период 2000–2009 гг. доли домохозяйств, владеющих автомобилями в сельской и городской местности, совпадали.

Такая тенденция кажется вполне логичной и закономерной, поскольку в сельской местности, где общественный транспорт менее развит, а расстояния до значимых объектов больше, потенциальная польза от владения собственным транспортным средством выше [3].

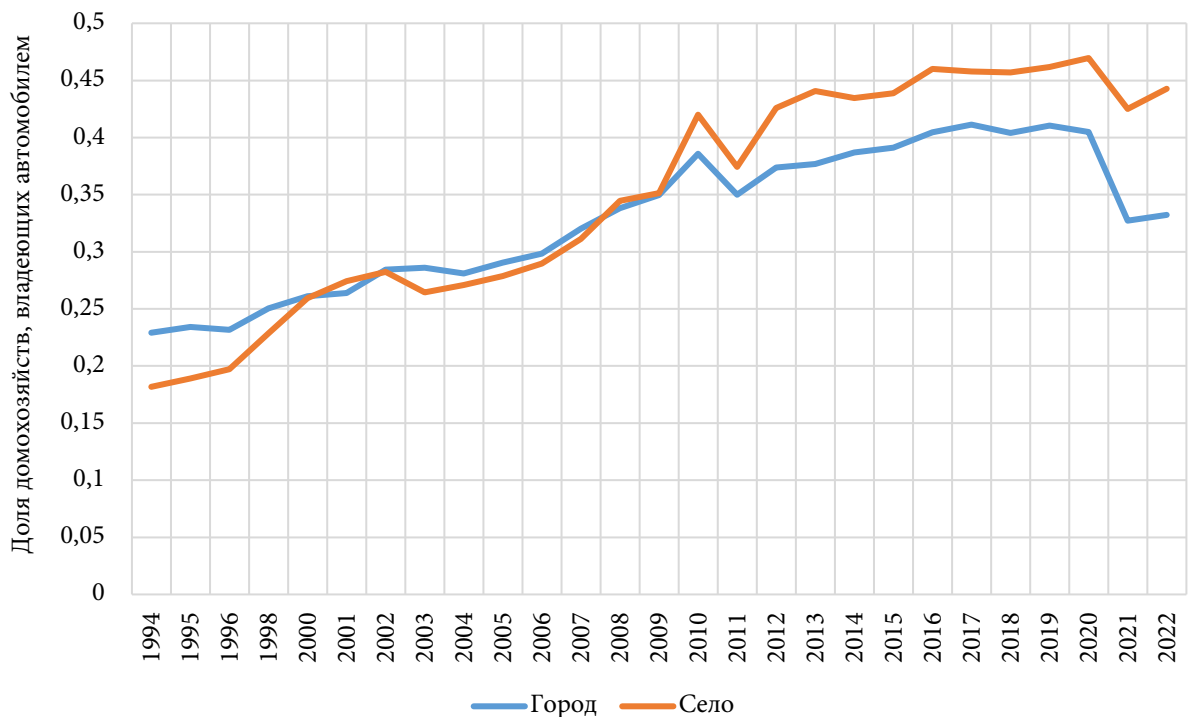

Рис. 6. Обеспеченность автомобилями в городской и сельской местностях по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ

Figure 6. Car ownership by cities and villages (RLMS-HSE)

Начиная с 2009 г., доля домохозяйств в сельской местности, владеющих автомобилями, устойчиво выше, чем в городах, что может быть связано как с развитием сельского хозяйства в последнее десятилетие и повышением доступности автомобиля для жителей села, так и с улучшением общественного транспорта в городах и соответственным снижением необходимости в личном автомобиле для горожан. В работах других исследователей также отмечается, что динамика автомобилизации домохозяйств в ПГТ носит очень неравномерный, скачкообразный характер, тогда как в городах мы наблюдаем уверенный плавный рост [3].

На рисунке 7 сравнивается уровень обеспеченности автомобилями в городских и сельских местностях в разрезе разных поколений на протяжении жизненного цикла. Для людей до 1955 г. р. на большей части их жизненного цикла обеспеченность автомобилями выше среди городских

жителей (зеленые линии). Среди рожденных в 1956–1970 гг. доля домохозяйств, имеющих автомобиль, заметно выше в сельской местности в средних и старших возрастных группах, после 40 лет (оранжевые линии). Среди поколений 1975–1995 гг. рождения доля домохозяйств, владеющих автомобилем, выше среди сельских жителей, начиная уже с молодых лет (синие линии).

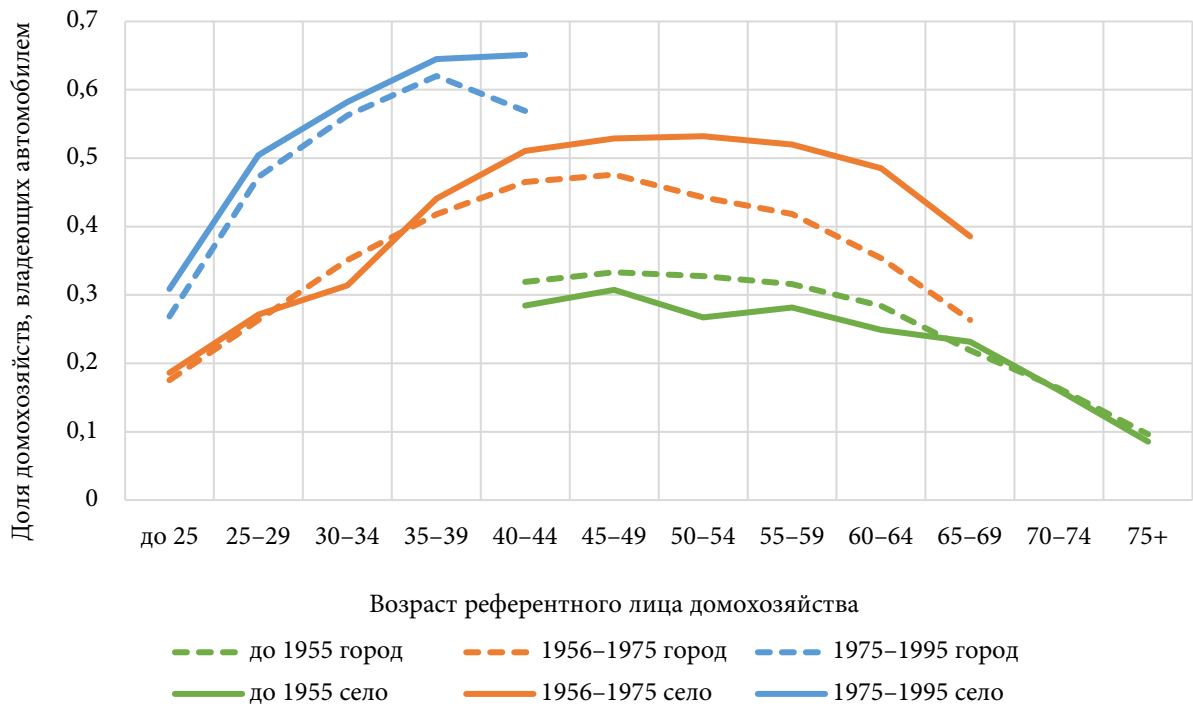

Рис. 7. Обеспеченность автомобилями в городских и сельских местностях в разрезе разных поколений по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ

Figure 7. Level of car ownership in urban and rural areas by different generations

Если в 1990-х гг. доля домохозяйств, владеющих автомобилем, в городах был выше, чем в сельской местности, то к концу второго десятилетия XXI века ситуация в России кардинально поменялась, и личный автотранспорт, как и в развитых странах, стал более распространен среди селян. Эти изменения нашли свое отражение и в динамике доли владеющих автомобилем домохозяйств разных поколений в городской и сельской местности.

К сожалению, в опроснике РМЭЗ отсутствует вопрос о количестве автомобилей, которым владеет домохозяйство, поэтому рассчитать среднее количество автомобилей на одно домохозяйство для каждой когорты и возраста главы, как это сделано в зарубежных исследованиях, не представляется возможным. В связи с этим в дальнейшем анализ проводился по оценкам доли домохозяйств, имеющих автомобиль, по возрастной группе главы домохозяйства.

Для устранения этого пробела и анализа среднего количества автомобилей на домохозяйства в разных когортах были использованы данные Всероссийского обследования домохозяйств по потребительским финан-

сам¹ (далее – Обследование финансов домохозяйств, или ОФД). К сожалению, данный проект стартовал только в 2013 г. и к настоящему моменту было проведено всего 5 волн опросов в 2013, 2015, 2018, 2020 и 2022 гг. Поэтому данные этого обследования в отличии от РМЭЗ не позволяют проследить динамику владения автомобилем в когортах старшего поколения на протяжении всего жизненного цикла. Так, например, в РМЭЗ мы видим изменения доли домохозяйств, владеющих автомобилем, для когорты 1955–1965 г. р. в возрасте от 30 до 67 лет, а в ОФД только с 45 до 65 лет. Сравнение доступных для анализа данных по двум базам представлено в таблице 2.

Таблица 2 (Table 2)

Сравнение длины жизненного цикла домохозяйств разных когорт
в двух обследованиях

Comparison of household lifecycle lengths across different cohorts in two surveys

Когорты	РМЭЗ НИУ ВШЭ (возраст референтного лица)	ОФД (возраст референтного лица)
До 1945 г.	от 50 до 80 лет	от 65 до 75 лет
1945–1955	от 40 до 80 лет	от 55 до 75 лет
1955–1965	от 30 до 65 лет	от 45 до 65 лет
1965–1975	от 18 до 59 лет	от 35 до 59 лет
1975–1985	от 18 до 49 лет	от 30 до 49 лет
1985–1995	от 18 до 39 лет	от 18 до 39 лет
После 1995 г.	от 18 до 29 лет	от 18 до 29 лет

Кроме того, количество наблюдений по домохозяйствам из молодых когорт значительно ниже в ОФД, чем в РМЭЗ, так как опросы РМЭЗ проводятся ежегодно, а ОФД – один раз в два года.

Как показал анализ данных ОФД, доля домохозяйств, имеющих 2 и более автомобилей, незначительна и не превышает 5%. Соответственно расхождения в оценках уровня владения автомобилем в старших когортах по двум базам минимальны, не более 1–2 п.п. Наибольшая разница полученных результатов имеет место в когорте 1975–1985 г. р. в возрасте 35–39 лет (на уровне 6 п.п.), возможно из-за недостаточного количества наблюдений по этой группе домохозяйств в базе ОФД. В целом рисунок 8 и выводы, сделанные на основе расчетов по ОФД, в большей части совпадают с рисунком 4 и приведенными выше выводами по РМЭЗ. В частности, на рисунке 8 также видно, что пик автомобилизации приходится на возраст около 50 лет, а уровень ее увеличивается от более старших поколений к более молодым за исключением наиболее молодого поколения (рожденных после 1995 г.), у которого уровень автомобилизации в возрасте до 25 лет ниже, чем у предыдущего поколения в той же возрастной группе.

¹ URL: https://cbr.ru/ec_research/vserossiyskoe-obsledovanie-domokhozyaystv-potrebitel-skim-finansam/ (дата обращения: 01.11.2024).

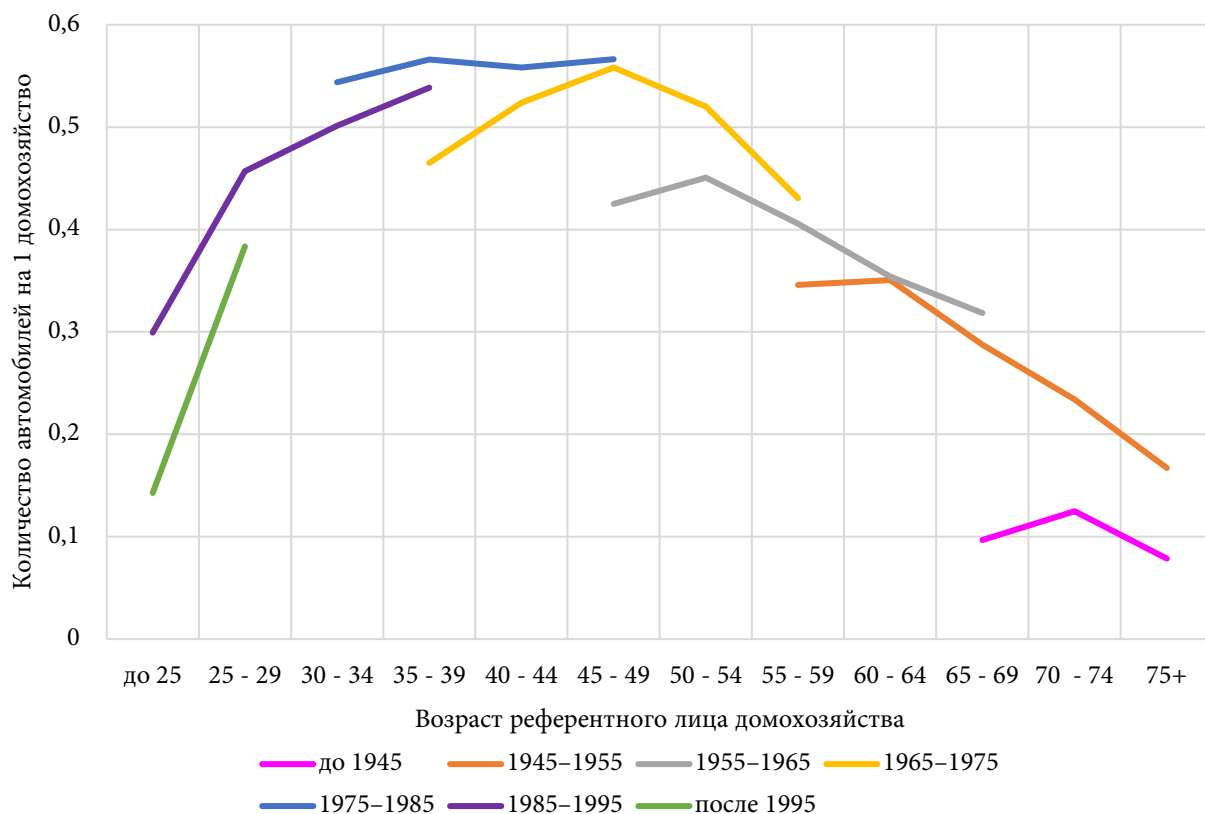

Рис. 8. Обеспеченность личными автомобилями по десятилетним когортам по данным ОФД

Figure 8. Car ownership by ten-year cohorts (Household Finance Survey, or HFS)

Вместе с тем, оценки по данным ОФД позволяют более корректно сравнивать данные по России с данными зарубежных исследований. Например, максимальный уровень автомобилизации стремится к 0,6 для когорты 1965–1975 гг. в возрасте 45–50 лет. Данный результат сопоставим с оценками среднего количества автомобилей на одно домохозяйство в Польше для когорт 1961–1970 гг. в возрасте от 27 до 36 лет по данным обследований, которые проводились в 1987, 1992 и 1997 гг. [8].

Заключение

Проведенный анализ, с учетом данных по зарубежным странам, показал различия в уровне автомобилизации внутри когорт между странами или регионами внутри одной страны. Мы полагаем, что они могут быть объяснены историческими аспектами, темпами экономического роста, а также различиями в доходах между поколениями.

В данной статье на основе анализа данных лонгитюдной базы Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ) НИУ ВШЭ и Всероссийского обследования домохозяйств по потребительским финансам (ОФД), организованного Минфином России в 2013–2020 гг. и Банком России в 2022 г., были рассмотрены межпоколенческие различия в обеспеченности личным автотранспортом.

Анализ по семи возрастным когортам (поколениям) показал дифференциацию в уровне распространения личных автомобилей у российских домохозяйств и по возрастным группам, и между поколениями.

Эффект «жизненного цикла», отражающий рост доли домохозяйств, владеющих личным автомобилем, до достижения 50-летнего возраста главы (или референтного лица) и дальнейший ее спад, наиболее характерен для поколений 1955–1965 гг. и 1965–1975 гг. рождения. Установлено, что в каждом последующем поколении пик обеспеченности автомобилями достигается все раньше. Поколенческий эффект также находит свое отражение в статистике российских домохозяйств – для более молодых поколений уровень обеспеченности автотранспортом в каждой возрастной группе выше, при этом разрыв между более поздними поколениями домохозяйств сокращается.

Выявлена тенденция к отказу от личного автомобиля среди молодых людей. При этом есть ряд факторов, которые вносят вклад в снижение заинтересованности в приобретении автомобиля у молодых поколений: во-первых, распространена практика совместного использования автомобилей (каршеринга), во-вторых, за последние 20 лет значительно улучшились качество и доступность муниципального транспорта в городах, особенно крупных.

Анализ российских данных показал, что в 1990-е гг. в сельской местности доля домохозяйств, имеющих автомобиль, была ниже, чем в городах, что нетипично для других стран. Но уже в первой декаде нулевых данный показатель для сельской и городской местности совпали, а начиная с 2010 г., доля домохозяйств в сельской местности, владеющих автомобилями, была устойчиво выше, чем в городах.

Исследование выявляет, что жизненный цикл домохозяйств и поколенческие различия влияют на возможность приобретения личного автомобиля, что способствует формированию неравенства между различными социальными группами. Так, например, жители сельских территорий, где автомобиль зачастую является необходимостью для доступа к основным услугам и рынкам труда, испытывают инфраструктурные вызовы по сравнению с городскими жителями, обладающими развитой системой общественного транспорта. Эти различия подчеркивают структурное неравенство: поколенческие особенности и региональные условия ведут к тому, что одни группы населения оказываются более уязвимыми в вопросах индивидуальной мобильности.

Научная значимость исследования заключается в расширении традиционных моделей потребительского поведения и адаптации их к современным реалиям, учитывающим демографические сдвиги, изменение общественных ценностей, неравенство между поколениями, городскими и сельскими жителями во владении автомобилем. Проведенный анализ позволит сформировать параметры для прогнозирования изменения спроса на автомобили. Это в свою очередь может способствовать созданию гибких стратегий для автомобильной промышленности и смежных секторов, учитывающих будущие изменения в структуре потребления.

В перспективе авторы считают важным провести анализ факторов приобретения автомобиля домохозяйствами в России в течение всего жизненного цикла домохозяйства с учетом значительных социальных изменений в жизни (брак, рождение ребенка, смена работы, переезд в другой город и др.).

Библиографический список

1. Антонова Н. Г., Ребязина В. А. и др. Выявление поколенческих различий в решении потребителей использовать шеринговые сервисы в России // Вестник Московского ун-та. Сер. 6. Экономика. 2020. № 4. С. 146–180. DOI: 10.38050/01300105202048; EDN: EZASPV.
2. Вишневский А. Г. и др. Демографическая модернизация России, 1900–2000 / Под ред. Вишневского А. Г. М.: Новое изд-во, 2006. 608 с.
3. Евграфова К. О. Транспортная активность населения // Вестник РМЭПЗН НИУ ВШЭ (RLMS HSE). Вып. 4 [Электронный ресурс]: сб. науч. ст. / Отв. ред. П. М. Козырева. М.: НИУ ВШЭ, 2014. С. 116–130. URL: <http://www.hse.ru/rlms/vestnik> (дата обращения: 29.07.2024).
4. Мулеев Е. Ю. Транспортное поведение населения России: краткий отчет об исследовании // ИЭТП НИУ ВШЭ. М., 2015. 20 с.
5. Радаев В. В. Раскол поколения миллениалов: историческое и эмпирическое обоснование. (Первая часть) // Социологический журнал. 2020. № 3. С. 30–63. DOI: 10.19181/socjour.2020.26.3.7395; EDN: PCGGMH.
6. Berri A. Dynamiques de la motorisation et des dépenses de transport des ménages: Analyses sur données individuelles et semi-agrégées: Diss. Paris 1, 2005. URL: <https://theses.fr/2005PA010066> (дата обращения: 31.07.2024).
7. Berri A., Madre J. L., Bussiere Y. Étalement urbain, contexte économique et croissance de la circulation automobile des ménages en France: projections à l'horizon 2020 // Recherche, transports, sécurité. 2005. No. 89. P. 305–326. DOI: 10.3166/rts.89.305–326.
8. Berri A. A cross-country comparison of household, car ownership: A Cohort Analysis // IATSS research. 2009. Vol. 33. No. 2. P. 21–38. DOI: 10.1016/S0386-1112(14)60242-9.
9. Cornut B. Longitudinal analysis of car ownership and car travel demand in the Paris region using a pseudo-panel data approach // Transportation Research Procedia. 2016. Vol. 13. P. 61–71. DOI: 10.1016/j.trpro.2016.05.007.
10. Giesel F., Nobis C. The impact of carsharing on car ownership in German cities // Transportation Research Procedia. 2016. Vol. 19. P. 215–224. DOI: 10.1016/j.trpro.2016.12.082.
11. Dargay J., Vythoulkas P. Estimation of dynamic transport demand models using pseudo-panel data // 8th World Conference on Transport Research, Antwerp, Belgium. 1998. P. 12–17. URL: <http://www.jstor.org/stable/20053816> (дата обращения: 30.07.2024).
12. Dargay J. M., Vythoulkas P. C. Estimation of a dynamic car ownership model: a pseudo-panel approach // Journal of transport economics and policy. 1999. Vol. 33. No. 3. P. 287–301. URL: <https://www.jstor.org/stable/20053816> (дата обращения: 31.07.2024).

13. Dargay J. M. The effect of income on car ownership: evidence of asymmetry // *Transportation Research Part A: Policy and Practice*. 2001. Vol. 35. No. 9. P. 807–821. DOI: 10.1016/S0965-8564(00)00018-5.

14. Dargay J. M. Determinants of car ownership in rural and urban areas: a pseudo-panel analysis // *Transportation Research Part E: Logistics and Transportation Review*. 2002. Vol. 38. No. 5. P. 351–366. DOI: 10.1016/S1366-5545(01)00019-9.

15. Iacono M. et al. Cohort Effects and Their Influence on Car Ownership // *Working Papers 000138*, University of Minnesota: Nexus Research Group. 2015. URL: <https://hdl.handle.net/11299/179833> (дата обращения: 30.07.2024).

16. Lydall H. The life cycle in income, saving, and asset ownership // *Econometrica: Journal of the Econometric Society*. 1955. Vol. 23. No. 2. P. 131–150. DOI: 10.2307/1907873.

17. Papu Carrone A. V., Rich J. Are car ownership preferences changing? An age cohort analysis // Paper presented at hEART 2018: 7th Symposium of the European Association for Research in Transportation, Athens, Greece. 2018. URL: <https://orbit.dtu.dk/en/publications/are-car-ownership-preferences-changing-an-age-cohort-analysis> (дата обращения: 31.07.2024).

18. Thakuriah P., Menchu S., Tang L. Car ownership among young adults: Generational and period-specific perspective // *Transportation Research Record*. 2010. Vol. 2156. No. 1. P. 1–8. DOI: 10.3141/2156-01.

Получено редакцией: 02.08.24

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Кулакова Татьяна Владимировна, доктор экономических наук, директор центра экономики транспорта Института экономики транспорта и транспортной политики Факультета городского и регионального развития

Моисеева Мария Александровна, главный эксперт центра экономики транспорта Института экономики транспорта и транспортной политики Факультета городского и регионального развития

Решетова Екатерина Михайловна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник центра экономики транспорта Института экономики транспорта и транспортной политики Факультета городского и регионального развития

Шулика Юлия Евгеньевна, кандидат политических наук, ведущий аналитик центра экономики транспорта Института экономики транспорта и транспортной политики Факультета городского и регионального развития

DOI: 10.19181/vis.2025.16.1.7

Household Life Cycle and Generational Differences as Factors in Personal Automobile Ownership

Tatiana V. Kulakova

HSE University, Moscow, Russia

tkulakova@hse.ru

ORCID: 0000-0003-0247-6849

Maria A. Moiseeva

HSE University, Moscow, Russia

mamoiseeva@hse.ru

ORCID: 0000-0002-9308-6346

Ekaterina M. Reshetova

HSE University, Moscow, Russia

ekaterina.ddms@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9405-9884

Yulia E. Shulika

HSE University, Moscow, Russia

yshulika@hse.ru

ORCID: 0000-0003-4032-1477

For citation: Kulakova T. V., Moiseeva M. A., Reshetova E. M., Shulika Yu. E. Household life cycle and generational differences as factors in personal automobile ownership. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 1. P. 113–136. DOI: 10.19181/vis.2025.16.1.7; EDN: PWDFFPL.

Abstract. This article examines intergenerational changes in personal automobile ownership, made possible with the accumulation of sufficient longitudinal data sets. Economic conditions, cultural characteristics, and technological changes affect how each generation perceives and uses automobiles. Analyzing these factors helps to better understand the inequality of opportunity between car-owning and non-car-owning households of past and current generations. Currently, there are no longitudinal studies of intergenerational differences in household car ownership in the national literature. The authors set out to fill this knowledge gap. Cross-country comparative analysis of motorization rates by age cohorts (generations) showed that differences in motorization rates within cohorts between countries or regions within the same country can be explained by the historical aspect of motorization, the level of economic development, and income differences between generations. Given the dynamically growing motorization in Russia, the research question arises: how the provision of personal cars in Russian Federation households changes over time and across generations. The study aims to identify differences in the level of personal car ownership by age groups and between generations using Russian society as an example. In the course of the study, the authors analyzed data on personal car ownership among Russian households obtained from the Russian Monitoring of the Economic Situation and Health of the Population (RMES) of the National Research University Higher School of Economics and the All-Russian Survey of Households on Consumer Finances, organized by the Ministry of Finance of Russia in 2013–2020 and the Bank of Russia in 2022. Using a retrospective method that brings generations to a single age level, the authors investigated intergenerational differences in car ownership. The authors show the dynamics of changes in the share of households owning a car in different generations and at different stages of the life cycle, as well as depending on the place of residence. The tendency to abandon personal cars among young people is revealed. It was found that this is influenced by the practice of carsharing, as well as the quality and availability of municipal transportation in cities, especially large cities. At the same time, the level of private car ownership in rural areas has significantly increased after 2010 and currently exceeds that in urban areas.

Keywords: car ownership, households, cohorts, generational change, longitudinal studies, RLMS HSE, survey of consumer finances (HFS)

References

1. Antonova N. G., Rebiyazina V. A. et al. Identifying generational differences in consumers' decision to use shared services in Russia. *Vestnik Moskovskogo un-ta. Ser. 6. Ekonomika*, 2020: (4): 146–180 (in Russ.). DOI: 10.38050/01300105202048; EDN: EZASPV.
2. Vishnevskii A. G. et al. Demograficheskaya modernizatsiya Rossii, 1900–2000 [Demographic modernization of Russia, 1900–2000]. Ed. by Vishnevskii A. G. Moscow, Novoe izd-vo, 2006: 608 (in Russ.).
3. Evgrafova K. O. Transportnaya aktivnost' naseleniya [Transport activity of the population]. *Vestnik RMEPZN NIU VShE (RLMS HSE)*. Moscow, VSHE, 2014: (4): 116–130 (in Russ.). Accessed 29.07.2024. URL: <http://www.hse.ru/rlms/vestnik> (in Russ.).
4. Muleev E. Yu. Transport behavior of the Russian population: a brief report on the study. Moscow, IETTP NIU VSHE, 2015: 20 (in Russ.).

5. Radaev V. V. The Divide among the Millennial Generation: Historical and Empirical Justifications. (Part one). *Sotsiologicheskii zhurnal*, 2020: 3: 30–63 (in Russ.). DOI: 10.19181/socjour.2020.26.3.7395; EDN: PCGGMH.
6. Berri A. Dynamiques de la motorisation et des dépenses de transport des ménages: Analyses sur données individuelles et semi-agrégées: Diss. Paris 1, 2005. Accessed 31.07.2024. URL: <https://theses.fr/2005PA010066>.
7. Berri A., Madre J. L., Bussiere Y. Étalement urbain, contexte économique et croissance de la circulation automobile des ménages en France: projections à l’horizon 2020. *Recherche, transports, sécurité*, 2005: 89: 305–326. DOI: 10.3166/rts.89.305-326.
8. Berri A. A cross-country comparison of household, car ownership: A Cohort Analysis. *IATSS research*, 2009: 33(2): 21–38. DOI: 10.1016/S0386-1112(14)60242-9.
9. Cornut B. Longitudinal analysis of car ownership and car travel demand in the Paris region using a pseudo-panel data approach. *Transportation Research Procedia*, 2016: 13: 61–71. DOI: 10.1016/j.trpro.2016.05.007.
10. Giesel F., Nobis C. The impact of carsharing on car ownership in German cities. *Transportation Research Procedia*, 2016: 19: 215–224. DOI: 10.1016/j.trpro.2016.12.082.
11. Dargay J., Vythoulkas P. Estimation of dynamic transport demand models using pseudo-panel data. 8th World Conference on Transport Research, Antwerp, Belgium. 1998: 12–17. Accessed 30.07.2024. URL: <http://www.jstor.org/stable/20053816>.
12. Dargay J. M., Vythoulkas P. C. Estimation of a dynamic car ownership model: a pseudo-panel approach. *Journal of transport economics and policy*, 1999: 33(3): 287–301. Accessed 31.07.2024. URL: <https://www.jstor.org/stable/20053816>.
13. Dargay J. M. The effect of income on car ownership: evidence of asymmetry. *Transportation Research Part A: Policy and Practice*, 2001: 35(9): 807–821. DOI: 10.1016/S0965-8564(00)00018-5.
14. Dargay J. M. Determinants of car ownership in rural and urban areas: a pseudo-panel analysis. *Transportation Research Part E: Logistics and Transportation Review*, 2002: 38(5): 351–366. DOI: 10.1016/S1366-5545(01)00019-9.
15. Iacono M. et al. Cohort Effects and Their Influence on Car Ownership. Working Papers 000138, University of Minnesota: Nexus Research Group. 2015. Accessed 30.07.2024. URL: <https://hdl.handle.net/11299/179833>.
16. Lydall H. The life cycle in income, saving, and asset ownership. *Econometrica: Journal of the Econometric Society*, 1955: 23(2): 131–150. DOI: 10.2307/1907873.
17. Papu Carrone A. V., Rich J. Are car ownership preferences changing? An age cohort analysis. Paper presented at hEART 2018: 7th Symposium of the European Association for Research in Transportation, Athens. Greece. 2018. Accessed 31.07.2024. URL: <https://orbit.dtu.dk/en/publications/are-car-ownership-preferences-changing-an-age-cohort-analysis>.
18. Thakuria P., Menchu S., Tang L. Car ownership among young adults: Generational and period-specific perspective. *Transportation Research Record*, 2010: 2156 (1): 1–8. DOI: 10.3141/2156-01.

The article was submitted on: August 2, 2024

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tatiana V. Kulakova, Doctor of Economic Sciences, Director of Centre for Transport Economics in Institute for Transport Economics and Transport Policy Studies of Faculty of Urban and Regional Development

Maria A. Moiseeva, Chief Expert of Centre for Transport Economics in Institute for Transport Economics and Transport Policy Studies of Faculty of Urban and Regional Development

Ekaterina M. Reshetova, Candidate of Economic Sciences, Senior Research Fellow of Centre for Transport Economics in Institute for Transport Economics and Transport Policy Studies of Faculty of Urban and Regional Development

Yulia E. Shulika, Candidate of Political Sciences, Leading Analyst of Centre for Transport Economics in Institute for Transport Economics and Transport Policy Studies of Faculty of Urban and Regional Development

АВТОМОБИЛЬ И РОССИЯНЕ: ОСОБЕННОСТИ ТРАНСПОРТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

DOI: 10.19181/vis.2025.16.1.5

EDN: NXSMIQ

Транспортное поведение жителей России: можно ли преодолеть «культ автомобильности»¹

Ссылка для цитирования: Макаревич С. К. Транспортное поведение жителей России: можно ли преодолеть «культ автомобильности» // Вестник Института социологии. 2025. Том 16. № 1. С. 137–162. DOI: 10.19181/vis.2025.16.1.8; EDN: RPABQV.

For citation: Makarevich S. K. Transport behaviour of Russian residents: is it possible to overcome the “cult of the automobile”. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 1. P. 137–162. DOI: 10.19181/vis.2025.16.1.8; EDN: RPABQV.

Макаревич София Константиновна¹

¹НИУ «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

rexbringer12@gmail.com

SPIN-код: 1309-6868

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о том, какие функционально-символические компоненты заложены в установку на владение личным транспортным средством и каковы факторы приверженности россиян владению автомобилем. Ключевой вопрос исследования: возможен ли в настоящее время переход от «культа автомобильности» в России к иным формам транспортного поведения жителей России? Авторское исследование базируется на основах акторно-сетевой теории и теории структурного функционализма.

Автор делает предположение о том, что установка на владение автомобилем остается сильна, и полагает, что она состоит из определенных функциональных и смысловых параметров. Автор пытается определить причины укорененности данной установки и рассуждает о возможных способах ее трансформации. В качестве эмпирической базы исследования используются результаты нескольких волн всероссийского телефонного опроса omnibusного типа «СПУТНИК» ВЦИОМ (2018–2024 гг.). Метод опроса – телефонное интервью по стратифицированной случайной выборке, извлеченной из полного списка сотовых телефонных номеров, задействованных на территории РФ. В исследовании приняли участие 1600 россиян в возрасте от 18 лет. Полученные результаты основаны на анализе одномерных и двумерных распределений признаков, а также расчета и интерпретации коэффициентов связи.

¹ **Благодарность.** Данная работа подготовлена при поддержке факультета социальных наук НИУ ВШЭ в рамках проектной группы «Городская повседневность на микроуровне». Автор выражает благодарность ее участникам и руководителю – к. с. н., доц. Стрельниковой А. В. за помощь в подготовке рукописи.

Автор приходит к выводам о высоком уровне автомобилизации в РФ, где большая часть населения имеет опыт вождения и приобретения личного автомобиля, а количество домохозяйств без автомобиля ежегодно сокращается. Использование автомобиля становится интенсивнее, а потому представить свою жизнь без него для преобладающей части россиян становится невозможным. Социально-демографические характеристики индивидов лишь в незначительной степени влияют на приверженность автомобилю, а истинные основания невозможности отказа от него скрыты в установке на владение автомобилем, которая складывается из функционала автомобиля и его смысловых образов. Автомобиль представляет собой неотъемлемый атрибут жизни для большинства граждан, предоставляя им возможность испытывать разнообразные эмоции и ощущения, а также поддерживать желаемый уровень благосостояния. Автор приходит к выводу о невозможности преодоления «культа автомобильности» в России на текущий момент.

Ключевые слова: Городская мобильность, транспортное поведение, автомобильность, установка на владение личным автомобилем

Введение

Историческое значение автомобиля и его роль в формировании общества XX в. трудно переоценить. Например, в США массовое производство автомобилей демократизировало владение автомобилем, значительно изменив общественные нормы, что способствовало переосмыслению городского планирования и развитию пригородных областей [21]. Автомобили позволяют людям перемещаться по городам и взаимодействовать с ними беспрецедентным образом, что по-новому определяет социальную жизнь и мобильность [18; 25].

Повышение доступности автомобилей способствовало не только изменениям промышленной структуры и облика городов, но повлияло и на повседневность горожан, изменив их образ жизни [20], сделав акцент на автотранспорте как символе прогресса. Автомобили сыграли ключевую роль в распространении потребительской культуры и переосмыслении американского образа жизни, особенно в 1950-е гг. с появлением культуры вождения и возникновением волны субурбанизации [20; 21].

Уже во второй половине XX в. большая часть населения развитых стран выбрала автомобиль в качестве основного средства передвижения [11]. Данный выбор повлек за собой рост уровня потребления топлива на душу населения, увеличение количества выбросов углекислого газа в атмосферу, а также нарастание интенсивности строительства дорог и автомагистралей, повышения плотности дорожной застройки. Ближе к концу XX в. доля поездок на автомобиле начинает превосходить долю поездок на общественном транспорте, т. е. большая часть пассажирооборота стала приходиться на автомобиль [11]. Подобная автомобилецентричность со временем привела к ряду проблем, прежде всего экологического и градостроительного характера. Поэтому в последние годы автомобилецентричный подход в городской мобильности в развитых странах сменяется на человекоцентричный.

Россия вступила на путь активной автомобилизации чуть позже по сравнению с передовыми странами Европы. Пик автомобилизации населения России приходится на конец 1990-х – тогда количество автовладельцев выросло почти в 5 раз [10]. Увеличению числа автомобилей на дорогах способствовала и транспортная политика: с владельцев личных транспортных средств снималось бремя расходов за содержание и развитие сети автомобильных дорог.

Однако в настоящее время увеличение числа автомобилей создает серьезные проблемы, прежде всего в наиболее крупных городах, и даже в большей степени, в ближайших пригородах последних.

В данной статье на основе вторичного анализа данных, полученных в ходе исследований ВЦИОМ, будет рассмотрен вопрос, возможен ли в настоящее время переход от «культа автомобильности» к иным формам транспортного поведения жителей России. Мы предполагаем, что показатели автомобилизации населения, транспортные предпочтения и особенности транспортного поведения жителей являются значимой основой для оценки уровня готовности россиян к отказу от личного автомобиля или к минимизации его использования.

Теоретические подходы к изучению феномена автомобилизации

Во вторую половину XX столетия большинство домохозяйств перешли на регулярное использование автомобиля¹. За этот период автомобиль преодолел путь от предмета роскоши до относительно доступного товара, имеющего значимую роль в жизни современных обществ [18].

Зачастую автомобиль и последствия его использования служат для объяснения других социальных действий в контексте дорожного движения и не рассматриваются в качестве самостоятельного субъекта. Однако, сборка «водитель-автомобиль» производит ряд социальных действий, связанных с автомобилем, но невозможных в реализации порознь: например, вождение, перемещение, транспортировка и др., что делает эту сборку особой «формой социального существа» [18].

Водитель является исполнителем того или иного действия, а автомобиль – инструментом передвижения и фактором, побуждающим и поддерживающим определенные действия. Союз «водитель-автомобиль» подчеркивает воплощение человеческой индивидуальности в автомобилях [18]. Сам автомобиль же обеспечивает человеку мобильность и возможность перемещения в пространстве.

Сборка «водитель-автомобиль» есть производная человеческого замысла, выбора и созидания. Она распадается, когда водитель покидает транспортное средство, но она может быть пересобрана бесконечное количе-

¹ DETR. Transport Statistics Great Britain 2000 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lgcplus.com/archive/transport-statistics-great-britain-2000-12-10-2000/> (дата обращения: 10.03.2025).

ство раз при наличии иных «комплекующих», а потому отсюда могут возникать различия в способах действия и функциональной форме, которая меняется не только в зависимости от компонентов, но и в определенных обстоятельствах, которые могут повлечь и дисфункциональные проявления.

Множество способов реализации функционала сборки, в частности, обеспечения передвижения и мобильности, опирается на сложные взаимоотношения между водителем и автомобилем, которые воспроизводятся во множестве социальных измерений. Конкретные социальные условия (действующие лица и складывающиеся между ними социальные отношения устанавливают взаимные отношения интересов и власти) формируют определенные технологические инновации. Работу сетей в достижении технологического развития подчеркивала акторно-сетевая теория (далее – АСТ), которая позволяет при помощи обратного инжиниринга последовательно социальных обстоятельств выявить обстоятельства непредвиденные, которые привели к конечному состоянию сети.

Интеграция акторно-сетевой теории и структурного функционализма позволяет создать более комплексное видение социальных процессов автомобилизации, объединяя динамические и материальные аспекты с функциональными и структурными элементами.

Культ автомобильности: установка на владение автомобилем

В социологической литературе, посвященной изучению феномена использования автомобиля, можно найти много исторических, культурных, экономических и психологических аспектов, которые в совокупности объясняют, почему автомобиль имеет столь важное значение для общества. Роль автомобиля в формировании современной жизни выходит за рамки простой утилитарной функции транспорта, проникая в культурную, городскую и экономическую сферы и отражая аспекты идентичности, статуса и образа жизни.

Чем глубже автомобили внедрялись в жизнь людей, тем быстрее они превращались в одну доминирующую над всеми альтернативными систему передвижения. Так, стала формироваться новая характеристика общества – автомобильность¹ [13].

В большинстве фреймированных локальностей автомобильной сети основная функция автомобиля состоит в *обеспечении мобильности*. Благодаря передвижению на личном автомобиле индивиды способны преодолевать большие расстояния за более краткий промежуток времени, вне зависимости от, в частности, временных ограничений и погодных условий.

Процесс автомобилизации связан с жизненными приоритетами и потенциальными возможностями индивидов, с демографической ситуацией и материальными ресурсами. Автомобиль *наделяет своих владельцев особыми правами, поддерживает их социальный статус и определенный образ жизни* [12].

¹ Понятие автомобильность предлагается использовать в качестве обобщенного определения установки на владение автомобилем.

Обладание автомобилем сопряжено с подтверждением статусности владельца и ассоциируется с идеальным счастливым образом жизни, это буквально становится новым инструментом для создания собственной идентичности, средством самовыражения: появляются автомобильные клубы и клубы автолюбителей, функции автомобиля расширяются – кроме обеспечения мобильности автомобиль становится основой для коммуникативных и информационных обменов, предоставляет возможности накопления социального капитала и получения статусного признания, позволяет относить себя к определенной культуре и идентифицировать себя как ее последователя.

В связи с использованием автомобиля у водителя появляются неформальные преимущества на дорогах [1]. Так, автомобиль позволяет своему владельцу не только жить и путешествовать вне зависимости от каких-либо обстоятельств, но и социализироваться [12]. Благодаря автомобилю индивид может *идентифицировать себя с определенной группой*. Так, автомобилистов и пешеходов можно рассматривать как противоборствующие социальные группы, которые борются друг с другом за городское пространство. Обладание конкретной моделью автомобиля или же конкретной ее спецификацией также отражает индивидуальную и групповую принадлежность [22; 25].

Как показывают исследования, владение автомобилем является важной частью стратегии самопрезентации [9]. Автомобиль представляет собой классический образец предмета роскоши в контексте теории демонстративного потребления [17]. Особенно ранние автомобили, в которых не только бренд, но и дизайн отражал функцию демонстрации социального превосходства их владельцев даже в болеей степени, чем реализовывал функцию передвижения. Далее машины начали выпускаться на массовом производстве и быстро стали товаром массового потребления. Однако, владение автомобилем все так же *поддерживает уверенность и определенную самооценку индивидов*.

Интересно, что машина наделяет и самих людей новыми качествами. Она *воспитывает своих владельцев*: уровень ответственности и бережливости владельцев личных автомобилей становится выше – им требуется тратить деньги разумно, избегая излишних расходов и стремясь максимально эффективно использовать свои ресурсы, чтобы обеспечивать уход за своим транспортным средством. Владение автомобилем свидетельствует о возросшем уровне самостоятельности и зрелости, а также становится базой для заведения знакомств и образования социальных связей. Однако ни один автомобиль не является гарантом благ, он выступает и стимулирующей, и результирующей компонентой всех этих качеств: автомобиль воспитывает в человеке уверенность и высокую самооценку, так как неуверенные в себе люди не станут покупать дорогостоящий товар с множеством сопутствующих рисков и затрат [4].

Владение автомобилем способствует формированию определенных эмоциональных реакций. Автомобильность может как основываться на любви к вождению, стремлению к удобству, комфорту и свободе, так

и продуцировать эти ощущения [6]. В целом, связь эмоциональных и даже личных отношений с автомобилем является элементом общего фона удовлетворенности жизнью [4].

Автомашина – не сугубо функциональный предмет. Она имеет собственный культурный код, отложившийся в памяти благодаря запечатлению заданных культурой смыслов-образов автомашины [8]. Данный код не единообразен и отличается в зависимости от национальной специфики. В регионах с развитым общественным транспортом, таких как Европа и Япония, приверженность автомобилям меньше по сравнению с США, где разрастание пригородов требует доступности автомобиля, а потому смыслы-образы в разных культурах различаются. Это показывает, что культурный и географический контекст влияет на культуру использования автомобилей [19; 20].

Автомобиль становится определенным жизненным *достижением, который подчеркивает статусность и успешность владельца*. Автомобиль становится определенной вехой в жизни россиян – для многих он символизирует этап взросления: права можно получить после 18 лет и начать новую «взрослую» жизнь, в которой автомобильные практики приближают к мечте: обеспеченной жизни в другом, более масштабном и перспективном городе [2]. Приобретенная же машина является и вовсе свидетельством взрослости, гражданской ответственности, достигнутого успеха в жизни, определенного уровня удовлетворенности жизнью или ощущения субъективного благополучия. Автомобили проявляются в качестве маркеров идентичности и атрибутов обряда взросления в молодежных культурах, где владение автомобилем ассоциируется с личностным ростом и социокультурным прогрессом [15].

Кроме того, автомобиль стал своеобразным *домом на колесах*. Так как автомобильные перемещения не требуют пересадок, по сравнению с общественным транспортом, это обеспечивает пассажирам более высокий уровень удобства. Кроме того, так как пользователи частного автомобиля часто ограничены – водитель и определенные пассажиры – владельцы часто организуют собственный порядок для удобства в ходе поездки. Нередко машины сравнивают с железными капсулами, напоминающими каждому человеку его дом.

Автомобиль может и вызывать *очеловеченного верного и надежного друга*, выбирая которого – сложно ошибиться, ведь он выручит в любой ситуации. Привязанность к автомобилю перетекает в восприятие его в качестве «верного друга» [5], это способствует его антропоморфизации и обретению его владельцем «автомобильных» эмоций [3].

Особое отношение к автомобилю выражается не только в нюансах его восприятия и отнесения его к объектам иного рода, но и в целом, в самой зависимости от автомобиля. Некоторые авторы выделяют важные характеристики поездок и путешествий, которые влияют на зависимость от автомобиля: время поездки, места проведения мероприятий и перевозка багажа или покупок [14]. Такая зависимость часто становится *привычкой*: автомобиль настолько входит в ежедневную рутину, что отказ от него воспринимается как существенное ухудшение жизненных условий.

Автомобильность основывается на острой необходимости, например, для работы или сопровождения детей и обеспечения их мобильности. Подобная необходимость вызвана доступом с помощью автомобиля к определенным жизненно важным благам, а значит, автомобиль становится *пропуском в жизнь*. Так, в некоторых регионах автомобиль – становится градообслуживающим фактором, от работы которого зависят многие сферы города. Таков, например, Владивосток, где рынок труда буквально зависим от автомобиля, потому что в сфере обслуживания транспортных средств в городе и его окрестностях задействовано множество людей. В городе функционирует более трехсот магазинов автозапчастей, а также существуют специализированные автомобильные улицы, где сосредоточено наибольшее количество торговых точек, предлагающих соответствующие товары и услуги. Вокруг этого транспорта в городе выстроен жаргон и даже особый образ жизни [5]. Ограниченность общественного транспорта подчеркивает необходимость использования автомобилей для доступа к работе, образованию и услугам. Владение автомобилем расширяет возможности трудоустройства, особенно в районах, где отсутствует общественный транспорт [16; 23; 24]. Это практическое обязательство подчеркивает, как определенные модели городского развития превращают владение автомобилем в необходимость. Так автомобиль сделался символом включенности в определенную социальную среду, маркирующим социально-экономическое положение [5].

Автомобильность освобождает людей от любых привязок к системе общественного транспорта, что отражает *свободу* и независимость владельцев авто: выбор мест назначения, скорости и траектории перемещения почти не зависит от внешних обстоятельств, а часто основан на предпочтениях индивидов, что дает им большую власть над пространством и временем, а также большую гибкость. [22]. Так, «Парадигма новой мобильности» М. Шеллера и Дж. Урри утверждает, что в регионах с ограниченными возможностями общественного транспорта это чувство свободы проявляется еще сильнее, что укрепляет в качестве социальной нормы образ жизни, связанный с автомобилем [24].

Владение личным автотранспортом обеспечивает владельцу статус через различные ценности-знаки, как, например, «скорость», «дом», «безопасность», «сексуальность», «карьерные достижения», «свободу», «семью», «маскулинность» и даже «наследственные хорошие манеры» [3]. Значения и символы, связанные с автомобилями, являются не только результатом проецируемых вовне индивидуальных ценностей, но также имеют независимую социальную конструкцию.

Итак, автомобиль является набором символов и значений, которые регламентируют жизнь человека. Эти значения можно подразделить на группы: функции автомобиля и смыслы-образы автомобиля, из которых состоит установка на владение личным автомобилем. Таким образом, мы предполагаем, что установка на владение автомобилем складывается, по большей части, из следующих параметров – функций и смысловых образов, которые привязывают человека к владению автомобилем и укореняют в нем

эту установку. В свою очередь, эта установка влияет на транспортные предпочтения, транспортное поведение и общий уровень автомобилизации населения.

Опираясь на вторичный анализа имеющихся данных, мы определим уровень автомобилизации населения, транспортные предпочтения и транспортное поведение. В результате, во-первых, определим, действительно ли эти функционально-символические компоненты заложены в установку на владение личным транспортным средством и, во-вторых, установим факторы приверженности владению автомобилем.

Данные и методы анализа

Для анализа установки на владение автомобилем жителей России мы опираемся на результаты нескольких волн всероссийского исследования «Спутник» от ВЦИОМ, проведенные в 2018–2024 гг., находящиеся как в открытом доступе, так и предоставленные по запросу в рамках сервиса «Подборки данных» от ВЦИОМ¹. Метод опроса «Спутник» – телефонное интервью по стратифицированной случайной выборке, извлеченной из полного списка сотовых телефонных номеров, задействованных на территории РФ. В исследовании принимали участие 1600 россиян в возрасте от 18 лет. Данные взвешены по социально-демографическим параметрам. Предельная погрешность с вероятностью 95% не превышает 2,5%. Помимо погрешности смещение в данные опросов могут вносить формулировки вопросов и различные обстоятельства, возникающие в ходе полевых работ [21]. Для вторичного анализа данных с применением программы SPSS использовались одномерные и двумерные распределения признаков, а также расчет коэффициентов связи.

Результаты анализа

Уровень автомобилизации в России. Как показало исследование, большая часть жителей России либо приобретала автомобиль, либо планирует это сделать в ближайшие 1-2 года. Более половины респондентов ответили, что имеют опыт приобретения личного автомобиля (58%), а 1/10 часть опрошенных думают над приобретением автомобиля в ближайшие годы (см. рис. 1).

С 2013 г. количество семей без автомобилей постепенно уменьшалось с 55 до 33% (см. рис. 2). При этом количество семей с одним автомобилем изменялось в динамике, но по сравнению с 2013 показатель 2024 г. вырос незначительно, прибавив 5% (с 40 до 45%). Интересно отметить, что количество семей с двумя и более автомобилями выросло почти в 3 раза (с 4 до 15%). Это может быть связано с улучшением материального положения граждан во второй половине 2010-х гг. Тем не менее, после 2022 г. благосостояние россиян начинает снижаться, причиной чему стал кризис, вызванный связанными с СВО иностранными рестрикциями.

¹ См.: URL: <https://bd.wciom.ru/datasets> (дата обращения: 10.12.2024).

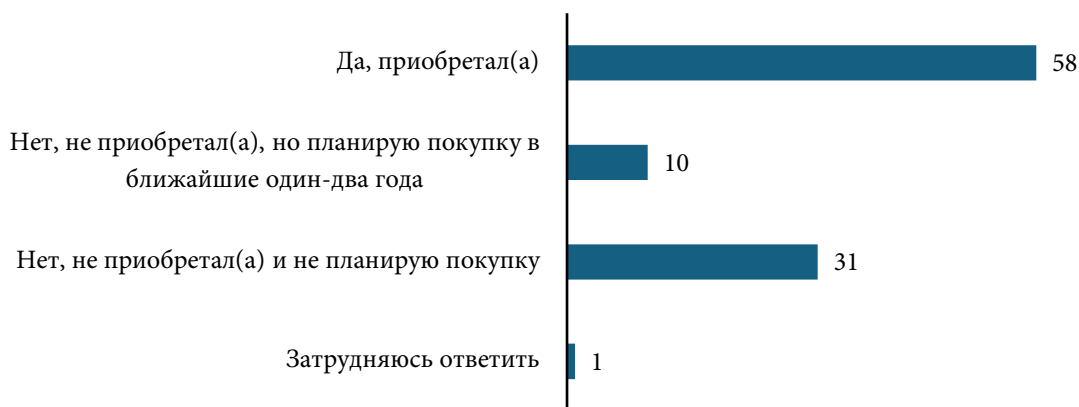

Рис. 1. Опыт/план приобретения автомобиля, доля опрошенных, %
Figure 1. Experience/car purchase plan, share of respondents, %

На владение автомобилем статистически значимое влияние оказывают такие параметры, как пол (мужчины чаще женщин становятся владельцами автомобилей), доход (чем выше доход человека, тем более вероятно, что он является владельцем автомобиля), род занятий (если человек работает или вышел на пенсию, то он более вероятно имеет накопления или постоянный источник дохода и будет владельцем автомобиля, чем неработающий человек без постоянного источника дохода и накоплений). Тем не менее, хотя взаимосвязь переменных статистически значима, коэффициент корреляции между переменными не высок, а значит – существуют иные параметры, влияющие на владение автомобилем.

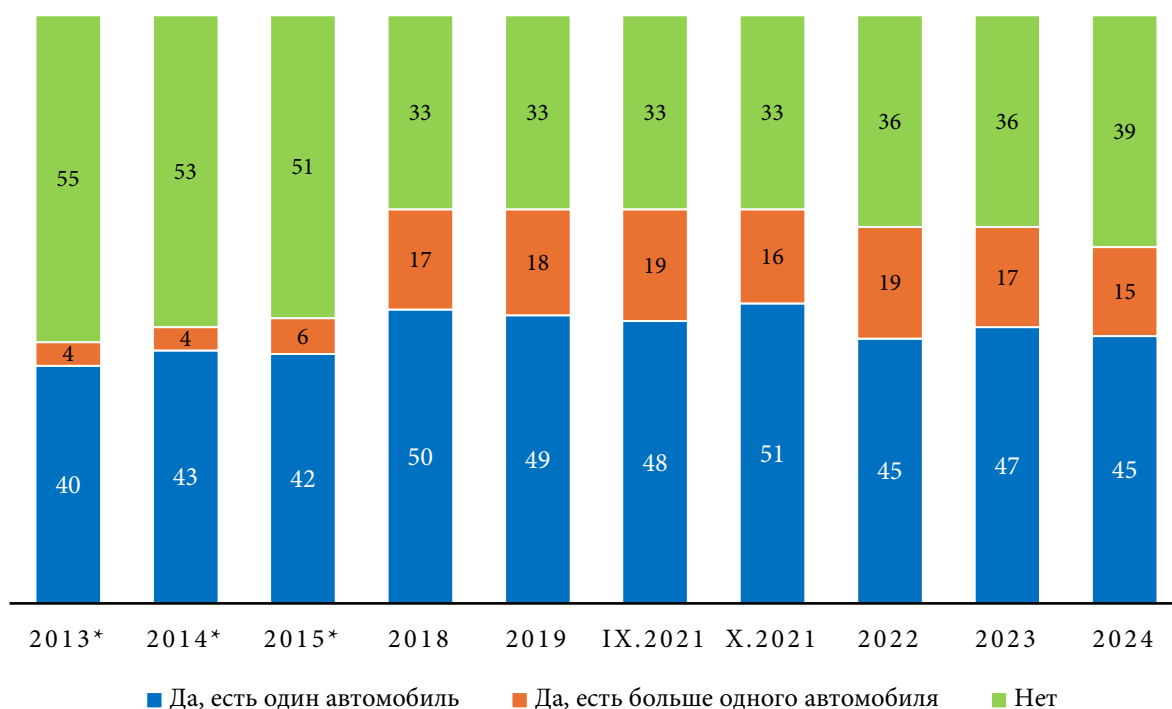

Рис. 2. Наличие автомобиля в семье, доля опрошенных, %
Figure 2. The presence of a car in the family, share of respondents, %

В ближайшей перспективе только четверть респондентов планирует приобретать новый автомобиль (24 в 2023 и 26% в 2024) (см. рис. 3). Это может быть связано с резким увеличением стоимости автомобилей, а также с сокращением поставок и изменением самих поставщиков – с европейских на азиатских. Важно отметить, что о приобретении или же обновлении автомобиля во втором полугодии 2024 г. почти никто из опрошенных не задумывался, что может быть связано с ростом уровня инфляции, падением реальных доходов населения и увеличением процентной ставки по кредитам.

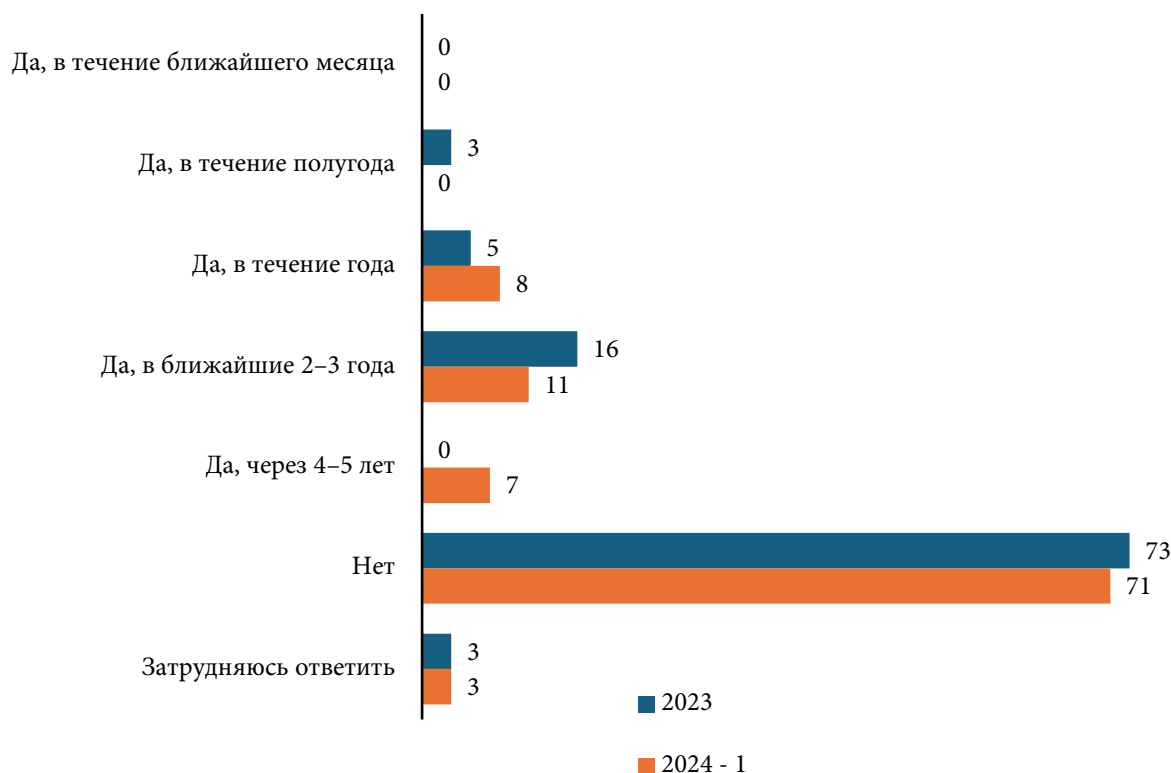

Рис. 3. Намерение приобрести автомобиль, доля опрошенных, %

Figure 3. Intention to purchase a car, share of respondents, %

Цели, ради которых россияне хотят приобрести автомобиль, соотносятся с функциями и смыслами-образами, связанными с автомобилем (см. рис. 4):

- **Обеспечение мобильности:**
 - для путешествий (13%);
 - для поездок в магазин (4%).
- **Получение «пропуска в жизнь»:**
 - для личного пользования и удовлетворения своих нужд (32%);
 - как средство передвижения (23%);
 - для поездок на работу и для работы (12% и 13%, соответственно).

- Поддержание определенного образа жизни – и выполнение определенных обязательств (это сближает данную функцию с символом – «пропуск в жизнь»):
 - для семейных поездок (14%);
 - для того, чтобы возить детей (7%);
 - для обмена на новый автомобиль (3%).
- Обретение «дома на колесах»:
 - для удобства/комфорта/безопасности (11%).
- Достижение определенного жизненного рубежа:
 - получение в подарок (2%).

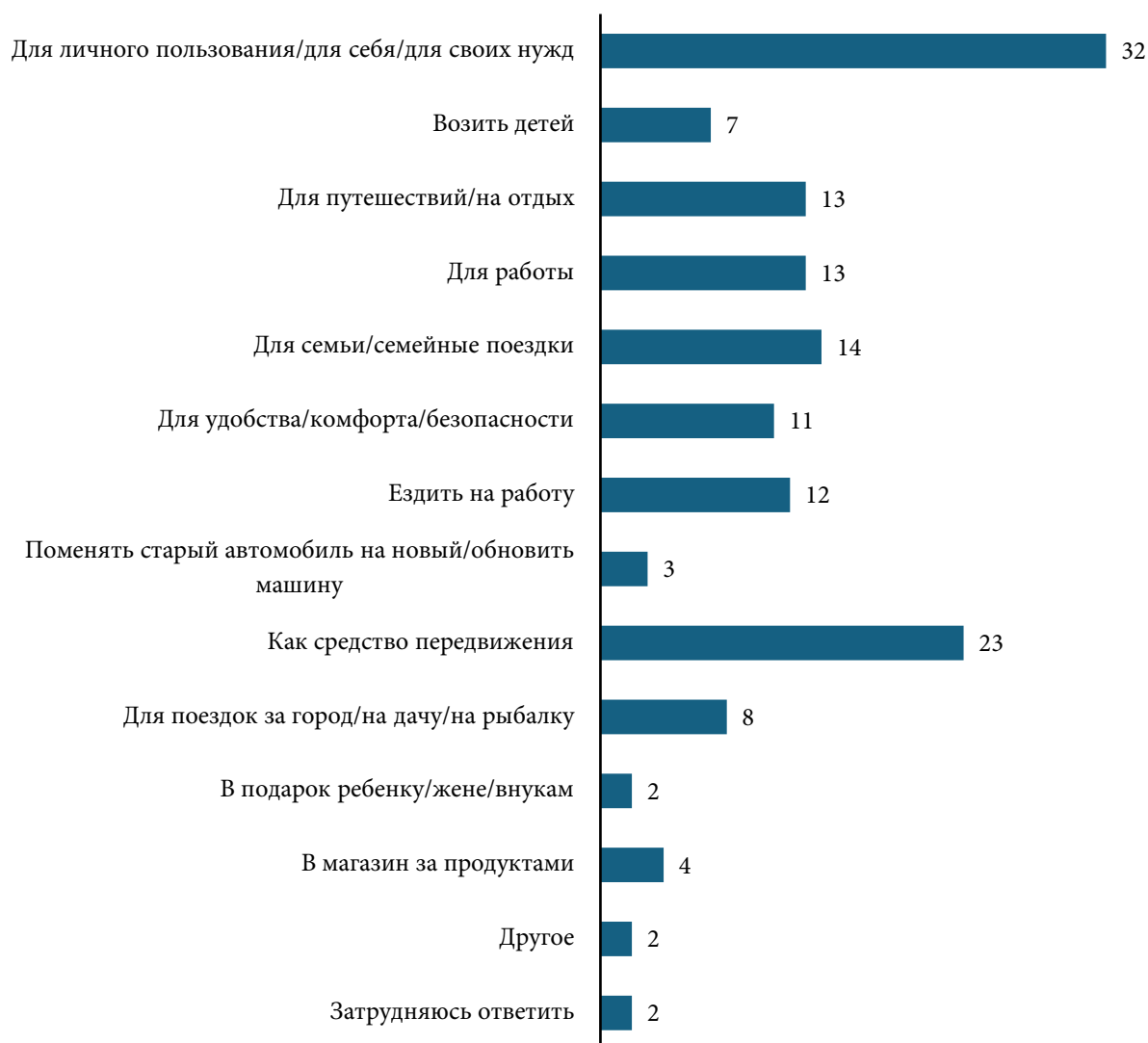

Рис. 4. Цели приобретения автомобиля, доля опрошенных, %
 Figure 4. The purpose of purchasing a car, share of respondents, %

Транспортные предпочтения населения

Самый популярный способ передвижения для населения России в 2021 г., согласно рассмотренным данным, – это личный автомобиль (рис. 5). В топ-3 вида транспорта, которые используют для перемещений по населенному пункту относятся: личный автомобиль (45%), наземный городской транспорт (23%), маршрутное такси (10%). Следует обратить внимание на то, что виды транспорта с минимальным количеством пассажиров лидируют по популярности: личный автомобиль, такси, собственный велосипед (совокупно 57%).

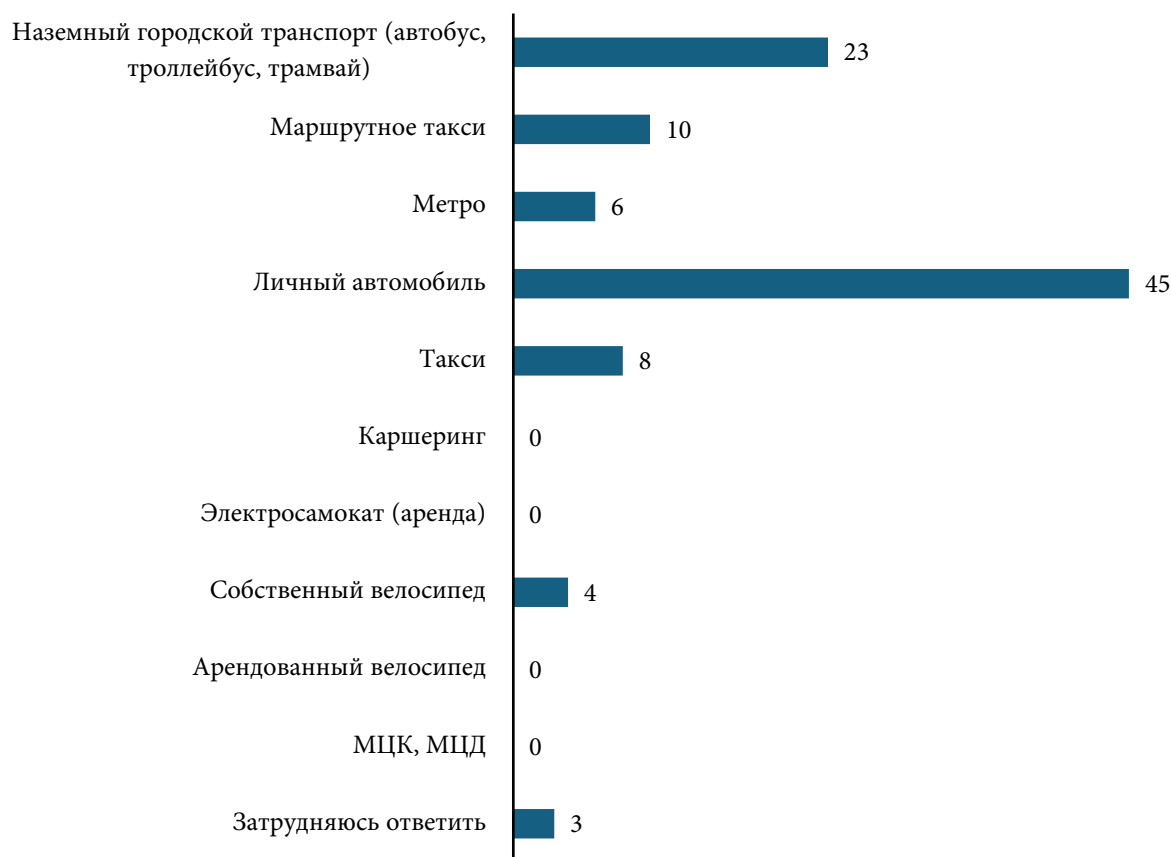

Рис. 5. Основной вид транспорта в поездках по населенному пункту в настоящее время, доля опрошенных, %

Figure 5. The main mode of transport for trips around the local area at the moment, share of respondents, %

Более половины тех, кто пользовался личным автомобилем при поездках по населенному пункту в 2021 г., пользовались им преимущественно ежедневно (32%) или время от времени (25%) (см. табл. 1).

Таблица 1 (Table 1)

Частота использования личного авто, доля опрошенных, %
The frequency of using a personal car, share of respondents, %

Частота использования	Опрошенные
Практически ежедневно	32
Несколько раз в неделю	14
Несколько раз в месяц	6
Эпизодически	5
Не пользуюсь	43
Затрудняюсь ответить	0

Большинство респондентов использует автомобиль в той же интенсивности, что и раньше (58%) или даже делают это чаще (17%) (см. табл. 2).

Таблица 2 (Table 2)

Частота использования личного авто в сравнении с более ранним периодом
The frequency of using a personal car compared to an earlier period

Сравнительная частота использования	Доля
Делаю это так же, как и раньше	58
Стал делать чаще, чем раньше	17
Стал делать реже, чем раньше	24
Затрудняюсь	1

Более половины опрошенных водителей и пассажиров личных автомобилей (53%) не допускают отказ от личного автомобиля – ни частичный (в виде ограничений), ни полный (см. рис. 6).

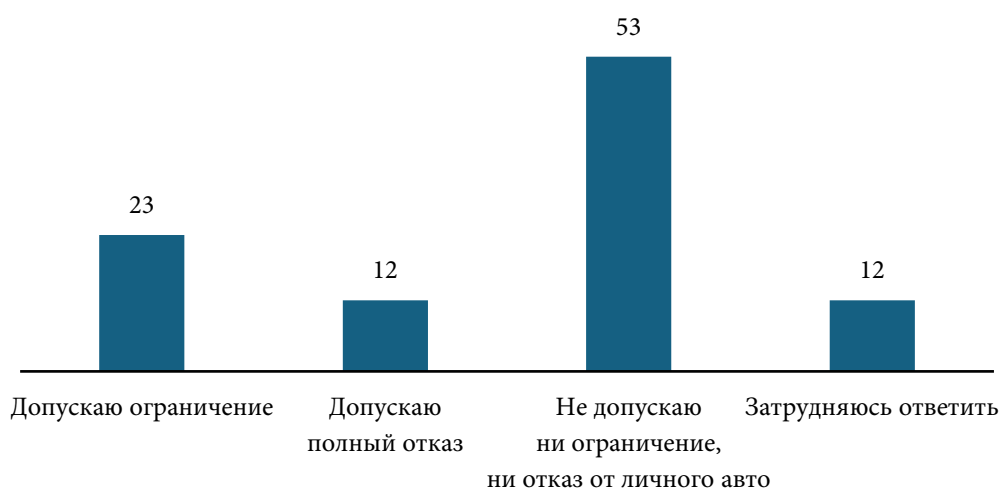

Рис. 6. Допущение редкого использования автомобиля, доля опрошенных, %
Figure 6. The assumption of rare use of the car, share of respondents, %

Сокращение использования автомобиля статистически значимо связано с наличием автомобиля и основным родом занятий. Более редкое использование автомобиля допускают те, у кого автомобилей в семье не

более одного. То есть, чем больше автомобилей в семье, тем менее вероятно, что человек будет реже использовать автомобиль. Если человек работает, то он с меньшей долей вероятности откажется от личного авто, так как машина является транспортом, благодаря которому он добирается до работы, или автомобиль и вовсе является его основным источником дохода или главным посредником в получении этого дохода.

Водители и пассажиры частных автомобилей рассматривают разнообразные альтернативы своему транспорту (см. рис. 7).

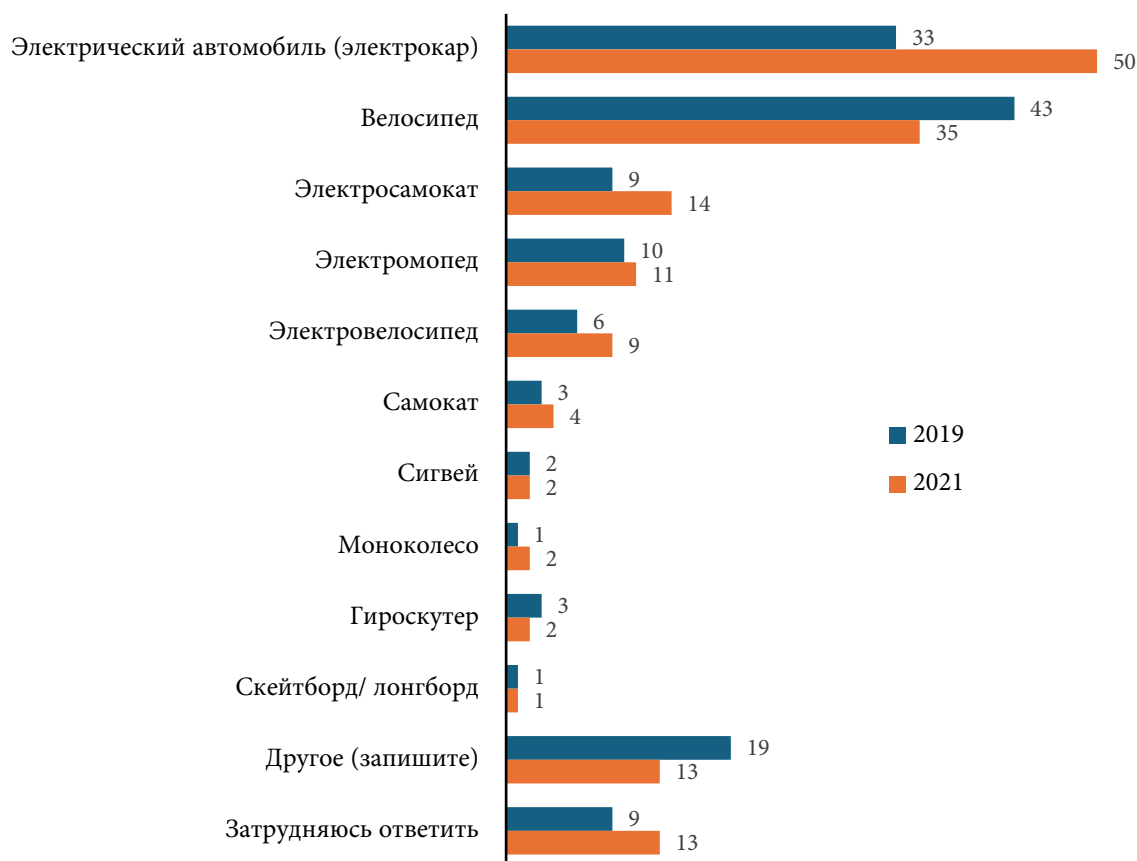

Рис. 7. Варианты замены личного автомобиля, доля опрошенных, %

Figure 7. Personal car replacement options, share of respondents, %

В 2019 г. в качестве наиболее популярных вариантов замены личного автомобиля упоминались: «Велосипед» (43%), «Электрический автомобиль» (33%), «Другие варианты» (19%). В 2021 г. самым популярным вариантом ответа стал «Электрический автомобиль», что, фактически, подтверждает неготовность отказаться от личного автомобиля, поскольку респонденты в качестве замены автомобилю выбрали тот же автомобиль, только электрический (50%). Данный транспорт обрел большую популярность в последние годы, как якобы экологичный субститут автомобиля с двигателем внутреннего сгорания. Кроме того, увеличился импорт электромобилей, получила развитие инфраструктура для их обслуживания и стали вводиться налоговые послабления для владельцев электрических транспортных средств. Однако, производство электрических двигателей также не уменьшает вред для окружающей среды. Интересно заметить,

что на электрические виды транспорта готовы пересесть абсолютное большинство респондентов – 90%. В большей степени на выбор альтернативы личному автомобилю влияет именно тип населенного пункта, в котором проживает человек. Чем больше тип населенного пункта, тем реже выбор падает на механический транспорт. Однако, сила связи между переменными невысока, а потому невозможно сделать вывод, что это не единственный параметр, влияющий на выбор той или иной альтернативы.

Особенности автомобильного поведения населения России

Показатели вождения автомобиля с 2019 г. не изменились, хотя в 2021 г. было небольшое увеличение количества «водителей» (на 3% с 55 до 58%) (см. рис. 8). На вождение автомобиля статистически значимое влияние оказывают параметры пола (мужчины водят чаще женщин), доход (чем меньше доход, тем вероятнее человек будет водить автомобиль, потому как люди с более высоким доходом склонны к передвижению на автомобиле с водителем, будь то личный автомобиль или такси), а также занятость (если человек работает, он более вероятно водит автомобиль, чтобы добраться до работы или до мест, где можно потратить заработанные средства, а если человек не работает, то он меньше водит и меньше денежных средств тратит на обслуживание авто). Сила связи между переменными скорее слабая, но переменная «пол» коррелирует с частотой вождения сильнее остальных (наблюдается умеренная положительная связь между переменными).

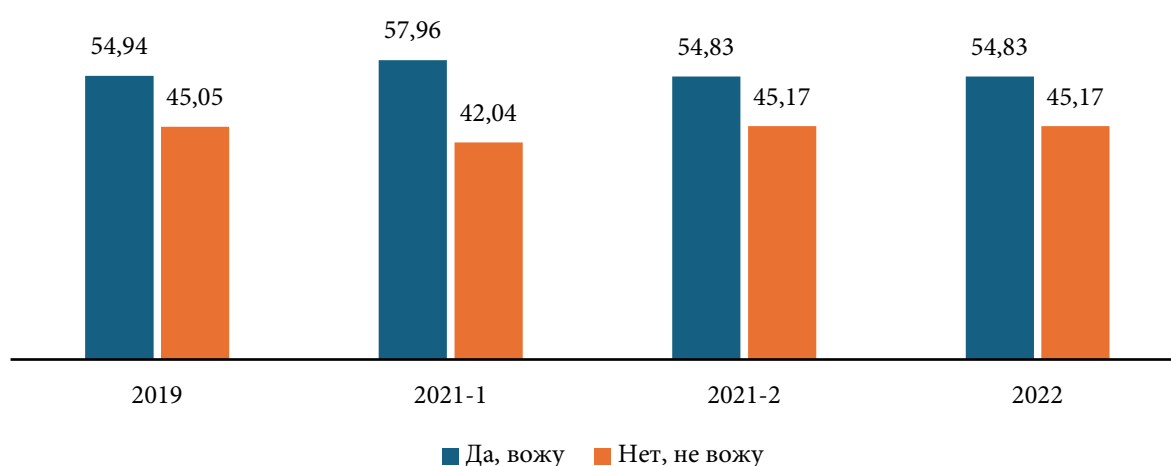

Рис. 8. Вождение автомобиля, доля опрошенных, %
Figure 8. Driving a car, share of respondents, %

Жители России продолжают использовать автомобиль, преимущественно, ежедневно (хотя число постоянных пользователей сократилось на 6–7% с 69–70 до 63%) или эпизодически (показатель увеличился с 27–28 до 33%) (см. рис. 9). На основании анализа распределения ответов на данный вопрос становится понятно, что большая часть населения использует личный автотранспорт или несколько раз в неделю или вовсе каждый день.

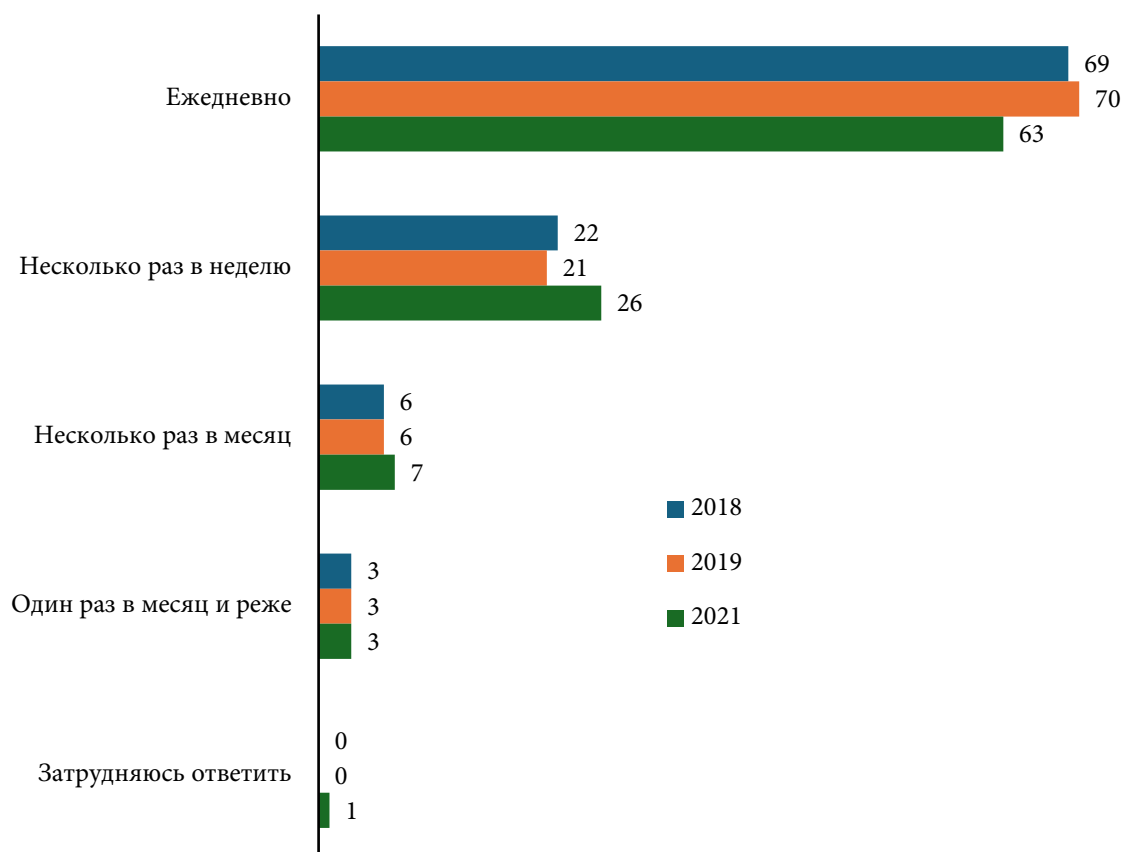

Рис. 9. Частота вождения автомобиля, доля опрошенных, %
 Figure 9. Frequency of driving, share of respondents, %

Установка на владение транспортом: почему нельзя отказаться от личного автомобиля?

В первую очередь отметим, что причины приверженности личному автомобилю различаются в двух сравниваемых периодах – 2019 и 2021 гг. (см. рис. 10).

В 2019 г. преобладают инструментальные образы и функции автомобиля. Во-первых, автомобиль – это *пропуск в жизнь и поддержание определенного образа жизни (семейного, «хозяйственного»)*: автомобиль кормит семью (22%), он необходим для исполнения семейного долга – чтобы отвозить детей в школу/на занятия (14%), а также для поездок в личных целях (например, в магазин) (8%). Интересно отметить, что необходимость отвезти детей в школу, сад, на секции (14% ответов), удаленность работы от дома (13%), удобство путешествий на машине с семьей – это, в частности, причины, связанные с желанием сохранить комфортные условия для передвижения в необходимую точку. Так, автомобиль становится *домом на колесах*, в котором удобно и комфортно передвигаться как одному, так и с семьей.

Рис. 10. Возможность редкого использования автомобиля и причины несогласия с отказом от него, доля опрошенных, %

Figure 10. The possibility of rare use of the car and reasons not to reject personal car, share of respondents, %

Кроме того, высок процент тех, кто все-таки может использовать автомобиль реже (22% всех ответов). С одной стороны, мы видим в выборке респондентов, которые ни за что не откажутся от автомобиля, так как он для них является источником дохода, а с другой – мы видим группу с полярными интересами: тех, кто легко от автомобиля откажется. Интересно отметить, что размеры этих полярных групп равны.

В 2021 году топ-3 приоритета частично сместились, однако, это не повлияло на собирательный образ автомобиля. Во-первых, первый вариант ответа по популярности связан с возможностью отказаться от езды на личном автомобиле (21% ответов). Следующий связан с поездкой на работу (12% ответов), при этом вариант ответа «удаленность от дома», который был популярен в 2019 г., – отошел на второй план: не имеет значения удаленность работы от дома, на работу хочется ездить не на общественном транспорте, а на своем собственном авто (10% ответов) – *личном доме на колесах, обеспечивающим мобильность и поддерживающий определенный комфортный образ жизни*. Завершают список несколько причин, подтверждающие необходимость автомобиля – *их личного пропуска в жизнь*: «необходимость по работе», «необходимость отвозить детей в школу/на занятия», «автомобиль необходим для личных целей» (по 10% ответов, соответственно).

Таким образом, можно заключить, что россияне используют личный автомобиль не просто в силу желания, а по функциональной необходимости, потому что существуют некие внешние обстоятельства, вызывающие острую необходимость для человека использовать собственное транспортное средство. Чаще всего, они связаны с обязательствами, которые водители несут перед кем-то (как правило, членами их семей) или перед чем-то. Кроме того, важно отметить, что в каждом из вариантов ответов присутствует слово «необходимость» – *автомобиль воспринимается как жизненно-важный инструмент, дом на колесах и необходимый пропуск в жизнь, поддерживающий их комфортный образ жизни в любой момент*: без него человек отрезан от мира, а с автомобилем – все сложится наилучшим образом.

Среди причин, почему тот или иной житель России не допускает для себя отказа от личного автомобиля были названы те, которые подтверждают гипотезу о том, какие смыслы-образы и функции есть у автомобиля (см. табл. 3). Автомобиль – это более простой (18%) и *привычный* способ передвижения (2%), являющийся *необходимым пропуском в жизнь по разным причинам*. Респондентами назывались такие: плохая работа общественного транспорта (10%) или его отсутствие (3%) и дороговизна (3%), работа (22%), проблемы со здоровьем (5%) и возрастные ограничения (2%), дальность проживания самого владельца (5%) и его родственников (4%), а также дальность расположения определенных социальных объектов, например, школы (12%) или дачи (8%).

Невозможность отказаться от него подкрепляется любовью к личному автомобилю и вождению (1%), что демонстрирует, что владение личным автомобилем *порождает эмоции*. Он дарит ощущение скорости (6%), *свободы* (6%) и *надежного друга*, который не подведет в экстренных ситуациях (1%). Дает ощущение защищенности от внешних недугов (1%) и дарит ощущение *комфорта* (3%), что позволяет *поддерживать определенное качество и образ жизни*. Таким образом, он воспринимается частью респондентов как настоящий *дом на колесах, в котором интимно, безопасно и уютно*.

Таблица 3 (Table 3)

**Причины, по которым россияне не допускают полный отказ
от личного автотранспорта, доля опрошенных, %**

*The reasons why Russians do not allow a complete rejection of a personal car,
share of respondents, %*

Назовите, пожалуйста, причины, по которым Вы не допускаете полный отказ от личного авто. Вы можете назвать до трех вариантов ответа	Опрошенные
Необходимость/автомобиль нужен/нужно съездить куда-то	10
Работаю на автомобиле/водитель/нужен для работы	11
Поездки на работу/далеко до работы	11
Дети/маленькие дети/возить детей/школа далеко	12
Удобство/проще	18
Плохая работа общественного транспорта/редко ходит/график неудобный/ плохая транспортная инфраструктура	10
Нет общественного транспорта/без машины не доехать	3
Возраст	2
Проблемы со здоровьем/инвалидность	4
Живу за городом/далеко живу	5
Быстрее/экономия времени	6
Не роскошь, а средство передвижения	3
Мобильность/свобода передвижения	6
Комфорт/качество жизни	3
Выгоднее/экономия денег/дорогой общественный транспорт, такси	3
Привычка/образ жизни	2
Перевозить вещи, грузы	3
Путешествия/отдых/отпуск	4
Дача/поездки за город	8
Климат/погода	1
Поездки на большие расстояния	4
Семейные/хозяйственные дела/поездки в магазин	4
Люблю водить/удовольствие/люблю авто	1
Поездки к родственникам/родственники живут далеко	4
Больные родственники/больной ребенок	1
Непредвиденные/экстренные ситуации	1
Нужен в личных целях	2
Плохая инфраструктура/нет велодорожек/тротуаров	0
Не решит экологические проблемы/авто не так влияет на экологию	0
Нет смысла отказываться	1
Поездки в больницу/к врачу	3
Коронавирус/безопасность в связи с вирусами	1
Не развит электротранспорт/нет необходимой инфраструктуры	0
Редко/мало езжу	1
Есть машина	0
У меня нет авто	0
Другое	7
Затрудняюсь ответить	7

Важно заметить, что статистически значимыми можно назвать связанные переменные «частота использования общественного транспорта» и «причина не бросать автомобиль». Люди, не пользующиеся общественным транспортом, более вероятно будут называть причины, почему они не готовы отказываться от личного автомобиля – поскольку это основной их источник передвижения. Те, у кого есть возможность реже использовать автомобиль как раз и заменяют его общественным транспортом. Таким образом, хотя на владение автомобилем и возможный отказ от его использования влияют определенные параметры, их влияние скорее слабое, что означает, что на это влияет некая латентная переменная, связанная, вероятно, с установкой на владение автомобилем.

Заключение

Феномен автомобильности можно назвать не просто системой перемещений и обеспечения мобильности, а образом жизни [7]. Это и одна из самых финансируемых отраслей промышленности (во многих странах драйвер экономического роста), и один из главных товаров индивидуального потребления, и комплекс гибридных социально-технических взаимосвязей, и система развлечения, и господствующая форма транспортировки, и совокупность образов и культурных кодов, и система, продуцирующая определенные практики и способы мышления.

Она предоставляет обширные возможности передвижения, свободу выбора, возможность придерживаться определенного образа жизни и поддерживать социальный статус, позволяет сохранять высокий уровень комфорта, но при этом контуры проблем автомобильности расположены вокруг ее неэкономичности, неэффективности, дискомфорта и технологического застоя [9].

То есть автомобильность отнюдь не совершенна и местами противоречива, имеет свои ограничения, но, тем не менее, количество владельцев личных автомобилей только увеличивается. Почему несмотря на все обстоятельства, отягощающие владение личным автомобилем, – количество владельцев собственных машин только возрастает?

Ни один из компонентов сборки «водитель-автомобиль» не могут по отдельности реализовать те действия, которые может воплотить совокупность. Перечень действий трансформируется, как только происходит объединение водителя и автомобиля, что позволяет им стремиться к совершенно иной цели, чем они могли бы достичь независимо друг от друга. Особые способы объединения их возможностей детерминируют влияние автомобиля на общество. Именно так «водитель-автомобиль» порождает форму социального бытия и набора социальных действий, концептуально отличных от иных форм и наборов [18].

В России субъектность автомашины усиливается климатическими и территориальными, а также социальными условиями, благодаря чему складываются транспортные предпочтения и поведение населения.

Стремление быть мобильным в максимально комфортных условиях приводит к тому, что личная автомашина превосходит любые иные виды транспорта в глазах граждан. Автомобиль воспринимается ими как привычный и необходимый инструмент для выполнения ежедневных и периодически жизненно важных задач, требующих активных передвижений на разные дистанции в комфортных условиях. Кроме того, что данный инструмент способствует поддержанию определенного образа жизни, к которому человек приходит с течением времени, – приобретение автомобиля становится маркером преодоления важного жизненного рубежа и перехода на новый уровень, получения или же присвоения нового социального статуса.

Связь водителя с транспортным средством становится более тесной, и он не может ее разорвать. Автомобиль – самый популярный и востребованный способ передвижения в стране. Большая часть жителей РФ имеют опыт вождения, а также приобретения личного автомобиля, а из тех, кто не имел, $\frac{1}{4}$ задумывалась над этой покупкой. Количество семей без автомобиля в России за последние 10 лет сократилось, возросла численность семей с 2 и более автомобилями. Автомобиль используется все более интенсивно: от нескольких раз в неделю до ежедневного использования. Преобладающая часть россиян не может отказаться от личного автомобиля, что отражается в предпочтениях как альтернативы автомобилю с двигателем внутреннего сгорания все того же автомобиля – только с электрическим двигателем. Интересно, что на это в той или иной мере влияют социально-демографические характеристики индивидов, но лишь в малой степени. Истинные основания невозможности отказа скрыты в установке на владение автомобилем, которая складывается из образов и функционала автомобиля.

В целом, вождение автомобиля – процесс, требующий обработки сложной информации, обработанной с помощью зрительного канала водителя, для безопасного управления транспортным средством. Понимание семиотики движения по автомобильным дорогам становится навыком, воплощенным в автомобиле. Так, водитель-автомобиль становится единым механизмом – человек-водитель воплощается в автомобиле: ориентация на пребывание в движущемся объекте в ограниченном пространстве с иными движущимися объектами – определенный феномен общества постмодерна. Воплощение в автомобиле отражается и в телесном опыте, который часто переносится людьми в другие восприятия и взаимодействия с материальным миром [18]. Автомобиль обеспечивает не просто возможность перемещения в пространстве, он обеспечивает ряд действий, доступных только водителю автомобиля.

Использование автомобиля не сводится к индивидуальному и сознательному решению в пользу функциональности и удобства. Подобно иным ныне общепринятым практикам (как ношение одежды), автомобильные практики стали естественной и рутинной частью современной социальной жизни, от которой не так просто отказаться.

Это объясняет, в частности, высокий уровень автомобилизации в стране, а также транспортные предпочтения и особенности автомобильного поведения населения России.

Проведенный нами анализ имеет ряд ограничений. В частности, в рассмотренных нами данных отсутствовали вопросы, связанные с проблемами владения автомобилем, что накладывает отпечаток на характер полученных результатов и сделанных по их следам выводов.

Но по итогу рассмотрения, можно сделать следующий вывод: автомобиль – это самый настоящий пропуск в жизнь для большей части населения страны. Сегодня он – единственный реальный и привычный вид транспорта, который дарит определенные эмоции, ощущение свободы и опоры, привычности и комфорта. Именно он позволяет большей части населения страны поддерживать желаемый образ жизни или через возможности мобильности, или через доступ к благам цивилизации, в том числе жизнеобеспечивающим организациям (медицина).

Зависимость от автомобиля – в большей степени культурно и институционально укорененный феномен, наполненный более широкими смыслами и ценностями [14]. Мобильность, воплощенная в автомобиле с водителем, является в современных условиях продолжением человека, а также технологий и общества в человеке [13]. Автомобиль обладает уникальным набором символических значений, функций и характером впечатлений от поездок, которые он обеспечивает, и некоторые из самых привлекательных характеристик этого опыта необходимо учитывать при продвижении других, более экологичных видов транспорта.

Однако, на данном этапе развития транспортной инфраструктуры в России и в связи с особенностями транспортного поведения населения полностью преодолеть культ автомобильности в России не представляется возможным.

Библиографический список

1. Бакаева Э. П. Визуализация идентичности: Символика этнической идентификации в контексте системы автомобильности (на примере Калмыкии) // Сибирские исторические исследования. 2020. № 4. С. 326–364. DOI: 10.17223/2312461X/30/15; EDN: YORXIT.

2. Веселкова Н. В., Вандышев М. Н. и др. Повседневная мобильность молодежи в небольших уральских городах // Экономическая социология. 2019. Т. 20. № 4. С. 78–113. EDN: WPUFWL.

3. Волков В. Н. Автомобили, автомобили, буквально все заполнили // Культурное наследие России. 2015. № 4. С. 9–15. EDN: VJZAXB.

4. Кононенко Р. В. Стилиевые особенности автомобильного потребления: объективные и субъективные аспекты // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. 2010. № 1. С. 27–34. EDN: MTJLCL.

5. Крупа Т. А. Региональные аспекты социокультурных проблем автомобилизации городской среды (на материалах Приморского края) // ИСОМ. 2016. № 3-2. С. 111–120. DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-3/2-111-120; EDN: WHARMV.

6. Медведев А. В., Медведев Р. А. Ограничение использования личного автотранспорта в пользу общественного: мнение россиян // Социология. 2022. № 4. С. 119–127. EDN: KSGWJF.
7. Мулеев Е. Ю. «Транспортное поведение», «Подвижность» и «Мобильность»: к вопросу о концептуализации терминов // Социологический журнал. 2015. № 3. С. 8–28. DOI: 10.19181/socjour.2015.21.3.2375; EDN: UKAKER.
8. Овруцкий А. В. Потребление как функция культуры // Известия Байкальского госун-та. 2011. № 5. С. 220–225. EDN: OIGINZ.
9. Руденко Н. Конкурируя за будущее: проблематизация инновационной автомобильности в публичном дискурсе «Яндекс. Беспилотников» // Laboratorium. 2022. № 2. С. 73–102. DOI: 10.25285/2078-1938-2022-14-2-73-101; EDN: PUNWZN.
10. Савельева Е. О. Изменение транспортного поведения населения как способ достижения устойчивой мобильности в российских городах // Вестник ПермНИПУ. Прикладная экология. Урбанистика. 2021. Т. 41. № 1. С. 5–18. DOI: 10.15593/2409-5125/2021.01.01; EDN: NHPBNB.
11. Савельева Е. О. Факторы формирования транспортного поведения в крупнейших городах России // Градостроительство. 2018. Т. 57. № 5. С. 54–62. EDN: IIVGDL.
12. Сорокина Н. В., Алипов Д. В. Средство передвижения и статусной мобильности: Машина в социокультурной перспективе // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. 16. № 3. С. 210–215. EDN: RODCHV.
13. Урри Д. Мобильности. М.: Праксис, 2012. 576 с.
14. Cairns S. et al. Sociological perspectives on travel and mobilities: A review // Transportation Research Part A: Policy and Practice. 2014. No. 63. P. 107–117.
15. Carrabine E., Longhurst B. Consuming the Car: Anticipation, Use and Meaning in Contemporary Youth Culture // The Sociological Review. 2002. No. 50(2). P. 181–196. DOI: 10.1111/1467-954X.00362.
16. Clark W., Wang W. The Automobile, Immigrants, and Poverty: Implications for Immigrant Earnings and Job Access // Urban Geography. 2010. No. 31(4). P. 523–540. DOI: 10.2747/0272-3638.31.4.523.
17. Cohen M. J. The future of automobile society: a socio-technical transitions perspective // Technology Analysis & Strategic Management. 2012. No. 24(4). P. 377–390. DOI: 10.1080/09537325.2012.663962.
18. Dant T. The Driver-car // Theory, Culture & Society. 2004. No. 21(4-5). P. 61–79. DOI: 10.1177/0263276404046061.
19. Deka D. Transit Availability and Automobile Ownership // Journal of Planning Education and Research. 2002. No. 21(3). P. 285–300. DOI: 10.1177/0739456X0202100306.

20. Gunn S. People and the car: the expansion of automobility in urban Britain, c.1955–70 // *Social History*. 2013. No. 38(2). P. 220–237. DOI: 10.1080/03071022.2013.790139.
21. Joo J. The Impact of the Automobile and its Culture in the U.S. // *International Area Studies Review*. 2007. No. 10(1). P. 39–54. DOI: 10.1177/223386590701000103.
22. Kent J. Still Feeling the Car – The Role of Comfort in Sustaining Private Car Use // *Mobilities*. 2015. No. 10(5). P. 726–747. DOI: 10.1080/17450101.2014.944400.
23. Ong P. Car Ownership and Welfare-to-Work // *Journal of Policy Analysis and Management*. 2001. Vol. 21. P. 239–252. DOI: 10.1002/pam.10025.
24. Sheller M., Urry J. The City and the Car // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2000. No. 24(4). P. 737–757. DOI: 10.1111/1468-2427.00276.
25. Urry J. Inhabiting the Car // *The Sociological Review*. 2006. No. 54(1). P. 17–31. DOI: 10.1111/j.1467-954X.2006.00635.x.

Получено редакцией: 5.10.24

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Макаревич София Константиновна, аспирантка факультета социальных наук

DOI: 10.19181/vis.2025.16.1.8

Transport Behaviour of Russian Residents: Is it Possible to Overcome the “Cult of the Automobile”¹

Sofiya K. Makarevich

HSE University, Moscow, Russia

rexbringer12@gmail.com

ORCID ID: 0000-0001-8435-2107

For citation: Makarevich S. K. Transport behaviour of Russian residents: is it possible to overcome the “cult of the automobile”. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 1. P. 137–162. DOI: 10.19181/vis.2025.16.1.8; EDN: RPABQV.

Abstract. The article examines the question of what functional and symbolic components are embedded in the attitude towards owning a personal vehicle and what the factors are of Russians’ commitment to owning a car. The key question of the study: is it currently possible to transition from the “cult of the automobile” in Russia to other forms of transport behaviour of Russian residents? The author’s study is based on the foundations of actor-network theory and the theory of structural functionalism.

The author assumes that the attitude towards owning a car remains strong and believes that it consists of certain functional and semantic parameters. The author tries to determine the reasons for the rootedness of this attitude and discusses possible ways of its transformation. The results of several waves of the all-Russian omnibus

¹ **Acknowledgements.** This This paper was prepared with the support of the Faculty of Social Sciences of NRU HSE within the framework of the project group “Urban Everyday Life at the Microlevel”. The author expresses gratitude to its participants and supervisor – cand. of social. sci., assoc. prof. Strelnikova A. V. for her help in preparing the manuscript.

telephone survey “SPUTNIK” VTsIOM (2018-2024) are used as an empirical basis for the study. The survey method is a telephone interview with a stratified random sample extracted from the full list of mobile phone numbers used in the territory of the Russian Federation. The study involved 1,600 Russians aged 18 years and older. The results obtained are based on the analysis of one-dimensional and two-dimensional distributions of features, as well as the calculation and interpretation of the correlation coefficients.

The author comes to the conclusion about the high level of motorisation in the Russian Federation, where the majority of the population has experience of driving and purchasing a personal car, and the number of households without a car is decreasing annually. The use of cars is becoming more intensive, and therefore it is becoming impossible for the majority of Russians to imagine their life without one. Socio-demographic characteristics of individuals only slightly affect their commitment to a car, and the true reasons for the impossibility of giving it up are hidden in the attitude towards car ownership, that consists of the functionality of the car and its semantic images. A car is an integral attribute of life for most citizens, giving them the opportunity to experience a variety of emotions and sensations, as well as maintain the desired level of well-being. The author comes to the conclusion that it is impossible to overcome the “cult of the automobile” in Russia at the current moment.

Keywords: Urban mobility, transport behavior, car ownership, mindset to own a private car

References

1. Bakaeva Eh.P. Visualizing identity: Kalmyk number plates and the symbolism of the ethnic. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*, 2020: 4: 326–364 (in Russ.). DOI: 10.17223/2312461X/30/15; EDN: YORXIT.
2. Veselkova N. V., Vandyshev M. N. et al. Everyday Mobility of Youth in Small Ural Cities. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, 2019: 20(4): 78–113 (in Russ.). EDN: WPUFWL.
3. Volkov V. N. Cars literally flooded all. *Kul'turnoe nasledie Rossii*, 2015: 4: 9–15 (in Russ.). EDN: VJZAXB.
4. Kononenko R. V. Stylistic features of automobile consumption: objective and subjective aspects. *Vestnik Nizhegorodskogo un-ta im. N. I. Lobachevskogo. Ser.: Social'nye nauki*, 2010: 1: 27–34 (in Russ.). EDN: MTJLCL.
5. Krupa T. A. Regional aspects of social and cultural problems of motorization of the urban environment (on materials of Primorsky Krai). *ISOM*, 2016: 3-2: 111–120 (in Russ.). DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-3/2-111-120; EDN: WHARMV.
6. Medvedev A. V., Medvedev R. A. Limitation of the use of personal vehicles in favor of public: the opinion of Russians. *Sotsiologiya*, 2022: 4: 119–127 (in Russ.). EDN: KSGWJF.
7. Muleev E. Y. “Travel behaviour”, “Motility”, “Mobility”: revisited the conceptualization of terms. *Sotsiologicheskii zhurnal*, 2015: 21(3): 8–28 (in Russ.). DOI: 10.19181/socjour.2015.21.3.2375; EDN: UKAKEP.
8. Ovruckij A. V. Potreblenie kak funkciya kul'tury [Consumption as a function of culture]. *Izvestiya Bajkal'skogo gosun-ta*, 2011: 5: 220–225 (in Russ.). EDN: OIGINZ.
9. Rudenko N. Competing for the future: problematization of the contemporary system of automobility in public discourse by Yandex self-driving group. *Laboratorium*, 2022: 2: 73–102 (in Russ.). DOI: 10.25285/2078-1938-2022-14-2-73-101; EDN: PUHWZN.
10. Saveleva Ye. O. The changing of population transport behavior as a way to achieve sustainable mobility in Russian cities. *Vestnik PermNIPU. Prikladnaya ekologiya. Urbanistika*, 2021: 41(1): 5–18 (in Russ.). DOI: 10.15593/2409-5125/2021.01.01; EDN: NHPBNB.
11. Saveleva E. O. The factors of transportation behavior in the major cities of Russia. *Gradostroitel'stvo*, 2018: 57(5): 54-62 (in Russ.). EDN IIVGDL.
12. Sorokina N. V., Alipov D. V. The Means of Transport and Status Mobility: the Car in the Socio-Cultural Perspective. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*, 2013: 16(3): 210–215 (in Russ.). EDN: RODCHV.
13. Urri D. Mobilities. Moscow, Praksis, 2012: 576 (in Russ.).
14. Cairns S. et al. Sociological perspectives on travel and mobilities: A review. *Transportation Research Part A: Policy and Practice*, 2014: 63: 107–117.
15. Carrabine E., Longhurst B. Consuming the Car: Anticipation, Use and Meaning in Contemporary Youth Culture. *The Sociological Review*, 2002: 50(2): 181–196. DOI: 10.1111/1467-954X.00362.

16. Clark W., Wang W. The Automobile, Immigrants, and Poverty: Implications for Immigrant Earnings and Job Access. *Urban Geography*, 2010: 31(4): 523–540. DOI: 10.2747/0272-3638.31.4.523.
17. Cohen M. J. The future of automobile society: a socio-technical transitions perspective. *Technology Analysis & Strategic Management*, 2012: 24(4): 377–390. DOI: 10.1080/09537325.2012.663962.
18. Dant T. The Driver-car. *Theory, Culture & Society*, 2004: 21(4-5): 61–79. DOI: 10.1177/0263276404046061.
19. Deka D. Transit Availability and Automobile Ownership. *Journal of Planning Education and Research*, 2002: 21(3): 285–300. DOI: 10.1177/0739456X0202100306.
20. Gunn S. People and the car: the expansion of automobility in urban Britain, c.1955–70. *Social History*, 2013: 38(2): 220–237. DOI: 10.1080/03071022.2013.790139.
21. Joo J. The Impact of the Automobile and its Culture in the U.S. *International Area Studies Review*, 2007: 10(1): 39–54. DOI: 10.1177/223386590701000103.
22. Kent J. Still Feeling the Car – The Role of Comfort in Sustaining Private Car Use. *Mobilities*, 2015: 10(5): 726–747. DOI: 10.1080/17450101.2014.944400.
23. Ong P. Car Ownership and Welfare-to-Work. *Journal of Policy Analysis and Management*, 2001: 21: 239–252. DOI: 10.1002/pam.10025.
24. Sheller M., Urry J. The City and the Car. *International Journal of Urban and Regional Research*, 2000: 24(4): 737–757. DOI: 10.1111/1468-2427.00276.
25. Urry J. Inhabiting the Car. *The Sociological Review*, 2006: 54(1): 17–31. DOI: 10.1111/j.1467-954X.2006.00635.x.

The article was submitted on: October 5, 2024

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sofiya K. Makarevich, Graduate Student, Faculty of Social Sciences

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

DOI: 10.19181/vis.2025.16.1.9

EDN: RSUITO

Влияние офлайн и онлайн-практик на подростковое одиночество

Ссылка для цитирования: Ткач С., Русакова М. М., Санадзе Я. Д. Влияние офлайн и онлайн-практик на подростковое одиночество // Вестник Института социологии. 2025. Том 16. № 1. С. 163–179. DOI: 10.19181/vis.2025.16.1.9; EDN: RSUITO.

For citation: Tkach S., Rusakova M. M., Sanadze Ya. D. The impact of offline and online practices on teenage loneliness. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 1. P. 163–179. DOI: 10.19181/vis.2025.16.1.9; EDN: RSUITO.

SPIN-код: 6740-2773

Ткач Сергей¹

¹Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

s.tkach@spbu.ru

SPIN-код: 8271-1174

Русакова Майя Михайловна¹

¹Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

m.rusakova@spbu.ru

SPIN-код: 5405-2133

Санадзе Яков Давидович¹

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

y.sanadze@spbu.ru

Аннотация. В статье рассмотрены подходы к исследованию одиночества, а также феномена одиночества в толпе. Особенное внимание уделено влиянию цифровизации на распространенность одиночества. При помощи построенной регрессионной модели наименьших квадратов установлено, как цифровизация влияет на субъективное чувство одиночества. Построенная модель позволила объяснить 91% вариативности зависимой переменной – субъективного чувства одиночества. Выборочная совокупность составила 136 438 человек – подростки в возрасте 14–17 лет в 86 регионах страны, 26% респондентов проживали в сельской местности, 21% – в поселках городского типа, 38% – в городах до 500 тыс. жителей, 10% – в крупных городах (от 500 тыс. до 1 млн. жителей) и 5% в городах-миллионниках, 39% подростков были мужского пола и 61% – женского. В основу теоретической модели легли гуманистический экзистенциализм Ж.-П. Сартра, теория структуризации Э. Гидденса и теория копинг-стратегий Е. Гентина и Р. Чен. Полученные результаты демонстрируют, что феномен одиночества в толпе слабо распространен среди российских подростков. Среди онлайн-практик, в которых проявляются изменения, привносимые цифровизацией в повседневность, снижают чувство одиночества пассивное потребление контента (просмотр видео, чтение новостей, поиск нужной информации и т. д.). Производство контента (ведение блога, творческая деятельность), наоборот, повышает такое чувство у подростков. Зависимость чувства одиночества от офлайн-практик большей частью может быть интерпретирована тем, к каким копинг-стратегиям эти практики могут быть отнесены: активным или пассивным. Пассивные копинг-стратегии (поедание вкусных блюд, посещение торговых центров и т. д.) приводили к росту чувства одиночества, а активные копинг-стратегии (поиск новых знакомств, посещение кружков и секций и т. д.) приводили, соответственно, к снижению чувства одиночества. Обнаруженные в этом исследовании закономерности позволяют сформулировать направления дальнейших исследований механизмов, посредством которых та или иная практика формирует или, наоборот, защищает подростков от чувства одиночества.

Ключевые слова: копинг-стратегии, чувство одиночества, гуманистический экзистенциализм, структуриализм, одиночество в толпе, подростковое одиночество, онлайн-практики, цифровизация

Введение

Одиночество, как социальный феномен, находится на острие общественных дискуссий. Широкий спектр мнений простирается от заявлений политиков и ученых об эпидемии одиночества¹ до критики излишнего алармизма вокруг этой темы [10]. Особенные опасения связаны с подростками, которые оказываются более атомизированными, нежели их сверстники из предыдущих поколений, и жизнь которых неразрывно связана с онлайн-практиками, привнесенными в их жизнь цифровизацией как социальным явлением [30]. Ж. В. Пузанова отмечает, что исследованиям подросткового одиночества уделяется больше внимания, нежели одиночеству в других возрастных группах [8]. Это обусловлено, полагает социолог, рассмотрением одиночества, как явления, оказывающего негативное влияние на социализацию и адаптацию подростков. Подростковое одиночество,

¹ Loneliness – What Characteristics and Circumstances are Associated with Feeling Lonely? (Apr. 2018). P. 2–3 // Office for National Statistics. URL: <https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/wellbeing/articles/lonelinesswhatcharacteristicsandcircumstancesareassociatedwithfeelinglonely/2018-04-10> (дата обращения: 18.08.2023).

отсюда, видится особенно опасным явлением, так как нарушения ранней социализации могут сохраняться на протяжении всей жизни человека. Кроме того, А. Г. Гизатуллина демонстрирует, что распространенность одиночества в подростковой среде выше, чем в других возрастных группах, что опровергает существующие стереотипы о коммуникабельности подростков [4].

О преимущественно негативно эмоционально окрашенном переживании одиночества в подростковом возрасте пишут и другие авторы: С. В. Малышева, Н. А. Рождественская. Авторы демонстрируют, что ощущаемое чувство одиночества подростками приводит к личностным изменениям, в особенности связанным со снижением самооценки [6]. Понимание одиночества подростками как преимущественно негативного переживания отмечается и в работе Н. В. Перешейной [7].

Как отмечает О. Ланг, именно цифровизация и привносимые ею социальные изменения повседневности могут стоять за возможной эпидемией одиночества [25]. Цифровизация как социальное явление выражается в привносимых в жизнь подростков онлайн-практиках. Такие практики, ориентированные на сближение с другими через коммуникацию, поиск новых знакомств, имеют неоднозначное влияние на субъективное чувство одиночества. В краткосрочной перспективе, о чем пишет А. В. Андреевкова, онлайн-общение снижает чувство одиночества среди молодежи, однако в долгосрочной перспективе, особенно при росте объемов цифровых практик, усиливает это чувство, что требует более детального рассмотрения влияния онлайн-практик [2].

Другим заслуживающим внимание явлением в тематике исследований одиночества становится одиночество в толпе – разрыв между наблюдаемыми активными социальными связями и субъективно ощущаемым одиночеством. Отсюда особенно значимым видится вопрос, какие практики подростковой жизни в офлайн и онлайн-среде оказываются ключевыми в формировании чувства одиночества, и насколько явление одиночества в толпе оказывается распространенным среди них. Причины подросткового одиночества во многих работах, включает Ж. В. Пузанова, рассматриваются в призме психологии и социальной психологии, однако значительным потенциалом для объяснения причин одиночества обладает социология и социологические теории [8]. На это указывает и отечественный классик – И. С. Кон [5].

Связь цифровизации и одиночества

В общественных науках исследования одиночества имеют давнюю традицию: от исследования причин одиночества до влияния одиночества на экономическое благополучие населения. Важными в контексте настоящего исследования видятся работы, которые описывают связь повседневных практик и социального одиночества. В частности, Л. Паплау называет такие практики «ситуациями», обращаясь к терминологии социальной психологии. Исследователь замечает, что жизненные ситуации различаются по возможностям, которые они предоставляют для социального контакта и установления новых отношений [28].

В контексте анализа влияния социального явления цифровизации на одиночество заслуживает внимания работа Е. Гентина и Р. Чен. Авторы показывают, что открытость к онлайн-коммуникации напрямую связана с субъективным чувством одиночества. Сильное глубоко переживаемое одиночество приводит к выбору пассивной копинг-стратегии – подростки смиряются со своим одиночеством и отказываются предпринимать серьезные попытки подружиться с кем-либо как онлайн, так и офлайн [20]. О превалировании практик над социально-демографическими характеристиками среди факторов одиночества отмечается также и в работе К. Дилорियो и Б. Райли. Исследователи показывают, что практики планирования будущего и активной деятельной позиции в настоящем оказываются куда более значимыми, нежели гендер, раса, национальность и возраст, если речь идет о подростках [16].

В исследовательской литературе существуют три основные позиции о том, как цифровизация повлияла на одиночество. В рамках первой позиции описывается утопическая картина, в которой цифровые технологии автоматизируют нашу повседневность и разрывают, таким образом, существующие в ней связи. В качестве классического примера рассуждений такого рода можно представить монографию К. Фрей и М. Осборн [19]. Авторы пессимистично смотрят на цифровизацию в частности и технологии в целом, отмечая в неомарксистском ключе, что они призваны, скорее, разрушать устоявшиеся повседневные коммуникативные практики, ведя нас к безжизненному и стерильному миру. О негативном влиянии цифровизации и цифровых технологий на одиночество пишет также О. В. Бесчетнова со соавторами. Исследователи утверждают, что увеличение продолжительности интернет-активности подростков, которая не сопровождается чувством удовлетворения, приводит к росту уровня фрустрации и одиночества [3].

Вторая позиция выражается в предположении о позитивном эффекте, цифровизации. Согласно данной позиции, цифровые технологии способствуют созданию новых социальных связей. Идея восходит к парадигме технологического оппортунизма, которая изложена, например, в программной статье М. Манна [33]. Автор подходит к мысли, что технологии в целом и цифровые технологии в частности способны создавать новые практики через экономическую теорию потребностей: технология, развиваясь, способна почти что бесконечно отодвигать представления людей о достойной жизни. В частности, в работе Д. Ли и др. авторы приводят классификацию новых форм коммуникации, которые возникли в сообществах социальных сетей [24]. В строгом смысле речь идет о возникновении качественно новых практик общения, которые отличаются в своей сути от ранее существовавших. На это, например, указывает У. Эко в своей открытой лекции «От Интернета к Гутенбергу: текст и гипертекст», где он выражает осторожный оптимизм, что цифровизация не только позволит связывать людей, которые до появления интернета никогда не смогли бы вступить друг с другом в дискуссию, но и обогащать общение. Например, отмечает философ, это возможно посредством использования в сообщениях активных ссылок, медиафайлов и иных средств¹. К похожим выводам приходят и Р. Уэй и др.

¹ Эко У. От Интернета к Гутенбергу: текст и гипертекст. URL: <http://umbertoeco.ru/ot-interneta-k-gutenbergu-tekst-i-gipertekst/> (дата обращения: 18.08.2023).

Исследователи демонстрируют, что активное использование мобильных телефонов не только позволяет снизить чувство субъективного одиночества у подростков, но и положительно сказывается на их ментальном здоровье [26].

Наконец, третья позиция в дискуссии о связи цифровизации и одиночества заключается в том, что онлайн-практики не оказывают вовсе никакого влияния. Она представлена, например, в концепции цифрового капитализма, разработанной в монографии С. Зубофф [34]. Общение и поиск знакомств в интернете воспроизводит уже существующие практики, отмечает автор, но лишь в цифровой среде. Отсюда люди, бывшие одиночками офлайн, остаются такими и в интернете.

Говоря же об одиночестве в толпе, также распространенном в обществе в условиях цифровизации, само явление видится контринтуитивным по своей природе, а потому его открытие в социологии восходит к традиции исследования группового поведения. В частности, А. Авени открывает это явление при анализе групповой динамики толпы футбольной команды, празднующей победу [12]. В, казалось бы, сплоченной единой эмоцией толпе, замечает автор, находится место одиночеству. Всестороннее рассмотрение этого явления, в дальнейшем, было приведено в работе Качиоппо и др., где авторы указывают на распространение этого явления в современном мире [14]. Большое число исследований концентрируют свое внимание на долгосрочных последствиях одиночества в толпе. М. Шафер и др. демонстрируют, что перенесенный опыт такого одиночества совместно с травлей в школе влияют на уровень самооценки во взрослой жизни и способность строить устойчивые дружеские отношения [32]. Феномен одиночества в толпе приобретает все более широкое распространение в академической литературе. О нем пишут в контексте подросткового насилия и обеспечения безопасности [29], современного социального урбанизма [13]. Отдельного внимания заслуживают работы, поднимающие проблемы роста одиночества в связи с интернет-эскапизмом. Онлайн-практики не объединяют, а, наоборот, разъединяют пользователей, так как они носят преимущественно пассивный характер. Пользователи большей частью ищут информацию, смотрят видео, читают новости и книги, но не вступают в дискуссии. На эту тему пишет, например, С. Охно [27] и Дж. Гамильтон [23]. Среди практик, которые способствуют развитию такого одинокого эскапизма, Д. Хагстром и В. Кальдо выделяют многопользовательские ролевые онлайн-игры [22]. Особенно такая тенденция интернет-эскапизма усилилась после локдаунов пандемии COVID-19 [18].

Такие рассуждения приводят к вопросу о необходимости построения модели факторов одиночества среди подростков для выявления вклада отдельных практик в условиях цифровизации в субъективно ощущаемое чувство. Стоит отметить, что существует множество исследований, где эмпирической базой выступают взрослые респонденты, например, это работы Дж. Де Йонг-Гервельд [15], Л. Антонио-Толанд [11] и др. Однако недостаточно исследованным видится вопрос, как онлайн-практики как проявление цифровизации, а также офлайн-практики подростков оказывают влияние на переживаемое ими субъективное чувство одиночества, и насколько распространенным для подростков оказывается одиночество в толпе.

Методология исследования

В основе теоретической модели лежит логика гуманистического экзистенциализма Ж.-П. Сартра: какое-либо конституирующее высказывание человека о себе происходит из череды его поступков [31]. Человек может назвать себя одиноким, отсюда, только из жизни, наполненной действиями, которые подтверждают в нем уверенность в одиночестве. Переводя эту логику на язык социологии, можно указать, что субъективное чувство одиночества рождается из множества практик, которые определяют, насколько человек будет считать себя одиноким.

Однако, кроме отношения наполнения, связь между практиками и одиночеством может быть выражена более сложно. Практики могут не только перформативно создавать одиночество, но могут и выполнять роль интеграционных и дезинтеграционных. Иными словами, одни практики будут способствовать образованию социальных связей, а другие, наоборот, будут их разрушать. Практики образуют устойчивые формы социальных взаимодействий, как об этом писал Э. Гидденс, посредством структуры [21]. Социальное взаимодействие, отсюда, будет своим своеобразием наделять или, наоборот, лишать человека чувства одиночества. Некоторые увлечения будут хорошими поводами подружиться и открыться другим. А некоторые, наоборот, будут делать подростков более закрытыми. Кроме того, как уже было показано на примере исследования Р. Чен и Е. Гентина, такие практики могут быть интерпретированы с позиции копинг-стратегий. Базовым допущением здесь выступает то, что человек по своей природе социален и тянется к другим. Также, как показано выше, подростки воспринимают одиночество преимущественно как негативное чувство, а потому будут стараться как-то справиться с ним. Пассивной копинг-стратегией будет смирение с одиночеством, а активной, наоборот, интеграция в различные клубы, кружки, поиск знакомств и общения. Под копинг-стратегией будет пониматься множество практик, к которым прибегает подросток, чтобы справиться с негативной (стрессовой) для него ситуацией одиночества. Отдельные практики такой стратегии, соответственно, могут быть названы копинг-практиками.

Такая теоретическая модель позволяет сформулировать методику анализа. В качестве основного метода в работе выступает построение регрессионной модели наименьших квадратов. Зависимой переменной выступает ответ респондентов на вопрос «Как часто ты чувствуешь себя одиноким даже в компании друзей?». Чем больше значение переменной, тем реже подросток испытывает чувство одиночества. В качестве независимых переменных выступают разного рода практики самих подростков.

Цель исследования: определить, как социальное явление цифровизации, выраженное в онлайн-практиках, а также офлайн-практики влияют на субъективно переживаемое подростками чувство одиночества.

В задачи исследования входило определение уровня субъективно ощущаемого одиночества среди опрошенных подростков, выделение наиболее популярных практик досуга в цифровом обществе среди подростков,

построение регрессионной модели зависимости уровня одиночества от практик. Объектом исследования выступает субъективное понимание подростками чувства одиночества. Предмет исследования: влияние социального явления цифровизации на формирование субъективного одиночества у подростков.

Выборочная совокупность составила 136 438 человек – подростков в возрасте от 14 до 17 лет в 86 регионах страны, 26% респондентов проживали в сельской местности, 21% – в поселках городского типа, 38% – в городах до 500 тыс. жителей, 10% – в крупных городах (от 500 тыс. до 1 млн. жителей) и 5% в городах-миллионниках, 39% подростков были мужского пола и 61% – женского. Сбор данных проходил в период с 20.06.2022 по 02.10.2022. Помощь в распространении анкеты среди подростков оказывали государственные органы, отвечающие за защиту прав детей (Детские общественные советы при уполномоченных по правам ребенка в субъектах РФ, региональные министерства). Выборочная совокупность формировалась стихийно. Подростки получали ссылку для заполнения анкеты на различных образовательных платформах, порталах, в социальных сетях, через каналы внутренних рассылок образовательных организаций.

Результаты

Представленная в методологии теоретическая модель связывает онлайн и офлайн-практики с субъективно ощущаемым подростками одиночеством. Онлайн-практики понимаются авторами как проявление социального явления цифровизации в жизни подростков. В качестве офлайн-практик были отобраны прогулки с друзьями; общение с учителями; проведение времени со знакомыми из секций, клубов; занятия спортом; проведение времени с домашними животными; общение с одноклассниками; игры; проведение времени с парнем/девушкой; сходить вкусно поесть; проведение времени наедине с собой; посещение торговых центров. К числу онлайн-практик были отнесены общение; заведение новых знакомств; просмотр видео на YouTube; поиск нужной информации; онлайн-игры; чтение новостей; прохождение онлайн-курсов; онлайн-шоппинг, творческая деятельность; ведение блога, канала; чтение электронных книг, комиксов, манги. Подбор данных практик в качестве независимых переменных должен был охватить разнообразие форм времяпрепровождения подростков в офлайн-жизни и онлайн. В анкете данные переменные представляли собой варианты ответов на вопрос о типичном времяпрепровождении, в котором респондентам предлагалось выбрать все подходящие варианты ответа. Для анализа вопрос был перекодирован в дихотомические переменные. Для практик общения с учителями и одноклассниками, а также заведения новых знакомств в интернете использовалась четырехкомпонентная ранговая шкала степени согласия с утверждениями «Мне правда приятно общаться со многими учителями», «Общение с боль-

шинством одноклассников мне по-настоящему нравится», «Я пользуюсь интернетом, чтобы завести новые знакомства», где 1 – полностью не согласен, а 4 – полностью согласен. В качестве зависимой переменной был выбран вопрос «Как часто ты чувствуешь себя одиноко даже в компании друзей?», представляющей собой ранговую четырехкомпонентную шкалу, где 1 – всегда, а 4 – никогда. Описательные статистики используемых в анализе переменных приведены в таблице 1, сгруппированы для онлайн и офлайн-практик и упорядочены в алфавитном порядке.

Таблица 1 (Table 1)

Описательные статистики используемых в анализе переменных
Descriptive statistics of the variables used in the analysis

Переменные	Ср. знач.	Ст. откл.	Мин. знач.	Медиана	Макс. знач.
Офлайн-практики					
Занятия спортом	0,29	0,45	0,00	0,00	1,00
Игры	0,46	0,50	0,00	0,00	1,00
Общение с одноклассниками	1,89	0,91	1,00	2,00	5,00
Общение с учителями	1,83	0,77	1,00	2,00	5,00
Посещение торговых центров	0,08	0,28	0,00	0,00	1,00
Проведение времени наедине с собой	0,39	0,49	0,00	0,00	1,00
Проведение времени с домашними животными	0,23	0,42	0,00	0,00	1,00
Проведение времени с парнем/девушкой	0,19	0,39	0,00	0,00	1,00
Проведение времени со знакомыми из секций, клубов	0,09	0,29	0,00	0,00	1,00
Прогулки с друзьями	0,59	0,49	0,00	1,00	1,00
Сходить вкусно поесть	0,23	0,42	0,00	0,00	1,00
Онлайн-практики					
Ведение блога, канала	0,06	0,23	0,00	0,00	1,00
Заводить новые знакомства	2,45	0,92	1,00	2,00	5,00
Общение в социальных сетях	0,76	0,43	0,00	1,00	1,00
Онлайн-игры	0,46	0,50	0,00	0,00	1,00
Онлайн-игры	0,46	0,50	0,00	0,00	1,00
Онлайн-шопинг	0,19	0,39	0,00	0,00	1,00
Поиск нужной информации	0,60	0,49	0,00	1,00	1,00
Просмотр видео на YouTube	0,62	0,49	0,00	1,00	1,00
Творческая деятельность	0,15	0,35	0,00	0,00	1,00
Чтение новостей	0,29	0,45	0,00	0,00	1,00
Чтение электронных книг, комиксов, манги	0,29	0,45	0,00	0,00	1,00
Зависимая переменная					
Субъективно ощущаемое одиночество	3,22	0,72	1,00	3,00	5,00

Модель влияния практик цифровизации (онлайн-практик) и офлайн-практик на одиночество

В результате проведенного анализа была получена регрессионная модель, которая позволяет оценить вклад разного рода практик в субъективно переживаемое чувство одиночества. Подробнее факторы представлены в Таблице 2. Они сгруппированы на практики, привнесенные цифровизацией (то есть онлайн-практики), и офлайн-практики, а затем проранжированы по силе оказываемого эффекта: сначала позитивного, а потом негативного.

Таблица 2 (Table 2)

Коэффициенты независимых переменных, $R^2 = 0,91$ *Coefficients of independent variables, $R^2 = 0.91$*

Независимые переменные	Coef	Ст. откл.	t	p-значение	[,025	,975]
Офлайн-практики						
Прогулки с друзьями	0,4223	0,006	74,109	0,000	0,411	0,433
Общение с учителями	0,2841	0,004	79,850	0,000	0,277	0,291
Проведение времени со знакомыми из секций, клубов	0,2592	0,010	27,024	0,000	0,240	0,278
Занятия спортом	0,2487	0,006	40,931	0,000	0,237	0,261
Проведение времени с домашними животными	0,1402	0,007	21,286	0,000	0,127	0,153
Общение с одноклассниками	0,1084	0,003	34,413	0,000	0,102	0,115
Игры	0,0792	0,007	11,553	0,000	0,066	0,093
Проведение времени с парнем/девушкой	0,0632	0,007	8,727	0,000	0,049	0,077
Сходить вкусно поесть	-0,3705	0,187	-1,980	0,048	-0,737	-0,004
Проведение времени наедине с собой	-0,1627	0,006	-27,078	0,000	-0,174	-0,151
Посещение торговых центров	-0,0206	0,010	-2,061	0,039	-0,040	-0,001
Онлайн-практики						
Общение в социальных сетях	0,6946	0,006	110,871	0,000	0,682	0,707
Заведение новых знакомств	0,5084	0,002	207,589	0,000	0,504	0,513
Просмотр видео на YouTube	0,1708	0,006	28,941	0,000	0,159	0,182
Поиск нужной информации	0,1160	0,006	19,176	0,000	0,104	0,128
Онлайн-игры	0,1051	0,007	15,424	0,000	0,092	0,118
Чтение новостей	0,0578	0,006	9,151	0,000	0,045	0,070
Прохождение онлайн-курсов	0,0226	0,007	3,051	0,002	0,008	0,037
Онлайн-шопинг	-0,0751	0,007	-10,177	0,000	-0,090	-0,061
Творческая деятельность	-0,0531	0,008	-6,608	0,000	-0,069	-0,037
Ведение блога, канала	-0,0318	0,012	-2,668	0,008	-0,055	-0,008
Чтение электронных книг, комиксов, манги	-0,0173	0,006	-2,741	0,006	-0,030	-0,005

Интерпретируя результаты, полученные в ходе проведенного анализа, мы можем выделить те практики, которые реализуются подростками преимущественно офлайн, и те, которыми они занимаются большей частью онлайн. Для начала разберем вклад в субъективно ощущаемое чувство одиночества офлайн-практик.

Наиболее важной практикой, снижающей чувство субъективного одиночества, являются прогулки и общение с друзьями. Тремя другими практиками, которые сильнее остальных профилактируют чувство субъективного одиночества, являются общение с учителями, общение со знакомыми из секций, клубов, а также занятия спортом. Другими словами, феномен «одиночества в толпе», о котором пишут Дж. Качиоппо и др., является, скорее, редким явлением для российской молодежи. Занятия спортом же могут как непосредственно вести к появлению новых знакомств (занятия командными видами спорта или посещение спортивных секций), так и влиять на общее субъективное самочувствие и, отсюда, на уровень пессимизма в оценке своего одиночества. Выделяемые практики могут быть обозначены в качестве активных копинг-практик.

Другие отобранные для анализа социальные практики оказывают статистически значимое, однако слабое влияние на уровень ощущаемого одиночества: общение с одноклассниками, домашними животными, романтическим партнером.

Если же говорить про офлайн-практики, которые негативно сказываются на чувстве одиночества, то это вкусное питание, походы в торговый центр и различный досуг в наедине с собой.

Среди практик, привнесенных в повседневность подростков цифровизацией, наибольший вклад в субъективно ощущаемое одиночество вносят общение в интернете и поиск новых знакомств. Эти практики мы можем отнести к активным копинг-практикам. Подростки, которые явно обозначают для себя общение, как приоритетную практику досуга, испытывают наименьшее чувство одиночества. Менее выраженный, однако значимый, позитивный вклад оказывают увлечение компьютерными играми, просмотр видео на YouTube, поиск нужной информации, чтение новостей, просмотр обучающих видео. Эти практики создают условия для общения через формирование общих тем для разговора или условий, в которых такой разговор может произойти.

Среди наиболее значимых негативных факторов можно выделить онлайн-шоппинг и творческую деятельность. Менее сильный негативный вклад вносят чтение книг и ведение своего блога. Все эти практики можно рассматривать в виде копинг-практик, к которым прибегают подростки, чтобы справиться с негативным переживанием одиночества. Совокупно мы можем резюмировать, что подростки, выбирающие активные копинг-практики (поиск знакомств в интернете, посещение кружков, секций и т. д.), меньше испытывают одиночество, нежели те, кто выбирают пассивные – избегающие стратегии (совершение покупок в торговых центрах, в интернете, вкусно покушать и т. д.). Также снижению чувства

субъективного одиночества в меньшей степени способствуют практики, ориентированные на формирование условий, в которых могут возникнуть новые знакомства или ситуации общения.

Выводы

Результаты проведенного исследования лишь частично подтверждают гипотезу о связи копинг-стратегий и одиночества. Наиболее популярной практикой, привнесенной в повседневность цифровизацией, выступает пассивное потребление контента: поиск информации, чтение новостей, книг, комиксов, манги, просмотр видео и фильмов. Однако основная часть таких практик, наоборот, снижает уровень ощущаемого одиночества (кроме чтения книг). Активное производство контента, наоборот, способствует одиночеству: творческая деятельность, ведение собственных блогов, каналов. Это также поднимает вопросы о справедливости выделяемого Е. Гентиной и Р. Чен деления копинг-стратегий на активные и пассивные. Активная деятельность приумножает одиночество, а пассивная, наоборот, снижает его. Гипотезу, однако, удастся подтвердить для приводимых в работе Е. Гентиной и Р. Чен примеров активных копинг-стратегий: общение и поиск знакомств действительно снижают чувство одиночества сильнее любых других практик. Это позволяет задаться вопросом, что в условиях цифровизации разделение на практики, способствующие одиночеству и профилактирующие его, находится в иной плоскости. Таким разделением может быть время, проводимое онлайн: с одиночеством связывается, как правило, более длительное использование интернета в течение дня [1]. Подростки, создающие контент, могут тратить на использование интернета значительно больше времени, нежели подростки, преимущественно потребляющие контент. Такая гипотеза требует проверки в дальнейших исследованиях.

Также заслуживает интерес само разделение на практики производства и потребления онлайн-контента. Более ранние исследования показывают, что практика производства онлайн-контента негативно влияет на субъективное благополучие подростков, а потребления – позитивно [9]. Это позволяет задать вопрос в рамках научной дискуссии о том, какое влияние на благополучие подростка оказывает увлечение онлайн-творческой деятельностью. Более подробный анализ этого вопроса также может быть направлением дальнейших исследований.

Для офлайн-практик ситуации выглядит более однозначной. Теоретическая интерпретация офлайн-практик в плоскости копинг-стратегий позволяет объяснить большую часть обнаруживаемых эффектов. Пассивные стратегии – досуг наедине с собой, поедание вкусной еды, посещение торговых центров – явные примеры пассивных копинг-стратегий, которые, в соответствии с теоретическими предположениями, усиливают ощущение одиночества.

Авторам не удалось подтвердить гипотезу о распространенности феномена «одиночества в толпе» среди подростков. Подростки, которые чаще общаются и онлайн, и офлайн, реже испытывают чувство одиночества. В приводимых в статье работах феномен «одиночества в толпе» часто рассматривается в совокупности с буллингом и иным насилием [32]. В дальнейших исследованиях можно детальнее рассмотреть вклад переживаемого буллинга/иного насилия, как медиаторной переменной для чувства «одиночества в толпе».

Среди ограничений исследования следует выделить выборочную совокупность. Метод рекрутирования респондентов состоял в размещении ссылок на анкеты на различных платформах/порталах/социальных сетях/каналах внутренних рассылок и стихийном наполнении выборки. Также среди ограничений важно упомянуть специфику метода онлайн-опроса: он не позволяет провести детальную диагностику и запечатлеть возможное разнообразие форм и проявлений одиночества.

Обнаруженный феномен повышения чувства одиночества у подростков, увлекающихся творческими хобби (рисование, написание художественных текстов и т. д.), заслуживает отдельного исследования, так как, как показывают современные работы, такие хобби должны, наоборот, не только снижать чувство одиночества, но и другие симптомы ментальных расстройств [17]. Дальнейших исследований также заслуживает сам процесс организации общения в сети и поиска новых знакомств: какие платформы выступают посредниками в этих процессах, каких стратегий придерживаются здесь подростки.

Библиографический список

1. Алексеев Г. А., Дюльденко А. А. Особенности виртуального поведения пользователей, зависимых от социальных сетей // Вестник Томского госун-та. 2021. № 467. С. 100–105. DOI: 10.17223/15617793/467/13; EDN: GQZPEJ.

2. Андреевкова А. В. Цифровизация социальных контактов среди студенческой молодежи в России во время пандемии коронавируса // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. Т. 6. № 160. С. 403–426. DOI: 10.14515/monitoring.2020.6.1749; EDN: OKHUXS.

3. Бессчетнова О. В., Волкова О. А. и др. Влияние цифровых медиа на психическое здоровье детей и молодежи // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2021. Т. 29. № 3. С. 462–467. DOI: 10.32687/0869-866X-2021-29-3-462-467; EDN: PHQGGD.

4. Гизатуллина А. Г. Одиночество дефицит открытости в ситуации изменений // Вестник Томского госун-та. 2013. № 367. С. 136–138. EDN: PVSGSV.

5. Кюн И. С. Многоликое одиночество // Знание – сила. 1986. № 12. С. 40–42.

6. Малышева С. В., Рождественская Н. А. Особенности чувства одиночества у подростков // Вестник Московского ун-та. Сер. 14. Психология. 2001. № 3. С. 63–86.
7. Перешеина Н. В. Психология одиночества у законопослушных и криминальных подростков: Дисс. ... канд. пед. наук. М., 1999. 147 с.
8. Пузанова Ж. В. Одиночество: возможности эмпирического исследования // Вестник РУДН. Сер. Социология. 2008. № 4. С. 28–38. EDN: JUTDIP.
9. Ткач С., Русакова М. М. Повседневные практики и жизненные ориентации в субъективном благополучии подростков // Благополучие в образовании: современные исследования: сб. науч. ст. / Под ред. Т. Н. Канонир, А. И. Савенкова. М.: НИУ ВШЭ, 2024. С. 83–97.
10. Alberti F. B. This “Modern Epidemic”: Loneliness as an Emotion Cluster and a Neglected Subject in the History of Emotions // *Emotion Review*. 2018. Vol. 10. No. 3. P. 242–254. DOI: 10.1177/1754073918768876.
11. Antognoli-Toland P. L. Adolescent loneliness: Testing a predictive model // *Journal of Theory Construction & Testing*. 2000. Vol. 4. Iss. 1. P. 7–13.
12. Aveni A. F. The Not-So-Lonely Crowd: Friendship Groups in Collective Behavior // *Sociometry*. 1977. No. 40(1). P. 96–99. DOI: 10.2307/3033551.
13. Boyd M., Calvert C. et. al. Lonely in a crowd: Loneliness in New Zealand retirement village residents // *International Psychogeriatrics*. 2021. No. 33(5). P. 481–493. DOI: 10.1017/S1041610220000393.
14. Cacioppo J. T., Fowler J. H., Christakis N. A. Alone in the crowd: the structure and spread of loneliness in a large social network // *Journal of personality and social psychology*. 2009. No. 97(6). art. 977. DOI: 10.1037/a0016076.
15. de Jong-Gierveld J. Developing and testing a model of loneliness // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1987. No. 53(1). P. 119–128. DOI: 10.1037//0022-3514.53.1.119.
16. Dilorio C., Riley B. Predictors of Loneliness in Pregnant Teenagers // *Public Health Nursing*. 1988. No. 5(2). P. 110–115. DOI: 10.1111/j.1525-1446.1988.tb00766.x.
17. Fancourt D., Opher S., de Oliveira C. Fixed-effects analyses of time-varying associations between hobbies and depression in a longitudinal cohort study: support for social prescribing? // *Psychotherapy and Psychosomatics*. 2020. No. 89(2). P. 111–113. DOI: 10.1159/000503571.
18. Fernandes B., Biswas U. N. et al. The impact of COVID-19 lockdown on internet use and escapism in adolescents // *Revista de psicología clínica con niños y adolescentes*. 2020. No. 7(3). P. 59–65. DOI: 10.21134/rpcna.2020.mon.2056.
19. Frey C. B., Osborne M. A. The future of employment: How susceptible are jobs to computerisation? Oxford, UK: University of Oxford, 2013. 72 p.

20. Gentina E., Chen R. Digital Natives' Coping with Loneliness: Facebook or Face-to-Face? // *Information & Management*. 2018. No. 56(6). art. 103138. DOI: 10.1016/j.im.2018.12.006.
21. Giddens A. Elements of the theory of structuration. The Blackwell reader // *Contemporary social theory*. 1999. P. 119–130.
22. Hagström D., Kaldo V. Escapism among players of MMORPGs—conceptual clarification, its relation to mental health factors, and development of a new measure // *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*. 2014. No. 17(1). P. 19–25. DOI: 10.1089/cyber.2012.0222.
23. Hamilton J. R. The electronic lonely crowd—patterns and effects of electronic media usage among contemporary adolescents // *International Journal of Arts & Sciences*. 2012. No. 5(3). P. 165–174.
24. Kim Y. H., Lee D. et al. Exploring characteristics of video consuming behaviour in different social media using K-pop videos // *Journal of Information Science*. 2014. No. 40(6). P. 806–822. DOI: 10.1177/0165551514551498.
25. Laing O. *The lonely city: Adventures in the art of being alone*. New York: Macmillan, 2016. 284 p.
26. Liu X., Wei R. Maintaining social connectedness in a fast-changing world: Examining the effects of mobile phone uses on loneliness among teens in Tibet // *Mobile Media & Communication*. 2014. No. 2(3) P. 318–334. DOI: 10.1177/2050157914535390.
27. Ohno S. Internet escapism and addiction among Japanese senior high school students // *International Journal of Culture and Mental Health*. 2016. No. 9(4). P. 399–406. DOI: 10.1080/17542863.2016.1226911.
28. Peplau L. A. *Loneliness Research: Basic Concepts and Findings // Social Support: Theory, Research and Applications*. 1985. P. 269–286. DOI: 10.1007/978-94-009-5115-0_15.
29. Phadke S. “You Can Be Lonely in a Crowd”: The Production of Safety in Mumbai // *Indian Journal of Gender Studies*. 2005. No. 12(1). P. 41–62. DOI: 10.1177/097152150401200102.
30. Rönkä A. R., Sunnari V. et al. Associations between School Liking, Loneliness and Social Relations among Adolescents: Northern Finland Birth Cohort 1986 Study // *International Journal of Adolescence and Youth*. 2017. No. 22(1). P. 93–106. DOI: 10.1080/02673843.2015.1136659.
31. Sartre J. P., Mairret P. *Existentialism and humanism*. London: Methuen. 1960. 28 p.
32. Schäfer M., Korn S. et al. Lonely in the crowd: Recollections of bullying // *British Journal of Developmental Psychology*. 2004. No. 22. P. 379–394. DOI: 10.1348/0261510041552756.
33. Wallerstein I., Collins R. et al. *Does capitalism have a future? UK*: Oxford University Press, 2013. 200 p.

34. Zuboff S. *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*. London: Profile Books, 2018. 540 p.

Получено редакцией: 19.08.23

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ткач Сергей, ведущий социолог, Центр прикладной социологии

Русакова Майя Михайловна, кандидат социологических наук, директор, Центр прикладной социологии

Санадзе Яков Давидович, ведущий специалист, Социологическая клиника прикладных исследований

DOI: 10.19181/vis.2025.16.1.9

The Impact of Offline and Online Practices on Teenage Loneliness

Sergey Tkach

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

s.tkach@spbu.ru

ORCID: 0000-0001-5016-9187

Maya M. Rusakova

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

m.rusakova@spbu.ru

ORCID: 0000-0003-1381-353X

Yakov D. Sanadze

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

y.sanadze@spbu.ru

ORCID: 0000-0002-3539-4957

For citation: Tkach S., Rusakova M. M., Sanadze Ya. D. The impact of offline and online practices on teenage loneliness. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 1. P. 163–179. DOI: 10.19181/vis.2025.16.1.9; EDN: RSUITO.

Abstract. The article examines approaches to studying loneliness, as well as the phenomenon of loneliness in a crowd. Particular attention is paid to the influence of online technologies on the prevalence of loneliness. Using the constructed least squares regression model, it was determined which offline and online practices affect the subjective feeling of loneliness. The constructed model allowed to explain 91% of the variability of the dependent variable – the subjective feeling of loneliness. The sample population consisted of 136,438 people – adolescents aged 14-17 years in 86 regions of the country. 26% of respondents lived in rural areas, 21% in urban-type settlements, 38% in small towns (up to 500 thousand residents), 10% in large cities (from 500 thousand to 1 million residents) and 5% in cities with a population of over a million, 39% of teenagers were male and 61% were female. The theoretical model was based on the humanistic existentialism of J.-P. Sartre, the A. Giddens' structuration theory and the theory of coping strategies of E. Gentin and R. Chen. The results obtained demonstrate that the phenomenon of loneliness in a crowd is not widespread among Russian teenagers. The majority of online practices that reduce the feeling of loneliness are passive consumption of content (watching videos, reading news, searching for the necessary information, etc.). Content production (blogging, creative activities), on the contrary, increases this feeling in teenagers. The dependence of the feeling of loneliness on offline practices can be mostly interpreted by what coping strategies these practices can be attributed to: active or passive. Passive coping strategies (eating tasty dishes, visiting shopping centers, etc.) led to an increase in the feeling of loneliness, and active coping strategies (searching for new acquaintances, visiting clubs and sections, etc.) led, accordingly, to a decrease in the feeling of loneliness. The patterns discovered in this study allow us to formulate directions for further research into the mechanisms by which this or that practice forms or, conversely, protects adolescents from the feeling of loneliness.

Keywords: coping-strategies, feelings of loneliness, humanistic existentialism, structuralism, loneliness in a crowd, teenage loneliness, online-practices, digitalization

References

1. Alekseev G. A., Dyul'denko A. A. Features of virtual behavior of users dependent on social networks. *Vestnik Tomskogo gosun-ta*, 2021:467: 100–105. DOI: 10.17223/15617793/467/13; EDN: GQZPEJ.
2. Andreenkova A. V. Digitization of social contacts among students in russia during the coronavirus pandemic. *Monitoring obshhestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnye peremeny*. 2020: 6(160): 403–426. DOI: 10.14515/monitoring.2020.6.1749; EDN: OKHUXS.
3. Besschetnova O. V., Volkova O. A. et al. The impact of digital media on the mental health of children and youth. *Problemy social'noj gigieny, zdravooxraneniya i istorii mediciny*, 2021: 29(3): 462–467. DOI: 10.32687/0869-866X-2021-29-3-462-467; EDN: PHQGGD.
4. Gizatullina A. G. Odinochestvo deficit otkrytosti v situacii izmenenij [Loneliness, lack of openness in situations of change]. *Vestnik Tomskogo gosun-ta*, 2013: 367: 136–138. EDN: PVSGSV.
5. Kon I. S. Mnogolikoe odinochestvo [The many faces of loneliness]. *Znanie – sila*, 1986: 12: 40–42.
6. Malysheva S. V., Rozhdestvenskaya N. A. Osobennosti chuvstva odinochestva u podrostkov [Features of feelings of loneliness in adolescents]. *Vestnik Moskovskogo un-ta. Ser. 14. Psixologiya*. 2001: 3: 63–86.
7. Peresheina N. V. Psixologiya odinochestva u zakonoposlushnyx i kriminal'nyx podrostkov [Psychology of loneliness in law-abiding and criminal teenagers]: Diss. ... cand. ped. sciences. Moscow, 1999: 147.
8. Puzanova Zh. V. Odinochestvo: vozmozhnosti e'mpiricheskogo issledovaniya [Loneliness: Opportunities for Empirical Research]. *Vestnik RUDN. Ser. Sociologiya*. 2008: 4: 28–38. EDN: JUTDIP.
9. Tkach S., Rusakova M. M. Everyday practices and life orientations in the subjective well-being of adolescents. In *Well-being in education: modern research: coll. of art*. Ed. by T. N. Kanonir, A. I. Savenkov. Moscow, NIU VShE', 2024: 83–97.
10. Alberti F. B. This “Modern Epidemic”: Loneliness as an Emotion Cluster and a Neglected Subject in the History of Emotions. *Emotion Review*, 2018: 10: 3: 242–254. DOI: 10.1177/1754073918768876.
11. Antognoli-Toland P L. Adolescent loneliness: Testing a predictive model. *Journal of Theory Construction & Testing*, 2000: 4(1): 7–13.
12. Aveni A. F. The Not-So-Lonely Crowd: Friendship Groups in Collective Behavior. *Sociometry*, 1977: 40(1): 96–99. DOI: 10.2307/3033551.
13. Boyd M., Calvert C. et. al. Lonely in a crowd: Loneliness in New Zealand retirement village residents. *International Psychogeriatrics*, 2021: 33(5): 481–493. DOI: 10.1017/S1041610220000393.
14. Cacioppo J. T., Fowler J. H., Christakis N. A. Alone in the crowd: the structure and spread of loneliness in a large social network. *Journal of personality and social psychology*, 2009: 97(6): 977. DOI: 10.1037/a0016076.
15. de Jong-Gierveld J. Developing and testing a model of loneliness. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1987: 53(1): 119–128. DOI: 10.1037//0022-3514.53.1.119.
16. Dilorio C., Riley B. Predictors of Loneliness in Pregnant Teenagers. *Public Health Nursing*, 1988: 5(2): 110–115. DOI: 10.1111/j.1525-1446.1988.tb00766.x.
17. Fancourt D., Opher S., de Oliveira C. Fixed-effects analyses of time-varying associations between hobbies and depression in a longitudinal cohort study: support for social prescribing? *Psychotherapy and Psychosomatics*, 2020: 89(2): 111–113. DOI: 10.1159/000503571.
18. Fernandes B., Biswas U. N. et al. The impact of COVID-19 lockdown on internet use and escapism in adolescents. *Revista de psicologia clínica con niños y adolescentes*, 2020: 7(3): 59–65. DOI: 10.21134/rpcna.2020.mon.2056.
19. Frey C. B., Osborne M. A. The future of employment: How susceptible are jobs to computerisation? Oxford, UK, University of Oxford. 2013: 72.
20. Gentina E., Chen R. Digital Natives' Coping with Loneliness: Facebook or Face-to-Face? *Information & Management*, 2018: 56(6): 103138. DOI: 10.1016/j.im.2018.12.006.
21. Giddens A. Elements of the theory of structuration. The Blackwell reader. Contemporary social theory, 1999: 119–130.

22. Hagström D., Kaldo V. Escapism among players of MMORPGs—conceptual clarification, its relation to mental health factors, and development of a new measure. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 2014: 17(1): 19–25. DOI: 10.1089/cyber.2012.0222.
23. Hamilton J. R. The electronic lonely crowd—patterns and effects of electronic media usage among contemporary adolescents. *International Journal of Arts & Sciences*, 2012: 5(3): 165–174.
24. Kim Y. H., Lee D. et al. Exploring characteristics of video consuming behaviour in different social media using K-pop videos. *Journal of Information Science*, 2014: 40(6): 806–822. DOI: 10.1177/0165551514551498.
25. Laing O. *The lonely city: Adventures in the art of being alone*. New York, Macmillan, 2016: 284.
26. Liu X., Wei R. Maintaining social connectedness in a fast-changing world: Examining the effects of mobile phone uses on loneliness among teens in Tibet. *Mobile Media & Communication*, 2014: 2(3): 318–334. DOI: 10.1177/2050157914535390.
27. Ohno S. Internet escapism and addiction among Japanese senior high school students. *International Journal of Culture and Mental Health*, 2016. 9(4): 399–406. DOI: 10.1080/17542863.2016.1226911.
28. Peplau L. A. Loneliness Research: Basic Concepts and Findings. *Social Support: Theory, Research and Applications*, 1985: 269–286. DOI: 10.1007/978-94-009-5115-0_15.
29. Phadke S. “You Can Be Lonely in a Crowd”: The Production of Safety in Mumbai. *Indian Journal of Gender Studies*, 2005: 12(1): 41–62. DOI: 10.1177/097152150401200102.
30. Rönkä A. R., Sunnari V. et al. Associations between School Liking, Loneliness and Social Relations among Adolescents: Northern Finland Birth Cohort 1986 Study. *International Journal of Adolescence and Youth*, 2017: 22(1): 93–106. DOI: 10.1080/02673843.2015.1136659.
31. Sartre J. P., Mairret P. *Existentialism and humanism*. London, Methuen. 1960: 28.
32. Schäfer M., Korn S. et al. Lonely in the crowd: Recollections of bullying. *British Journal of Developmental Psychology*, 2004: 22: 379–394. DOI: 10.1348/0261510041552756.
33. Wallerstein I., Collins R. et al. *Does capitalism have a future?* UK, Oxford University Press, 2013: 200.
34. Zuboff S. *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*. London: Profile Books. 2018: 540.

The article was submitted on: August 19, 2023

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sergey Tkach, Leading Sociologist, Center for Applied Sociology

Maya M. Rusakova, Candidate of Sociological Sciences, Director, Center for Applied Sociology

Yakov D. Sanadze, Leading Specialist, Sociological Clinic for Applied Research

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

DOI: 10.19181/vis.2025.16.1.10

EDN: WPXIUU.

Развлечения как способ противодействия стрессу в условиях социальной турбулентности¹

Ссылка для цитирования: Назарова И. Б. Развлечения как способ противодействия стрессу в условиях социальной турбулентности // Вестник Института социологии. 2025. Том 16. № 1. С. 180–199. DOI: 10.19181/vis.2025.16.1.10; EDN: WPXIUU.

For citation: Nazarova I. B. Entertainment as a way to counteract stress in the context of social turbulence. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 1. P. 180–199. DOI: 10.19181/vis.2025.16.1.10; EDN: WPXIUU.

Назарова Инна Борисовна^{1,2}

¹Институт социально-экономических проблем народонаселения имени Н. М. Римашевской ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

²Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

inna-nazarova@mail.ru

SPIN-код: 5172-5164

Аннотация. В данной статье анализируется структура развлечений современного россиянина и роль развлечений в период плохого настроения и стресса. Используются данные исследования Росстата 2022 г. – Комплексное наблюдение условий жизни населения (КОУЖ) и авторского исследования, основанного на данных 32 глубинных интервью по теме эмоционального здоровья. В соответствии с КОУЖ, посещают рестораны и кафе половина населения; кинотеатры – треть; зрелищные спортивные мероприятия предпочитают каждый четвертый мужчина и десятая женщина. Женщины выбирают интеллектуальные мероприятия и чаще посещают концерты, театры, музеи, выставки. В течение года посещал хотя бы одно из развлечений каждый пятый, столько же – два вида. Никаких развлекательных мероприятий не посещали треть населения. Данные глубинных интервью показали, что развлечение для человека – это то, что он считает таковым – различные виды деятельности, которыми он любит заниматься. При этом выделяют два основных вида развлечений: на личной территории и вне дома. Также различаются развлечения, организованные самостоятельно, с использованием собственных ресурсов (послушать музыку, посмотреть фильм) или развлечения, которые необходимо купить (поход в ресторан, кинотеатр, спортзал). Во время стресса люди не прибегают к развлекательным мероприятиям, требующим расходов в качестве средства улучшения настроения, и прибегают к простым развлечениям, которые придумали себе сами. Наиболее важные и часто упоминаемые развлечения – коммуникационные: общение с близкими (совместные занятия спортом, прогулки, просмотр телефильмов и т. д.). Им противопоставляются занятия, позволяющие уединиться (рисовать, читать книгу). Люди сочетают различные виды развлечений или выбирают одно из несколь-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ, в рамках научного проекта № 23-28-00942 «Эмоциональное здоровье жителей России (состояние и динамика за 26 лет)».

ких, что больше подходит в определенный момент. В период плохого эмоционального самочувствия определяются два вида стратегий, помогающих справиться со стрессом: для большинства – использование развлечения в период стресса или плохого настроения и для меньшинства – отказ от развлечений. Ограничения на выбор развлечений накладывает сезонность, географическое положение места проживания и тип поселения.

Ключевые слова: развлечение, хобби, эмоциональное самочувствие, стресс, удовольствие, настроение

Введение

Согласно данным социологических исследований¹, пятая часть россиян в 2022–2023 гг. были не удовлетворены жизнью. Это связывают с неблагоприятным состоянием человека в различных сферах жизнедеятельности, переживаниями, стрессовой или предстрессовой ситуацией [10]. Специалисты в медицинской сфере указывают на то, что люди могут находиться под воздействием стресс-факторов различного типа, в том числе комбинированного эффекта экологических, психологических, социальных, информационных, профессиональных, связанных с пандемией и т. п., ведущих к стрессу и влияющих на психосоматическое и физическое здоровье [2]. Актуальны стрессы, связанные с профессиональной деятельностью в различных сферах [11]. В связи с этим предлагается использовать позитивные методы борьбы со стрессом, включая немедицинские, в том числе привлекая личные ресурсы индивида. Например, доказываемся роль человеческого и социального капитала в регулировании психологического благополучия индивида [24]. Одним из инструментов борьбы со стрессом, которые доступны индивидам, можно рассматривать развлечения. Такое времяпрепровождение, которое доставляет удовольствие, включая хобби – любимые занятия для себя, на досуге [18].

Несмотря на важность и привлекательность развлечений, слабо исследованы структура развлечений в жизни современного человека, предпочтения и возможности развлечений улучшить эмоциональное самочувствие индивида.

Здесь на доступных данных будет предпринята попытка исследования структуры развлечений современного россиянина в зависимости от его социально-демографических особенностей, роли развлечений в период переживаний и стресса. Осуществлено исследование структуры социальной деятельности индивида, направленной на получение развлечений, удовольствия в различных сферах – частной (дом, семья) и общественной (посещение общественных учреждений, мероприятий и коммуникация с близкими вне домашнего пространства).

¹ Москва, 13 декабря 2023 г. ВЦИОМ представляет результаты мониторингового опроса о социальном самочувствии россиян. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskie-obzory/socialnoe-samochuvstvie-monitoring-13122023> (дата обращения: 15.08.2024).

Поведение индивида в сфере развлечений зависит от его личностных характеристик, интересов, возможностей (физических и материальных), установок. А также объективных факторов, связанных с доступностью различных инструментов развлечений – инфраструктуры развлечений (кино-театры, спортивные комплексы, театры и др.) и стоимостью (бесплатные, недорогие и дорогие) и возможностью взаимодействия с близкими людьми (родными, друзьями).

Эмоциональное самочувствие и терапевтическая функция развлечений

Наиболее распространенным пониманием стресса (дистресса) – является состояние повышенного нервного напряжения и ответная реакция организма человека на внешние раздражители, адаптация к внешним вызовам различной этимологии [2; 15]. В свою очередь уровнем стресса предлагается определять состояние эмоционального здоровья [30] или, в противовес стрессу – позитивными характеристиками состояния человека – счастьем, интересом к жизни и общей удовлетворенностью жизнью [27].

Поведение человека, связанное с развлечением, можно рассматривать в качестве ответной реакции на стресс, поскольку развлечения позволяют улучшить настроение, получить позитивные эмоции.

Развлечение – занятие, времяпрепровождение, которое является частью досуга и в более широком смысле – образа жизни человека [см., напр.: 6; 7; 14]. Связано оно с эмоциями (прежде всего позитивными) [см., напр.: 13]. Одно из важных свойств развлечения – это способность избавлять человека от негативного состояния – скуки, рутины повседневности [6]. К развлечениям относят различные виды деятельности, включая хобби – занятие для души, являющееся источником социально-культурной активности личности и определяющее динамику перехода от инициативной деятельности к активному социально-культурному творчеству, ведущему к процессам социализации и инкультурации личности [3].

Функциональный подход [12] позволяет рассмотреть основные функции развлечений, в том числе, направленные на поддержание настроения индивида, борьбу со стрессом. Развлечения традиционно связываются с функцией – доставлять удовольствие человеку: удовольствие от физических ощущений и воображаемые ощущения в отсутствие реальных [31]. Рассматривая образ жизни современного человека, можно отметить, что развлечение стало неотъемлемой частью не только частной жизни [см., напр.: 6; 7; 14], но вошло в сферу образования, труда, обеспечения здоровья.

С точки зрения функционального подхода, развлечение, помимо функций досуговой и гедонистической, выполняет функции, которые являются основными для других институтов: обучение и развитие для образования [см., напр.: 5], уход за детьми для семьи [см., напр.: 24], терапевтическая функция в медицине.

Терапевтическая функция развлечения отмечается в процессе лечения болезни и реабилитации в различных ситуациях при проявлениях проблем со здоровьем. Это направлено на изменение психоэмоционального состояния больного человека, что делает процесс лечения более эффективным [25]. Отмечено, что так называемая больничная клоунада¹ положительно влияет на здоровье детей [20]. Развлечение или восстановление после болезни вводится и с целью укрепления физического здоровья. Речь идет прежде всего о спортивных играх, например, бадминтон не только укрепляет физическое здоровье, но также улучшает настроение [8]. Физическая активность, спорт могут позитивно влиять не только на физическое здоровье, но и поддерживать стабильное эмоциональное здоровье, и даже бороться с депрессией [18].

Рисование тоже считают одним из инструментов терапии. Например, арт-терапия используется и в педагогике, и в медицине [16]. Музыкальная терапия рассматривается как инструмент снятия психологических барьеров и развития системы возможностей для саморазвития, самовыражения, социализации личности в обществе [4].

Предполагается, что в целом многие развлечения являются адаптивными, рекреационными, восстанавливающими и следовательно – терапевтическими [32]. Для работника необходимо вдохновение в работе, которое дает хобби и существует тесная взаимосвязь хорошего здоровья, вдохновения и любимых занятий в нерабочее время, таких как: спорт, физическая активность; увлечение искусством (рисование, пение, игра на музыкальном инструменте); занятия медитацией, релаксационными упражнениями, йогой; домашним творчеством (кулинария, дизайн) [17].

В зависимости от настроения люди ищут, выбирают определенные развлечения, которые помогают его регулировать, поддерживать или улучшать. При высоком возбуждении люди как правило выбирают успокаивающие развлечения, а страдающие депрессией – веселые (например, просмотр комедий) [32].

Выбор развлечений может быть сопряжен и с негативными занятиями. В этом случае терапевтической функции может быть противопоставлена аддиктивная, например, игровая зависимость [1]. Отмечается тенденция индивидуализации досуга, связанная с желанием «отгородиться» от общества и его проблем [21].

Можно предположить, что часть развлечений люди выбирают самостоятельно в период плохого эмоционального самочувствия с целью улучшения настроения. Вместе с тем посещение развлекательных мероприятий не всегда может быть связано с желанием человека бороться со стрессом.

¹ В России это по большей части сфера деятельности волонтеров, работающих бесплатно, исключительно в силу энтузиазма.

И скорее зависит от его увлечений и любви к искусству, зрелищным мероприятиям и занятиям спортом. Вместе с тем не следует исключать того, что позитивное влияние развлечений в последнем случае также вносит определенный вклад в эмоциональное благополучие индивида.

Методологические основания и эмпирическая база исследования

В работе используется два основных источника данных: 1) база данных Росстата 2022 г. – КОУЖ¹; 2) 32 глубинных интервью качественного исследования, направленного на изучение эмоционального здоровья индивида и роли развлечений в период стресса (проведено автором в 2023–2024 гг.).

КОУЖ организуется во всех субъектах РФ. Респонденты от 15 лет и старше составили 117634 человека: 45,3 мужчин и 54,7% женщин. Большинство респондентов проживает в городских населенных пунктах 75,2%, а в сельских – 24,8%. В расчетах используются взвешенные данные (переменная для взвешивания предложена Росстатом, данные репрезентативны).

В качественном исследовании проведен отбор респондентов, способных предоставить разнообразную информацию об изучаемом феномене. Рекрутинг респондентов проводился методом подбора через социальные сети, а также методом снежного кома. Полуструктурированные интервью проводились в 2023 г. с использованием дистанционных технологий (Яндекс.Телемост и т. п.), велась видео- и аудиозапись беседы.

Респонденты подобраны с различными социально-демографическими характеристиками. Интервью были прекращены после того как информация в рассказах респондентов начала повторяться [29].

При обосновании выборки качественного исследования были учтены предложения по логической схеме выборки, включающей несколько этапов: изучение материала и обоснование подбора респондентов с максимально разным опытом и представлениями о предмете изучения; обсуждение промежуточных результатов (в том числе с привлечением экспертов – специалистов по психическому и психологическому здоровью) и «добор» респондентов [см.: 22].

Выборка строилась нами таким образом, чтобы учесть мнения различных социально-демографических категорий населения. Количественно-качественные характеристики опрошенных были учтены посредством экспресс-анкеты, которая предлагалась к заполнению непосредственно перед интервью. В исследовании приняли участие 32 респондента: 16 мужчин и 16 женщин, средний возраст составил 43,1 года (15 – моложе 35 лет, 10 – от 36 лет до 60, 7 – старше 61 года). Примерно треть опрошенных состоят в зарегистрированном браке, среди тех, кто официально не узаконил свои отношения, 8 имеют постоянного партнера. Не имеют детей

¹ Данные Росстата, комплексное наблюдение условий жизни населения. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH_2022/index.html (дата обращения: 20.11.2023).

9 респондентов, столько же являются родителями единственного ребенка, 6 – воспитывают двоих детей, остальные – многодетные. Примерно половина опрошенных имеет высшее образование, 2 – неоконченное высшее, 9 – средне-специальное, остальные – среднее. Верующими назвали себя большинство (23), 5 – неверующими, остальные затруднились ответить. Участники интервью представляют не только Москву (6) и Московскую область (8), но и другие регионы РФ, такие как Алтайский край, Кировская область, Краснодарский край, Республика Коми, Республика Татарстан, Санкт-Петербург, Сахалинская область, Тверская область, Удмуртская Республика, Ульяновская область, Ярославская область.

Каждый респондент отметил, что переживал в прошлом или переживает в своей жизни стресс, и каждый рассказал о роли развлечений и хобби в этот период. В исследовании нами не измерялся уровень стресса, и респонденты сами определяли были они в стрессе и насколько сильным он был. В научной литературе как уровень эмоционального здоровья, так и уровень стресса измеряются с помощью шкалы, где отсутствие стресса или хорошее эмоциональное самочувствие измеряется в показателях от 0 (отсутствие стресса, хорошее самочувствие) до 5 – наличие депрессии [см., напр.: 23]. Таким образом, исследователи подразумевают, что плохое эмоциональное самочувствие – это уровень, соответствующий стрессу.

В процессе интервью не перечислялись все виды развлечений, и респондент называл только то, что считал развлечением и хобби, что было для него важно, что он вспоминал. Напротив, в КОУЖ перечислены виды развлечений, к которым отнесены: театр, кино, концерты, музеи, выставки, спортивные зрелищные мероприятия, рестораны, кафе (рис. 1).

Количественные и качественные методы усиливают друг друга и обосновано их сочетание, что позволяет триангулировать полученные данные [28].

Результаты исследования

Понимание развлечения

Рассказывая о своих развлечениях и хобби, респонденты (участники качественного исследования) называют значительный спектр различных видов деятельности, которые связывают с получением удовольствия, улучшением настроения. Респонденты не всегда готовы однозначно рассматривать хобби в качестве развлечения: *«Будто бы нет ничего такого, ну то есть, есть какие-то действия, которые мне нравятся и приносят радость, но я не знаю, можно ли хобби указывать в качестве развлечения. Я люблю готовить, читать, смотреть сериалы и ютуб. Люблю общаться с друзьями, делиться с ними, видаться, ходить в какие-то новые рестораны или выходить гулять я люблю искусство, музеи, и т. д.»* (Московская область, жен., 26 лет, маркетолог). Указывая на развлечения и хобби, люди говорят о том, что они любят делать: *«Есть у меня хобби и развлечения,*

но не знаю, как это назвать. Хобби не хобби. Ну, для меня это и хобби, и развлечение. Я люблю читать книжки. Я люблю слушать музыку» (Санкт-Петербург, муж., 60 лет, научный сотрудник).

Вместе с тем, практически все респонденты отметили, что какое-то хобби обязательно есть и в целом – это то, что помогает справиться с плохим настроением в проблемный период и большинство считают, что оно необходимо: «Да, хобби есть, без него туго было бы» (Сыктывкар, муж., 62 года, предприниматель), «Мои хобби и увлечения вытаскивают из плохого эмоционального состояния, поэтому хобби – это спасательный круг» (Тверская область, жен., 26 лет, врач). Только один респондент ответил, что у него нет развлечений и хобби: «У меня в последнее время никаких развлечений и хобби ничего такого нет. У меня есть работа и дом» (Сыктывкар, муж., 62 года, предприниматель).

Наиболее энергичные и молодые респонденты сочетают активные виды развлечений, другие – активные и пассивные: «Мне нравятся танцы, музыка, прогулки по парку» (Тверская область, жен., 26 лет, врач).

Респонденты определили два основных образа поведения в период стресса:

1. Отказ от развлечений – меньшинство: «У меня так, что никакое дело я не могу делать, если переживаю» (Сахалин, г. Южно-Сахалинск, муж., 22 года, студент).

2. Обращение к развлечениям – большинство: «Это помогает. Я всегда активен на все 100%. Если даже это в голове есть, я все равно буду работать и в футбол играть так же, как и в обычные дни. Все будет нормально, физическая активность будет хорошая. В этом плане вообще вопросов нет» (Московская область, муж., 22, гальваник на заводе).

Основные (укрупненные) виды развлечения, которые называли респонденты: активные виды – физкультура и спорт; пассивные виды – прослушивание музыки, просмотр кинофильмов, компьютерные игры, общение с друзьями и коллекционирование.

В качестве развлечений люди рассматривают прежде всего деятельность, которой они занимаются дома, которую придумывают сами, включая занятия спортом, прогулки, посещение ресторанов и кафе.

Физкультура и спорт в качестве развлечения

Физическую активность разного рода (физкультура, спорт, прогулки) люди относят к развлечению, которое способно благоприятно влиять на эмоциональное здоровье. Каждый третий назвал спорт основным любимым занятием и в целом – помощником в проблемных ситуациях: «Спорт всегда помогает ощущать себя лучше» (Москва, муж., 45 лет, коммерческая организация, инженер). Речь идет преимущественно о мужчинах (8 мужчин и 2 женщины). Физическая активность упоминается чаще в контексте самостоятельных занятий, без специальных походов в спортзал.

Спортивные увлечения рассматриваются в качестве коммуникативного развлечения, дающего возможность общаться: «И во время других переживаний я постоянно писал друзьям, пойдете, в футбол поиграем,

это отвлекает. Когда ты занимаешься любимым делом, которое тебе нравится, это все! Ты только об этом и думаешь» (Московская область, муж., 22, гальваник на заводе). Таким образом внимание переключается с проблемы на развлечение.

В некоторых случаях от спорта не отказываются даже в период стресса: *«...моя физическая активность не снижается. Если вдруг все-таки случилось так, что я раздражен, я сразу бегу на улицу – турник, отжимания. Нет, спорт-спорт-спорт! Обязательно!»* (Московская область, муж., 26 лет, врач в больнице). Практикуются и другие физические активности, которые позволяют отвлечься от проблем: *«... открыла для себя медитации, практики стояния на гвоздях (очень расслабляет и отвлекает от всего), потому что эта боль заставляет забыть обо всем. Мне это очень нравится!»* (Москва, жен., 19 лет, делопроизводитель в бюджетной организации).

Увлечения меняются в течение жизни, что может быть связано с возрастными изменениями организма, невозможностью выполнять тяжелую физическую деятельность (заниматься спортом), или, напротив, люди начинают заниматься физкультурой для того, чтобы поправить здоровье. Стараются не отказываться от спорта полностью, а заменить одни увлечения другими: *«... я спортивный человек. Всегда занимался спортом. Во время переживаний – в зависимости от ситуации, состояния здоровья. Вот сейчас лыжи ушли на второй план, волейбол тоже ушел на третий план вообще, потому что у меня болячки большие появились. Травмы были, со спортом связанные. Уже стараюсь поменьше и на лыжах кататься. Ну так вот хожу играть в настольный теннис, на плавание хожу и гуляю. У нас парк рядом. Вотходишь в парковую зону вечерком, пойдешь погуляешь на свежем воздухе. Конечно, нет таких активных видов спорта, как раньше»* (Московская область, муж., 67 лет, инженер в муниципалитете).

Развлечения связаны с сезонностью, климатом, погодой: *«...если это зима, то я стараюсь выбраться, например, вот у нас в Строгино есть чудесный парк, где можно покататься на лыжах»* (Московская область, муж., 26 лет, врач в больнице).

В соответствии с официальными данными более половины граждан систематически занимаются физической культурой и спортом, позитивная динамика отмечается среди мужчин и женщин. По итогам июля 2024 года физкультурой и спортом занимаются 57,2% населения России (2023 – 56,8%, 2022 – 52,9%, 2021 – 49,4%)¹. Основной целью тренировок для россиян, занимающихся спортом, является укрепление здоровья (63%), прежде всего для людей в возрасте 60 лет и старше (80%)². Пятая часть населения (20,1%) спортом занимаются самостоятельно³.

¹ ЕМИСС. Расчет производится в соответствии с приказом Минспорта России от 1 июня 2021 г. № 376. URL: <https://fedstat.ru/> (дата обращения: 12.08.2024).

² ВЦИОМ представляет данные опроса о любимых видах спорта россиян. 5 апреля 2021 г. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/sportivnaja-rossija> (дата обращения: 20.06.2024).

³ В соответствии с результатами исследования Федеральной службы государственной статистики: Выборочное наблюдение состояния здоровья населения (СЗН-2023). URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/zdor22/PublishSite_2022/index.html (дата обращения: 01.03.2024). Расчеты автора.

Развлечения зрелищно-эмоциональные

Респонденты часто называют в качестве развлечений эмоционально-наполненные занятия: слушать музыку, рисовать, смотреть хороший фильм: *«Развлечения есть. Я занимаюсь вокалом, музыкой, собираю грампластинки, коллекционирую разные монеты, банкноты.... В момент эмоционального переживания я, наоборот, больше уделяют этому времени, внимания, мне становится легче. Я занят тем делом, которое мне интересно, я успокаиваюсь»* (Московская область, муж., 26 лет, врач в больнице).

От музыки (игры на инструменте) при определенных обстоятельствах отказываются, как и от спорта. Отказ касается прежде всего дел, на которые необходимо тратить время: *«Увлечения есть, но, к сожалению, на это времени сейчас нет. Вообще я музыкой занимаюсь, я играю на бас-гитаре. Хотел освоить ударную установку, но, к сожалению, нет на это времени»* (Москва, муж., 33 года, сотрудник сервисной организации).

Слушать музыку можно в сочетании с другими делами и не тратить на это время специально. И респонденты слушают приятную музыку, которая их успокаивает: *«Музыка, наверное, помогала всегда, даже в самые трудные минуты, я уж не буду рассказывать. Ну, читать книжки, наверное, в такие моменты не очень получается, потому что мысли забить. А музыка – нет, она всегда помогает»* (Санкт-Петербург, муж., 60 лет, научный сотрудник).

В целом, согласно КОУЖ, 4% населения в свободное время занимаются музыкой, пением, танцами и т. п.

В период проблем и переживаний люди дома в одиночестве или в кругу близких подбирают для просмотра фильмы, соответствующие настроению: *«... какие-то мотивирующие фильмы я конечно смотрю. И конечно хорошие фильмы, радостные»* (Московская область, село Сидоровское, жен., 60 лет, педагог, художник, дизайнер, парикмахер) или *«Да, когда как, я не знаю, но, чтобы полностью расслабиться, как и все, наверное, смотрю какие-нибудь фильмы, чтобы отвлечься. От переживаний отвлекает, конечно же»* (Туапсе, муж., 34 года, инженер, пожарная часть). Речь может идти о кинофильмах, телепередачах и другой кинопродукции: *«Мне нравятся различные документальные сериалы – про животных, про природу... также научная фантастика, вообще сериалы различные. Ну все такое простое»* (Москва, жен., 36 лет, коммерческая организация, промоутер).

Однако упоминаний кинопродукции или других зрелищ, кроме спортивных, вне домашнего пространства у респондентов не было, независимо от места проживания, возраста, дохода. Ими не упоминались кинотеатры, театры, выставочные залы и другие площадки, где можно получить эмоциональное удовольствие. Развлечения в некоторых случаях используются в качестве позитивного стресс фактора, который позволяет бороться с негативным стрессом (дистрессом): *«Хобби, развлечение – футбол. Это и есть стресс. Футбол. Смотреть футбол. Но ведь это все стресс. Полностью»* (Московская область, муж., 22, гальваник на заводе).

Посещение театров, концертов, спортивных мероприятий (в качестве зрителя), походы в кино и рестораны требуют покинуть домашнее пространство и затратить финансовые средства.

Для каждого третьего (37,3 мужчин и 36,1% женщин) на втором месте по значимости в развлечениях – кино (после посещений ресторанов, кафе) (рис. 1). Регулярно посещают кинотеатры – 19,3 мужчин и 17,2% женщин. В кинотеатре можно увидеть новинку, посмотреть фильм в группе (также как посмотреть спектакль в театре) и это развлечение, от которого в период переживаний люди отказываются. Несмотря на то, что посещение кинотеатра и просмотр фильма может позитивно воздействовать на сознание зрителя [9]. Кино – развлечение прежде всего молодых людей в возрасте 15–29 лет. Половина зрителей в возрасте 30–39, треть – 40–49 лет. Молодежь предпочитает концерты, и в возрасте 15–29 лет их посещают 73% (КОУЖ). С увеличением возраста, кино и концерты становятся предпочтением женщин.

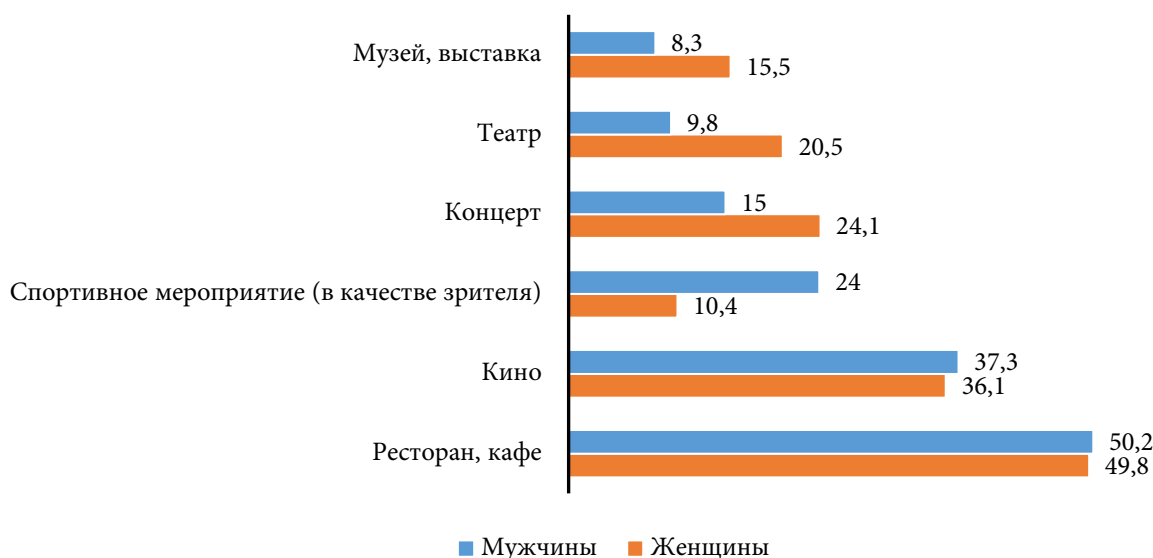

Рис. 1. Структура развлечений: люди посещали в последние 12 месяцев, %

Figure 1. Entertainment structure: people visited in the last 12 months, %

Источник: КОУЖ-2022, расчеты автора.

Женщины предпочитают интеллектуальные развлечения в два раза чаще, чем мужчины (театры, музеи). Посещают концерты каждая четвертая женщина (24,1%) и 15% мужчин (регулярно: 7,3 мужчин и 8,1% женщин).

Театр предпочитают в большей мере женщины, его посещают 20,5 женщин и 9,8% мужчин (из них регулярно – 9,1 мужчин и 9,3% женщин). Женщины также чаще посещают и музеи: 15,5% женщин и 8,3% мужчин, а регулярно из них – каждый десятый. Женщины в два раза чаще мужчин посещают театры (каждая пятая женщина и каждый десятый мужчина), выставки и музеи (15,5 женщин и 8,3% мужчин), и такое соотношение сохраняется до 70-летнего возраста. И только после 70 лет активность посещений указанных мероприятий снижается у всех. Театры, выставки,

музеи популярнее у женщин от 15 до 60 лет. В качественном исследовании среди развлечений, которые помогают справиться со стрессом, театры, концерты, музеи и выставки упоминались только в одном из интервью.

Спортивные зрелищные мероприятия предпочитают мужчины и посещают их в два раза чаще женщин (24,1 мужчин и 10,4% женщин) из них регулярно – 16,9 мужчин и 13,3% женщин. Для молодых мужчин – это достаточно распространенное время проведения (15–29 лет – 41,2%; 30–39 лет – 27,7%).

Посещение ресторанов и кафе

Несмотря на то, что посещение ресторанов и кафе традиционно относится к развлечениям, среди всех респондентов только одна молодая женщина назвала их в качестве развлечения (в ряду других): *«Я люблю общаться с друзьями, делиться с ними, видеться, ходить в какие-то новые рестораны или выходить гулять, я люблю искусство, музеи, и т. д.»* (Московская область, жен., 26 лет, маркетолог). В этом случае кафе и рестораны не рассматриваются как самостоятельное развлечение, а как место встреч с друзьями и именно общение является основным занятием, направленным на улучшение настроения.

В соответствии с данными КОУЖ, очевидно, что наиболее популярным развлечением является поход в рестораны и кафе. Таким образом проводили время половина участников исследования: 50,2 мужчин и 46,2% женщин (рис. 1). Из них регулярно посещают такие заведения каждый пятый мужчина (21,9%) и меньше женщин (17,8%).

Кафе и рестораны любят посещать молодые люди 15-39 лет (67,2%), а после 60 лет таким образом проводит время каждый пятый, после 70 лет – менее 10%.

Развлечения в Интернете

Развлечения в Интернете также помогают отвлечься от проблем: *«Мои развлечения и хобби – компьютер. Время ему уделяю по-разному. В средний статистический день (будни) – часа два. И в момент переживаний уделяю больше времени»* (Москва, муж., 30 лет, инженер). Каждый десятый (12,4%) проводит время за компьютером, мобильными устройствами. Общаются с людьми через Интернет каждый день или почти каждый день 80,7% (с увеличением возраста – реже), используют интернет в качестве развлечения 36,2%: скачивают фильмы, музыку, игры и др. Пользуются электронными библиотеками энциклопедиями, виртуальными экскурсиями и др. 21,5%. Скорее всего часть этой активности связана с работой и учебой, а не только с развлечениями.

Занятия дома и хобби

Люди придумывают себе развлечения, занимаясь иногда простыми домашними делами, доставляющими радость – слушают музыку, рисуют, читают, играют, готовят: *«Мне нравится готовить, именно что-то инте-*

ресное. Не всегда такое бывает, но иногда случается. Ну и еще, наверное, самое любимое занятие – ну, помимо общения с ребенком – ну, кот, ну такой умильный, и мне нравится с ним играть» (Москва, жен., 36 лет, коммерческая организация, промоутер); «... книга очень помогает, отвлекает» (Вязьма, жен., 36 лет, агроном) или «Есть хобби и развлечения, а как же без них! Я люблю разную мелкую ручную работу, вязание, пошив мелкого чего-то – вот такие вещи» (Москва, жен., 62 года, бухгалтер).

Занимаются в свободное время живописью, прикладным творчеством, кино-фото-видеосъемкой и т. п. 7,7% участников КОУЖ. Этот вид творчества также помогает во время стрессов: «...когда мама умерла, то у меня рисование как запой стало. Я целыми днями рисовала, а рядом раскладушка была. И я вот рисую-рисую, потом упала, поспала, села и опять рисую. То есть это очень здорово, все это лечит. Любимое дело, которое очень вдохновляет. Пишу иконы, картины, занимаюсь интерьерами в момент переживаний. Нахожу отдушину в своих увлечениях. Это арт-терапия» (Московская область, село Сидоровское, жен., 60 лет, педагог, художник, дизайнер, парикмахер).

Хобби помогают справиться с психологическими проблемами, но иногда бытовые или иные трудности являются отправной точкой для нового занятия, которое доставляет удовольствие: «... в последнее время полюбил заниматься ремонтом машин. В том числе собственной. Для души. Это помогает немножко забыться, отвлечься» (Москва, муж., 33 года, сотрудник сервисной организации). Указанное хобби является постоянным в течение нескольких лет, но бывает хобби временное, на момент решения проблемы, например, финансовой (недостаток денег): «Когда мамы не стало, я решила – я же художник. Ну еще я дизайном интерьера занимаюсь тоже и решила перекрасить свою кухню. Вот у нас была советская кухня. Давно уже это было. Я перекрасила из серенького в желтый и синий цвета, и одна женщина мне сказала, что я сама себя лечу. Желтый это цвет радости, а синий это мудрость. И вот так интуитивно я вот эти цвета и перекрасила. Во-первых, работа лечит, во-вторых вот эта эмоция такая уже другая. Уход от этой серости к каким-то положительным эмоциям. И это здорово» (Московская область, село Сидоровское, жен., 60 лет, педагог, художник, дизайнер, парикмахер).

Помогает и коллекционирование в период плохого настроения: «... я коллекционирую марки. В момент эмоциональных переживаний я пересматриваю марки, чтобы успокоиться, сказать, какая я молодец, что у меня такая огромная коллекция» (Ярославская область, жен., 22 лет, безработная).

У старшего поколения рукоделие и домашние дела тесно переплетались, поскольку женщины выполняли много работ, которые раньше были необходимы в повседневной жизни, а сегодня в них нет необходимости и они перешли в раздел хобби: «Я пряла, вязала и ткала, все на свете делала. Половики ткала, вязала, и носки, и все. Когда плохо, какая-то проблема, я вязала, кружева вязала» (Тверская область, жен., 90 лет, пенсионерка).

Только десятая часть (10,7%) назвали одно из десяти занятий, которыми они занимаются в свободное время (предлагались в опроснике КОУЖ, за исключением подработок). Из этой десятой части прежде всего общаются

с друзьями (73,7%) и проводят время за компьютером, мобильными устройствами (12,4%), читают книги (4,1%), занимаются домашними делами (3,1%). И хобби, как таковое, выделено отдельной строкой, его отметили всего 1,1%. Спортом занимаются 1,7%. В вопросе КОУЖ предлагалось выбрать только 3 занятия. Таким образом, в опроснике заложено противопоставление между хобби и остальными видами времяпрепровождения, например, человек, выбирая спорт и чтение, но не выбирая хобби, показывает, что у него нет хобби. Напротив, качественное исследование демонстрирует, что все перечисленные виды деятельности, респонденты относят к хобби и развлечениям.

Невозможно предусмотреть весь спектр занятий – развлечений людей, но также очевидно, что некоторые развлечения и виды хобби могут быть уникальными и редкими. И некоторые виды развлечений и хобби невозможно вспомнить во время количественного исследования (опроса, интервью), например: «Хобби и развлечение – это косить траву» (Ярославская область, жен., 22 года, безработная). Или что-то совершенно простое: «Что касается музыки, я просто пою, просто хожу по дому и пою, просто пою. Развлечения помогают справляться с переживаниями» (Ярославская область, жен., 22 года, безработная).

В течение года (до опроса) прибегал хотя бы к одному из развлечений, отмеченных на рис. 1, каждый пятый (19,5%), столько же – к двум (20,4%), трем – 14,5%, четырем – 7,8%, пяти и более – 6,2%. А не прибегали ни к чему из перечисленного треть (31,6% – рис. 2), причем с увеличением возраста, люди посещают развлекательные мероприятия все реже. Мы можем предположить, что развлечения переходят в разряд домашних, которые люди придумывают себе сами, или начинают называть развлечением то, что ранее таковым не являлось, например, приготовление различных блюд.

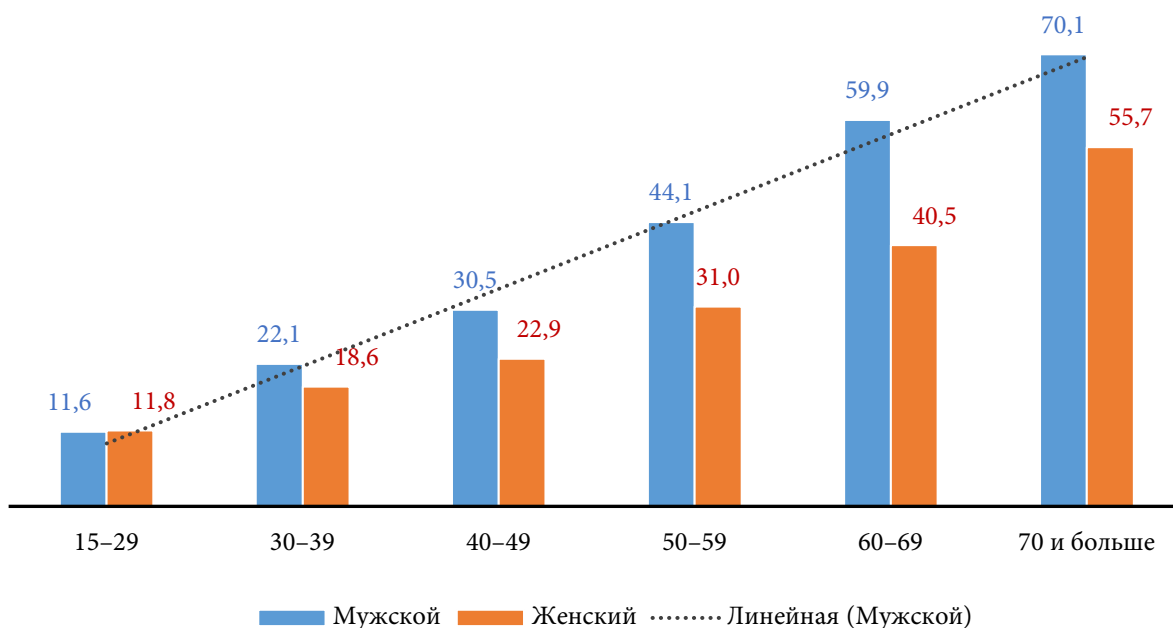

Рис. 2. Ничего из развлечений не посещали в последние 12 месяцев, %

Figure 1. Have not visited any entertainment in the last 12 months, %

Источник: КОУЖ-2022, расчеты автора.

Заключение

Развлечения занимают важное место в жизни современного человека. В ходе проведенного нами качественного исследования респонденты выделяли два основных вида значимых для себя развлечений: на собственной территории и вне дома. Дополнительно эти развлечения можно обозначить как организованные самостоятельно, с использованием собственных ресурсов (послушать музыку, посмотреть фильм) или развлечения, которые необходимо купить (поход в ресторан, кинотеатр, спортзал), или с привлечением партнеров (друзей, родственников и т. п.).

Исследование показало, что развлечение для человека – это то, что он сам считает развлечением. Респонденты, как правило, не вспоминают в качестве развлечений поход в театр, на концерт, посещение музея, оплачиваемую спортивную секцию. Несмотря на то, что 10–30% участников КОУЖ являются посетителями театров и кинотеатров. Но значительная часть респондентов (треть) не посещала мероприятия такого рода более года.

Исходя из определения развлечения – это то, что доставляет удовольствие, но основная его характеристика – это то, что оно доступно человеку и что он может предпринять в любое удобное время, что может позволить себе каждый или большинство. К ним можно отнести занятия физическими упражнениями дома и на улице, прослушивание музыки, просмотр телепередач и телефильмов, некоторые виды рукоделия (не требующие больших затрат сил). Реже упоминаются развлечения, которые доступны меньшинству в силу необходимости материальных затрат (занятия дорогими видами спорта); крепкого здоровья (сложные, тяжелые виды спорта); способностей и таланта (рисование, дизайн и другие виды творчества).

С другой стороны, можно выделить два вида поведенческих стратегий в момент эмоциональных переживаний и стресса: используют развлечения в период стресса или плохого настроения; ничем не могут заниматься и отказываются от развлечений. Но несмотря на отказ от развлечений, все респонденты отмечают их важность в своей жизни, поскольку они являются отдушиной, позволяют наполнить жизнь радостью, самореализоваться.

Ценностное наполнение развлечений характеризуется следующим образом: то, что люблю, нравится и чем интересно заниматься. Функциональность развлечений в метафорическом выражении характеризуется комплексом возможностей эмоциональной, терапевтической поддержки в повседневной жизни и в период плохого самочувствия (в соответствии с контент-анализом интервью). Эти функции можно определить так:

- эмоциональная поддержка: помогает, успокаивает, отвлекает, вдохновляет;
- физиологическая поддержка: расслабляет, заставляет забыть, переключить внимание с проблемы;
- терапевтическая поддержка: лечит.

В силу психологических проблем, переживаний, стресса, люди временно отказываются от хобби до момента решения проблем. Вместе с тем есть проблемы, которые заставляют отказываться от развлечений, хобби навсегда и больше к ним не возвращаться. Например, вследствие недостатка времени, прежде всего из-за нагрузок на работе. Это сложная ситуация, поскольку с отказом от развлечений у человека становится меньше инструментов для улучшения настроения и борьбы со стрессом.

Наиболее важные и часто упоминаемые респондентами развлечения – коммуникационные: общение с близкими (совместные занятия спортом, прогулки, просмотр телефильмов и т. д.). Им противопоставляются занятия, позволяющие уединиться (рисовать, читать книгу). Люди сочетают различные виды развлечений или выбирают одно из нескольких, что больше подходит в определенный момент. Интуитивно люди ищут развлечения или прибегают к любимым занятиям, которые в момент стресса и плохого настроения позволяют отвлечься или настроение изменить. Ограничения на выбор накладывает сезонность, географическое положение места проживания и тип поселения.

Ввиду повышенной социальной турбулентности, связанной и с тяжелой геополитической обстановкой, военными действиями, и экономической нестабильностью, стрессогенность социальной среды современной России весьма высока. По этой причине люди будут стремиться искать новые или активнее использовать старые методы противодействия стрессовым факторам, в том числе и через необязательные формы действия, которые мы определили как развлечения. Дальнейшее исследование способов преодоления стресса как психологическими, так и социологическими методами потому представляются имеющими хорошую научную перспективу.

Библиографический список

1. Акимова Е. С. Азартные развлечения как вид аддиктивного поведения // Наука XXI века: актуальные направления развития. 2021. № 1-1. С. 134–137. DOI: 10.46554/ScienceXXI-2021.02-1.1-pp.134; EDN: JTQHUW.

2. Аксенова Е. И., Камынина Н. Н., Турзин П. С. Городской стресс жителя мегаполиса. стрессогенные факторы и коррекция // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2023. № 31 (спецвып. 2). С. 1087–1091. DOI: 10.32687/0869-866X-2023-31-s2-1087-109; EDN: FSFPJJ.

3. Антонова Л. Ю. Хобби как средство культурной интеграции молодежи // Вестник Бурятского госун-а. 2012. № 6. С. 253–257. EDN: OZNUYN.

4. Гао Ю. «Music Therapy» в сфере медицинской практики как важная проблема современного общества в XXI века // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2021. Т. 10. № 6. С. 17–23. DOI: 10.34670/AR.2021.15.78.002. EDN: NYHYSO.
5. Дьяконова О. О. Понятие «эджютейнмент» в зарубежной и отечественной педагогике // Сибирский педагогический журнал. 2012. № 6. С. 182–185. EDN: PDTTKX.
6. Дюмазедье Ж. На пути к цивилизации досуга // Вестник МГУ. Сер. 12. Социально-политические исследования. 1993. № 1 С. 83–88.
7. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда: Метод социологии. М., 1991. 572 с.
8. Ефремов Д. В. Бадминтон – не только развлечение, но и польза // Научный альманах. 2020. № 10-1 (72). С. 34–36. EDN: LBZZIV.
9. Колотаев В. А. Семиотическая роль «Другого» в эстетической реальности киноискусства // Мир психологии. 2001. № 3. С. 143–157. EDN: CJHUVU.
10. Назарова И. Б. Детерминанты субъективной неудовлетворенности жизнью: анализ российских данных за 1994-2021 годы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 6. С. 3–16. DOI: 10.14515/monitoring.2023.6.2433; EDN: YQRIAB.
11. Никифоров Г. С., Водопьянова Н. Е., Березовская Р. А., Старченкова Е. С. Психологические факторы профессионального здоровья преподавателей высшей школы // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Социология. 2016. № 4. С. 42–54. EDN: VJHWYL.
12. Парсонс Т. Социальная система. М.: Академ. проект, 2018. 529 с.
13. Путинцева А. Э. PR в продвижении услуг в индустрии развлечений // Вестник науки и образования. 2018. № 8(44). Т. 1. С. 106–109. EDN: LWWXBZ.
14. Рывкина Р. В. Образ жизни населения России: социальные последствия реформ 90-х годов // Социологические исследования. 2001. № 4. С. 32–39.
15. Селье Г. Стресс без дистресса. М.: Мир, 1979. 134 с.
16. Семенова Н. В., Федорова М. Д. и др. Влияние арт-терапии (песочной анимации) на психическое здоровье детей, в том числе после чрезвычайных ситуаций // Научное обозрение. Педагогические науки. 2021. № 4. С. 36–41. EDN: CVHJJS.
17. Стариков П. А., Малинникова А. А. Вдохновение и творческое хобби как фактор здоровья офисных работников // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 13. № 1. С. 109–119. DOI: 10.34670/AR.2024.75.34.019; EDN: VRBVUM.

18. Сулейманов Я. И., Савельева О. В. Влияние физической активности на психическое здоровье // OlymPlus. (Гуманитарная версия): международный научно-практический журнал. 2023. № 2(17). С. 21–25. DOI: 10.46554/OlymPlus.2023.2(17).pp.21; EDN: PPYDDO.
19. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: ИТИ Технологии, 2006. 941 с. EDN: RXPFPТ.
20. Уваров Н. А., Уварова Д. Б. и др. Больничная клоунада – развлечение или лечение? История развития и опыт применения // Педиатр. 2020. Т. 11. № 2. С. 109–116. DOI: 10.17816/PED112109-116; EDN: KROQTC.
21. Филоненко В. И., Штомпель Л. А., Штомпель О. М. Культурно-досуговые предпочтения российских студентов в трансформирующемся обществе // Власть. 2017. Т. 25. № 11. С. 70–78. EDN: ZTPMAN.
22. Штейнберг И. Е. Логические схемы обоснования выборки для качественных интервью: «восьмиоконная» модель // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2014. № 38. С. 38–71. EDN: SZSTPJ.
23. Angel J. L., Buckley C. J., Finch B. K. Nativity and self-assessed health among pre-retirement age hispanics and non-hispanic whites // International Migration Review. 2001. Vol. 35. No. 3. P. 784–803. DOI: 10.1111/j.1747-7379.2001.tb00041.x.
24. Bains G., Berk L. et al. Decrease in Inflammation (CRP) and Heart Rate Through Mirthful Laughter // FASEB Journal. 2017. No. 31(1S). DOI: 10.1096/fasebj.31.1_supplement.697.7.
25. Bates S., Ferri A. J., Staiger J. Writing the History of Film Reception. Hollywood Spectator ship: Changing Perceptions of Cinema Audiences. Eds. M. Stokes, R. Maltby. L.: British Film Institute, 2001. P. 19–32.
26. Chernenko I. M. Evaluating eco- and human capital efficiency in Russian regions: insights from subjective well-being indicators in the context of geo-economic Fragmentation // R-Economy. 2024. No. 10(2). P. 137–158. DOI: 10.15826/recon.2024.10.2.009.
27. Galderisi S., Heinz A. et al. Toward a new definition of mental health // World psychiatry: Official journal of the World Psychiatric Association (WPA). 2015. Vol. 14. No. 2. P. 231–233. DOI: 10.1002/wps.20231.
28. Gutiérrez U. P. Expectativas de los estudiantes: revisión sistemática de su abordaje metodológico // Revista Latinoamericana de Metodología de las Ciencias Sociales. 2024. Vol. 14. No. 1. e141. DOI: 10.24215/18537863e141.
29. Strauss A., Corbin J. Grounded Theory Methodology: An Overview // Handbook of Qualitative Research. 1st ed. 1994. P. 273–284.
30. Svence G., Gajdasova E. et al. Teachers' social and emotional health indicators in the distance learning situation during the Covid-19 pandemic // Problems of Psychology in the 21st Century. 2021. No. 15(1). P. 26–38. DOI: 10.33225/ppc/21.15.26.

31. Wurst K. *Fabricating Pleasure: Fashion, Entertainment and Cultural Consumption in Germany 1780-1830*. Detroit: Wayne State UP, 2005. 485 p.

32. Zillmann D., Bryant J. *Entertainment as Media Effect*. *Media Effects: Advances in Theory and Research*. Eds. Jennings Bryant and Dolf Zillmann. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1994. P. 437–462.

Получено редакцией: 26.08.24

СЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Назарова Инна Борисовна, доктор экономических наук, главный научный сотрудник, заведующая лабораторией исследования здоровья населения и системы здравоохранения; профессор кафедры социологии

DOI: 10.19181/vis.2025.16.1.10

Entertainment as a Way to Counteract Stress in the Context of Social Turbulence¹

Inna B. Nazarova

Institute of Socio-Economic Problems of Population of FCTAS RAS, Moscow, Russia;

RUDN University, Moscow, Russia

inna-nazarova@mail.ru

ORCID: 0000-0001-8086-1617

For citation: Nazarova I. B. Entertainment as a way to counteract stress in the context of social turbulence. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 1. P. 180–199. DOI: 10.19181/vis.2025.16.1.10; EDN: WPXIUU.

Abstract. The article analyses the structure of entertainment of a modern Russian and the role of entertainment in times of bad mood and stress. The article uses data from the 2022 Rosstat study – Comprehensive Monitoring of Living Conditions of the Population (CMLC) and the author’s study based on the data of 32 in-depth interviews on the topic of emotional health. According to the CMLC, half of the population visits restaurants and cafes; a third – cinemas; spectacular sporting events are preferred by every fourth man and every tenth woman. Women choose intellectual events and more often attend concerts, theatres, museums, and exhibitions. During the year, every fifth person visited at least one type of entertainment, the same number – two types. A third of the population did not attend any entertainment events. The data from in-depth interviews showed that entertainment for a person is what he considers as such – various types of activities that he enjoying doing. The respondents distinguish two main types of entertainment: on personal territory and outside the home. A distinction is also made between entertainment that is organised independently, using one’s own resources (listening to music, watching a movie) and entertainment that must be purchased (going to a restaurant, cinema, gym). During times of stress, people do not resort to entertainment that requires spending money as a means of improving their mood, and resort to simple entertainment that they invent for themselves. The most important and frequently mentioned entertainment is communication with loved ones (joint sports activities, walks, watching TV movies, etc.). They are contrasted with activities that allow one to be alone (drawing, reading a book). People combine different types of entertainment or choose one that is more suitable at a given moment. During periods of poor emotional well-being, two types of strategies are determined to help cope with stress: for the majority – using entertainment during periods of stress or bad mood, and for the minority – refusing entertainment. The choice of entertainment is determined by the season, the geographic location of the place of residence and the type of settlement.

Keywords: entertainment, hobby, emotional well-being, stress, enjoy, mood

¹ **Acknowledgments.** RSF project No. 23-28-00942 «Emotional health of Russian residents (state and dynamics over 26 years)», funded the study.

References

1. Akimova E. S. Gambling entertainment as a type of addictive behavior. *Nauka XXI veka: aktual'nye napravleniya razvitiya*, 2021: 1-1: 134–137 (in Russ.). DOI: 10.46554/ScienceXXI-2021.02-1.1-pp.134-137; EDN: JTQHUW.
2. Aksenova E. I., Kamynina N. N., Turzin P. S. Urban stress of a megalopolis resident: stress factors and correction. *Problemi socialnoi gigieni, zdravookhraneniya i istorii meditsini*, 2023: 31(2): 1087–1091 (in Russ.). DOI:10.32687/0869-866X-2023-31-s2-1087-1091; EDN: FSPFJJ.
3. Antonova L. Yu. Hobbi kak sredstvo kul'turnoj integracii molodyozhi [Hobby as possibility of cultural integration of youth in society]. *Vestnik Buryatskogo gosun-ta*, 2012: 6: 253–257 (in Russ.). EDN: OZNUYN.
4. Gao Yu. “Music Therapy” on the development of modern music therapy in Russia at the beginning of the XXI century. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya*, 2021: 10(6): 17–23 (in Russ.). DOI: 10.34670/AR.2021.15.78.002. EDN: NYHYSO.
5. Dyakonova O. O. Ponyatie «ed'yutejment» v zarubezhnoj i otechestvennoj pedagogike [Edutainment in Foreign and Domestic Education]. *Sibirskij pedagogicheskij zhurnal*, 2012: 6: 182–185 (in Russ.). EDN: PDTTKX.
6. Dyumazed'e Zh. Toward a Society of Leisure. *Vestnik MGU. Ser. 12. Social'no-politicheskie issledovaniya*, 1993: 1: 83–88 (In Russ.).
7. Durkheim E. O razdelenii obshchestvennogo truda: Metod sociologii [On the division of social labor: the method of sociology]. Moscow, 1991: 572 (in Russ.).
8. Efremov D. V. Badminton is not only fun, but also useful. *Nauchnyj al'manah*, 2020: 10-1 (72): 34–36 (in Russ.). EDN: LBZZIV.
9. Kolotaev V. A. Semioticheskaya rol' «Drugogo» v esteticheskoy real'nosti kinoiskusstva [The semiotic role of the “Other” in the aesthetic reality of cinema]. *Mir psihologii*, 2001: 3: 143–157 (in Russ.). EDN: CJHUVO.
10. Nazarova I. B. Determinants of Subjective Dissatisfaction with Life: Analysis of Russian Data for 1994–2021. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnye peremeny*, 2023: 6: 3–16 (in Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2023.6.2433; EDN: YQRIAB.
11. Nikiforov G. S., Vodopyanova N. E. et al. Psychological factors of occupational health among university lecturers. *Vestnik Sankt-Petersburgskogo un-ta. Sociology*, 2016: 4: 42–54 (in Russ.). EDN: VJHWYL.
12. Parsons T. The Social System. Moscow, Akadem. proekt, 2018: 529 (in Russ.).
13. Putintseva A. E. PR promotion of services in the entertainment industry. *Vestnik nauki i obrazovaniya*, 2018: 8(44): 1: 106–109 (in Russ.). EDN: LWWXBZ.
14. Ryvkina R. V. Obraz zhizni naseleniya Rossii: social'nye posledstviya reform 90-h godov [Lifestyle of the Russian population: social consequences of the reforms of the 90s]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2001: 4: 32–39 (in Russ.).
15. Selye G. Stress without distress. Moscow, Mir, 1979: 134 (in Russ.).
16. Semenova N. V., Fedorova M. D. et al. Impact of art therapy (sand animation) on mental health of children, including after emergencies. *Nauchnoe obozrenie. Pedagogicheskie nauki*, 2021: 4: 36–41 (in Russ.). EDN: CVHJJS.
17. Starikov P. A., Malinnikova A. A. Inspiration and creative hobbies as a factor of office workers' health. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya*, 2024: 13: 1: 109–119 (in Russ.). DOI: 10.34670/AR.2024.75.34.019.
18. Suleymanov Y. I., Saveleva O. V. Influence of physical activity on emotional state. *OlymPlus. (Gumanitarnaya versiya): mezhdunarodnyj nauchno-prakticheskij zhurnal*, 2023: 2: 17: 21–25 (in Russ.). DOI: 10.46554/OlymPlus.2023.2(17).pp.21; EDN: PPYDDO.
19. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenij [Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions]. 4th ed., suppl.; Moscow, ITI Tekhnologii, 2006: 941 (in Russ.). EDN: RXPFFT.
20. Uvarov N. A., Uvarova D. B. et al. Hospital clownery – entertainment or treatment? History of development and experience. *Pediatr*, 2020: 11: 2: 109–116 (in Russ.). DOI: 10.17816/PED112109-116.

21. Filonenko V. I., Shtompel' L. A., Shtompel' O. M. Cultural-leisure preferences of students in the period of social transformations. *Vlast'*, 2017: 25: 11: 70–78 (in Russ.). EDN: ZTPMAN.
22. Steinberg I. E. A logical scheme to justify the sample in qualitative interview: an “8-window sample model”. *Sociologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie*, 2014: 38: 38–71 (in Russ.). EDN: SZSTPJ.
23. Angel J. L., Buckley C. J., Finch B. K. Nativity and self-assessed health among pre-retirement age hispanics and non-hispanic whites. *International Migration Review*, 2001: 35(3): 784–803. DOI: 10.1111/j.1747-7379.2001.tb00041.x.
24. Bains G., Berk L. et al. Decrease in Inflammation (CRP) and Heart Rate Through Mirthful Laughter. *FASEB J.*, 2017: 31: 1S: 697.7. DOI: 10.1096/fasebj.31.1_supplement.697.7.
25. Bates S., Ferri A. J., Staiger J. Writing the History of Film Reception. Hollywood Spectatorship: Changing Perceptions of Cinema Audiences. Eds. M. Stokes, R. Maltby. London, British Film Institute, 2001: 19–32.
26. Chernenko I. M. Evaluating eco- and human capital efficiency in Russian regions: insights from subjective well-being indicators in the context of geo-economic Fragmentation. *R-Economy*, 2024: 10: 2: 137–158. DOI: 10.15826/recon.2024.10.2.009.
27. Galderisi S., Heinz A. et al. Toward a new definition of mental health. *World psychiatry: Official journal of the World Psychiatric Association (WPA)*, 2015: 14(2): 231–233. DOI: 10.1002/wps.20231.
28. Gutiérrez U. P. Expectativas de los estudiantes: revisión sistemática de su abordaje metodológico. *Revista Latinoamericana de Metodología de las Ciencias Sociales*, 2024: 14: 1: e141. DOI: 10.24215/18537863e141.
29. Strauss A., Corbin J. Grounded Theory Methodology: An Overview. In Handbook of Qualitative Research. 1st ed. 1994: 273–284.
30. Svence G., Gajdasova E. et al. Teachers' social and emotional health indicators in the distance learning situation during the Covid-19 pandemic. *Problems of Psychology in the 21st Century*, 2021: 15(1): 26–38. DOI: 10.33225/ppc/21.15.26.
31. Wurst K. Fabricating Pleasure: Fashion, Entertainment and Cultural Consumption in Germany 1780-1830. Detroit, Wayne State UP, 2005: 485.
32. Zillmann D., Jennings B. “Entertainment as Media Effect.” Media Effects: Advances in Theory and Research. Eds. Jennings Bryant and DolfZillmann. Hillsdale, NJ, Erlbaum, 1994: 437–462.

The article was submitted on: August 26, 2024

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Inna B. Nazarova, Doctor of Economic Sciences, Main Researcher, Head of Laboratory for the Study of Population Health and the Health System; Professor of the Department of Sociology

РАЗМЫШЛЯЯ НАД ПРОЧИТАННЫМ

DOI: 10.19181/vis.2025.16.1.11

EDN: TTURQB

Прекариат в лабиринтах вызовов

Ссылка для цитирования: *Насибуллин Р. Т.* Прекариат в лабиринтах вызовов // Вестник Института социологии. 2025. Том 16. № 1. С. 200–208. DOI: 10.19181/vis.2025.16.1.11; EDN: TTURQB.

For citation: Nasibullin R. T. Precariat in the labyrinths of challenges. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 1. P. 200–208. DOI: 10.19181/vis.2025.16.1.11; EDN: TTURQB.

Насибуллин Равиль Талибович¹

¹Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Уфа, Россия

nasibullin@inbox.ru

SPIN-код: 6395-3540

Аннотация. Статья посвящена анализу содержания понятий «жизненный мир» и «прекариат» в связи с выходом в свет монографии под редакцией чл.-корр. РАН Ж. Т. Тощенко¹, посвященной проблемам труда и занятости в современном российском обществе. Прекариат рассматривается как сложное социальное явление, обусловленное соответствующим этапом развития общества, связанное с деформацией существующих в обществе со времен советской власти социально-трудовых отношений. Автор согласен с тем, что прекариатизацию необходимо рассматривать как процесс формирования «класса в себе» на настоящем этапе его существования, занимающего все более значимое место в социальной структуре общества. Одновременно делается вывод, что сегодняшнее состояние трудовых отношений, наряду с другими вызовами, представляет угрозу для стабильности общества в целом.

Ключевые слова: прекариат, трудовые отношения, социальная структура

¹ Жизненный мир работников: устойчивость versus прекарность / Под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: Весь Мир, 2024. 462 с.

Введение

Монография посвящена проблемам неустойчивости профессиональной занятости работников в современном российском обществе. В ней дается всесторонний анализ прекариату, входящему в ряд серьезных вызовов для нашего общества в настоящее время.

Обрадовал меня этот факт и разволновал одновременно настолько, что заставил отложить все остальное своего «жизненного мира» и написать об этом, поделиться с уважаемым читателем своими размышлениями. Обрадовал потому, что предыдущие монографии я читал, как говорится, взахлеб. С чем-то, как практикующий социолог, не соглашался и чем-то восхищался, а где-то в глубине души было даже обидно за себя, что я что-то не увидел, чему-то не придал должного внимания из того, что он со своими коллегами исследует. С этой монографией было то же самое.

Разволновался потому, что заявлено, будто эта монография завершает цикл работ, посвященных прекаризации, т. е. нестабильности и неустойчивости профессиональной занятости людей в современной России. Значит ли это, что социологи перестанут исследовать подобные проблемы и займутся только торможением роста ВВП страны, как утверждают некоторые академики? Если кто-то действительно не представляет весь трагизм ситуации, сложившейся, например, в трудовой сфере общества с советских времен, призываю посмотреть на этот вызов трезвым взглядом и понять, что опасность, которую несет прекаризация, носит кумулятивный характер, происходит во всех сферах общества, касается в прямом смысле каждого человека и продолжает углубляться.

Уверен, что заинтересованный читатель найдет возможность самостоятельно изучить материалы этого исследования и сформирует свое собственное мнение о нем. Я хочу более подробно остановиться на концепции, представленной Ж. Т. Тощенко в данном научном труде. Традиционно, она дана в первой главе. Именно в этой главе излагаются основные теоретико-методологические вопросы исследуемой проблемы. На ней я подробно остановлюсь.

Характеризуя историю вопроса, Ж. Т. Тощенко показал социальную обусловленность проблемы, начиная с социологии французского ученого Ж.-М. Гюйо [2], логически связав прекариат с гармонией в обществе, которую Гюйо рассматривал как закон жизни человека. Тощенко показал, что проблемы трудовых отношений, движение рабочей силы в разных формах активно изучались различными учеными и в советское время. Исследования, результаты которых защищены в виде кандидатской диссертации автора этих строк, были посвящены социальным проблемам, связанным с профессиональной мобильностью [1], к примеру, что в какие-то периоды практически каждый третий специалист с высшим образованием работал не по вузовской специальности. Даже в планово-управляемом обществе. Но сегодня складывается совершенно иная ситуация. Трудовые отношения не только не находятся в гармонии с отношениями в других сферах общества, но и активно деформируются, трудовая позиция, отсюда

и социальный статус человека становится нестабильной. В самом общем плане речь идет о том, что работники живут в условиях, когда все в большей степени теряется устойчивость позиции работника в трудовой сфере, а вслед за этим и в социальном положении. Драма заключается в том, что труд находится в центре жизненного мира человека, и, когда он теряет стабильность в сфере труда, занятости, расшатывается весь его жизненный мир.

«Жизненный мир – это комплексная характеристика многообразия сущностных сил человека, социальных групп и общностей, включающих в себя как созидательную, так и исполнительскую деятельность в сфере труда, политики, культуры, в повседневной жизни. Такая трактовка дает представление о качестве и смысле жизни, о ее состоянии и тенденциях развития, проблемах функционирования и возможных направлениях ее трансформации», так определяет Ж. Т. Тощенко этот сложный социальный феномен (с. 30)¹. Он отмечает, что, с одной стороны, в России из 75 млн экономически активного населения по данным на 1 января 2023 г. реально в трудовую деятельность были вовлечены 71,5 млн (с. 24), с другой – наблюдается и позитивная тенденция – появление большого количества принципиально новых профессий. По прогнозам экспертов, в ближайшее десятилетие появится свыше 180 новых профессий, но и более 50 существующих утратят актуальность. Среди новых профессий особенно быстрыми темпами будет происходить увеличение ИТ-специалистов, роботехников, проектировщиков 3D-печати, биотехнологов и т. д. (там же). Сегодняшние выпускники вузов за свою трудовую жизнь будут вынуждены несколько раз переучиваться для работы по другим направлениям. Таким образом, проблема прекариата объективно касается практически всего общества. Но она связана еще и с множеством других проблем работников, включая отношения между наемным работником и работодателем, оплаты труда и охраны здоровья, управленческими отношениями, существующими в обществе на разных уровнях: организаций, разных ветвей государственного и муниципального управления и др.

Жизненный мир, пишет Ж. Т. Тощенко, – это не механический и всеохватывающий перечень возможных повседневных ситуаций, включение всех событий обычной жизни человека, как это делается в социологии повседневности. На жизненный мир всегда в той или иной мере влияют события и процессы, происходящие в глобальном, мировом масштабе, в национальной экономике, политике и культуре. Нужно особо подчеркнуть, что жизнесмысловые основы существования людей отражают не только их содержание и предназначение, но и их стремление ориентироваться на достижение приемлемых и одобряемых ими целей, в которых органически соединяются общее, особенное и специфическое в сопоставлении с условиями окружающей действительности во всем ее многообразии. Жизненный мир – это единство объективного и субъективного, что в социологической интерпретации предполагает синтез

¹ Прим. – Здесь и далее в круглых скобках даны ссылки на страницы анализируемой книги.

реального общественного сознания во всем его противоречивом развитии; деятельности, действительного поведения людей; условий, в которых они реализуются. Жизненный мир базируется, как утверждает А. Шюц, на взаимодействиях людей в процессе решения реальных проблем и их отношения ко всему тому, что происходит в обществе, в котором они трудятся и живут (с. 21).

Исследование прекариата представляет интерес не только для науки, но имеет и большое прикладное значение. Авторы монографии результатами своих научных исследований проблем в самых разных сферах общества (с. 61) на высоком профессиональном уровне показали это значение. Конечно, согласимся с Анри Пуанкаре, который сказал, что «...человек не может быть счастлив наукой, но теперь он еще менее может быть счастлив без нее» [5, с. 156].

Анализ сознания и поведения современных российских социальных общностей, социальных групп (слоев) во всех отраслях экономики и культуры позволяет сделать вывод, что формируется специфический жизненный мир с короткоживущими рефлексиями, что выражается в следующем: 1) он определяется не только объективными условиями «общества травмы», но и субъективными реалиями в виде парадоксов в сознании этих социальных групп; 2) базируется в основном на краткосрочных или временных взаимодействиях; 3) не стабилен, так как в незначительной степени может опираться на ранее накопленный практический, предшествующий, а тем более исторический опыт; 4) это мир ограниченной рациональности, сдобренный чувственными и эмоциональными оценками; 5) он нацелен на реализацию первоочередных желаемых целей; 6) он часто лишен перспективы, граждане не видят будущего при нынешнем устройстве общества и государства. На деле это нередко ведет к отказу от профессиональной карьеры. По результатам социологических исследований в 2020 г. имели бессрочный договор: в строительстве – 47%; транспорте – 34,7%; торговле и сфере услуг – 48,7%. Доля работающих без трудового договора составила от 16,3 до 27% от общего числа опрошенных (с. 34).

Одним из показателей качества жизненного мира, на мой взгляд, может быть использована ценность жизни, показателями – убийства и самоубийства. По данным Росстата, в 1994 г. – в разгар разрушения существующих в советское время отношений в сфере труда в обществе – на 100 тыс. чел. приходилось 32,6 убийств; а самоубийств – 42,1. Самоубийств 1,3 раза больше, чем убийств. В 2023 г. – убийств 3,2, а самоубийств – 7,8, казалось бы, меньше стало и убийств, и самоубийств¹. Но разложение сферы труда продолжается, самоубийств в 2,4 раза больше, чем убийств. Примерно то же самое в процессах воспроизводства населения: если в 2008 г. на 1000 населения родилось 12,0 детей, то в кризис и после пошло снижение рождаемости и в 2023 г. мы вышли на показатель 8,6². На мой взгляд, приведенные

¹ ЕМИСС. Государственная статистика. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator.ru/31270> (дата обращения: 03.01.2025).

² Демография // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 03.01.2025).

примеры ясно показывают зависимость ценности жизни и жизненного мира россиян от состояния сферы труда и трудовых отношений, что в конечном счете выступает регулятором, в числе многих других, и процессов воспроизводства населения. Труд – не только процесс преобразования природы для удовлетворения потребностей человека. Труд – это родовое для человека, социальное. Только человек и только в обществе. И общество, в свою очередь, только с человеком в труде и системе трудовых отношениях. Но в нашей науке исследований процессов изменений в сфере труда с этих позиций сегодня искать только под микроскопом. Тем более, в таком ключе, как эти исследования осуществлены авторами рецензируемой монографии – в связи с изменениями структуры общества. Отмечу, что нашему обывателю нравится сравнивать нас с Западом. Но без учета того, что, например, в Лондоне жил предприниматель Чарльз Бут, который в 1889–1903 гг. провел исследование, под названием: «Жизнь и труд населения Лондона» и оставил результаты в 17 томах. Предприниматель такой... К сожалению, не наш.

Трудовые отношения – сознательно регулируемый механизм «отдавания» и «принятия» в системе общественных отношений. Я работаю, то есть, нахожусь в сознательно регулируемой на основе научной организации труда и управления отношений, связанных с трудом. В советском обществе я готовил себя к труду, затем отдавал, в соответствии с своей квалификацией, и стабильно получал за это и зарплату, и квартиру, и лечение, и путевки в санаторий, и признание... И вера в будущее была... И в петлю от безысходности не хотелось... В том обществе «верхи» и «низы» формировались, может быть, не на достаточном уровне, но на основе научно обоснованной системы отношения к труду. Была ли иллюзия? Да, была. Но ведь, и социальные лифты работали.

В одной из монографий, опубликованной ранее [4], Ж. Т. Тощенко рассматривал прекариат в виде нового класса в социальной структуре общества. По привычной схеме, прекариат в самом деле можно рассматривать как объективное явление, которое появляется в силу возникших в обществе условий объективного и субъективного характера. В этом смысле его можно рассматривать как сообщество людей, движущуюся в социальном пространстве в сторону «класса в себе» [3, с. 183]. Тем более процесс этот требует к себе серьезного отношения, поскольку по логике вещей мы можем ожидать перехода явления в качественно новое состояние – «класс для себя» с проблемами иного характера. Это вполне можно включить в число актуальных вызовов, стоящих перед нашим обществом в настоящее время.

Дело в том, что сегодня известная классическая формула «низы хотят», но «верхи не могут», к классовым отношениям в нашей стране принципиально не подходит, ибо и «низы», и «верхи» в большинстве своем сформированы совершенно на иных принципах (не буду ковырять кровоточащую рану). Скажу только, что наши сегодняшние «верхи» чаще всего – это те же «низы», которые, как в народной сказке, вчера еще «спали на печке», фарцовали на барахолке, складировали украденные «из социалистических закромов» мелкими частями общественную собственность в раз-

ных формах, формировали социальные связи, а некоторые скатились к проруби и поймали рыбку. Что же, бывает – время было такое. И жизненный мир у них перевернулся. Нет, не у всех. В основном у тех, кто сумел пролезть в схему отъема государственной собственности и, по сложившейся российской схеме, описанной еще А. П. Чеховым в истории о том, как некий жуковский крестьянин, теперь уже легендарный, служивший буфетчиком в одном из московских клубов, принимал к себе на службу только своих земляков, а эти, входя в силу, выписывали своих родственников и определяли их в трактиры и рестораны...[6, с. 169]. Появился постсоветский типаж такого земляка – «графа», который однажды, как будто проснувшись с бодуна, высунув голову из своего болота, ... выдал: «...я – хозяин, этого (завода, шахты, нефти, газа, аэропорта, вуза...), а ты кто такой?». И задать ему очень простой вопрос: «...собственность – твоя? А где взял?», оказалось некому. Когда некому из «простых» людей задавать такой вопрос подобным «сложным» согражданам, его должно задать государство, устами соответствующего чиновника, для которого обеспечивать порядок, в том числе и в первую очередь в сфере трудовых отношений, является его **работой**, за выполнение которой он получает оплату. Но пока к сожалению в самой сфере труда продолжается процесс разложения. Иначе как разложением не объяснить появление в управлении страной частями и в целом служащих, занимающих высокие должности, для которых ничего не стоит заявить, например: «...пенсионеры – отработанный материал, пусть мрут, их не жалко...Долбанные нищелюды, которые бесполезны...Работяги, которые никогда не создадут ничего полезного...».¹ Причем, это – человек женского пола – служившая в сфере здравоохранения. И здесь, некому задать госслужащему вопрос: «Ты как в этой системе оказалась? Что же ты представляешь собой и кому показала, как надо... такие результаты труда, что тебе подчинили всю систему аптек страны на территории, которая чуть меньше Южной Америки? А задавать вопросы некому. Потому что идет активный процесс прекаризации совокупной рабочей силы. Многие работники становятся «работягами однодневками», у которых часто ни прав, ни обязанностей, ни планов на будущее, а параметров, за несоответствие которым хозяин может в любое время выгнать, множество. Поэтому они молча вынуждены выслушивать самые разные претензии, и по возрасту, и по национальности, и по квалификации, и по семейному положению и т. д.

Но с позиции социологии еще более травматично для общества то, что они вынуждены жить одним днем: только сегодня отработать, получить, проесть и пропить. Какие в этой ситуации могут быть мысли о создании семьи, о воспитании детей... Боюсь, что не будет и детей, какие-бы программы не нарисовали, не будет и роста производительности труда, о необходимости которого совершенно справедливо говорит президент, до тех пор, пока система управления сферой труда будет воспроизводить подобное отношение к человеку. Пока не научимся: детей готовить к труду, работу

¹ Пенсионеры – отработанный материал... // News2.ru. 2020. 30 июля. URL: <https://www.news2.ru/story/607309> (дата обращения: 03.01.2025).

трудоспособных организовать соответствующим образом, а пенсионеров обеспечивать достойными условиями жизни. «В Афинах был храм старости. Туда водили детей», – говорит нобелевский лауреат А. Камю¹. А домогренные отечественные «графы», до того, как стать «графами» должны твердо усвоить, что в истории подобная ситуация всегда заканчивалась трагедией и для «верхов», и для «низов». Подчеркиваю, всегда! Даже тогда, когда среди них были «графы» куда более умнее, чем наша продукция.

Как будто в подтверждение этого тезиса, вспомнились телевизионные кадры недалекой истории: после майдана в Киеве «представитель народа», обвешанный оружием, ногой открыв дверь, вошел в прокуратуру и поднял с места, схватив «за грудки», побледневшего генерального прокурора страны, объяснив, таким образом, чем отличаются пролетариат и прекариат. Но и его бездыханное тело нашли, правда, не в тот же день.

Кстати сказать, А. Камю оставил замечательное эссе о Сизифе – о мифическом герое, которого Боги осудили на страшную жизнь после смерти. Смысл применительно к нашей теме в том, что самое большое наказание для человека заставить его заниматься бессмысленным трудом. Применительно к нашей теме это то, что содержательный труд составляет смысл жизненного мира человека.

У Ж. Т. Тощенко понимание проблемы гораздо глубже. В самом деле, Камю выходит на понимание наказания бессмысленным трудом. Однако Тощенко не останавливается на этом. В истории с Сизифом есть смысл, который выходит на жизненный мир человека, что он гораздо более многогранен, более развит в своей содержательной сложности. Мы имеем дело здесь с человеком, у которого не было такой цели. Ему дали такую цель. В данном случае Сизифу цель определили в качестве наказания, в обществе же цель человека социально обусловлена. И потому цель социально чрезвычайно значима. Человек, который имеет цель, и Человек, который не имеет цели, насильно лишен цели – это разные сущности.

В варианте с нашим «графом»: у человека не было богатства. В обществе созданы такие условия, что у него формировалась цель и он шел к ней. Он получил богатство (завод, шахту, нефть, газ, аэропорт, вуз...), созданное трудом других людей и стал другим человеком, изменился его статус. Но он этот статус именно получил, а не заработал, поэтому статус превратился в тяжелый камень, в сущности, состоящий из песка, который он должен толкать в гору. Он понимает это и потому суетится, то бросается в офшоры, то в гражданство другой страны, то чувствует себя человеком всемогущим, а дома, например, жена им командует. Приходится ее менять на ту, которая готова его принять всемогущим. Но и этого мало – ему хочется, чтобы окружающий мир воспринял его чувство могущества. Это принципиально другой человек.

Прекариат, проблемы которого со своим коллективом исследует Ж. Т. Тощенко, именно об этом: чем больше в обществе таких «низов» и подобных «верхов», жизненный мир которых лишен твердого фун-

¹ Камю А. Абсурдный человек. URL: <https://nietzsche.ru/influence/philosophy/philosophie/sizif/?curPos=1> (дата обращения: 04.01.2025).

даumenta в виде общественно значимого и ценимого обществом труда, а реализация себя в котором является целью, тем больше опасности для стабильности.

Таким образом, исследования проблем прекариата выводят нас на фундаментальную проблему общественного устройства нашего бытия – ценности жизненного мира. Будет большой ошибкой, если член-корреспондент РАН Ж. Т. Тощенко со своим коллективом остановится на начальном этапе очень важных и нужных для общества исследований.

Библиографический список

1. Аитов Н. А., Насибуллин Р. Т. Профессиональная мобильность интеллигенции // Социологические исследования. 1980. № 2. С. 106–111.
2. Гюйо Ж.-М. Нравственность без обязательств и без санкции / Пер. с франц. Н. А. Критской; под ред. и со вступ. ст. Н. К. Лебедева. М.: Голос труда, 1923. 144 с.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 4. М.: ПОЛИТИЗДАТ, 1955. 638 с.
4. Прекариат: становление нового класса: колл. моногр. / Под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: ЦСП и М, 2020. 400 с.
5. Пуанкаре А. О науке: Пер. с франц. М.: Наука, 1983. 560 с.
6. Чехов А. П. Собрание сочинений в 12 т. Т. 9. М.: Правда, 1985. 448 с.

Получено редакцией: 20.01.25

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Насибуллин Равиль Талибович, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории проблем социального развития

DOI: 10.19181/vis.2025.16.1.11

Precariat in the Labyrinths of Challenges

Ravil T. Nasibullin

Akmulla Bashkir State Pedagogical University, Ufa, Russia

nasibullin@inbox.ru

ORCID: 0000-0002-1233-170X

For citation: Nasibullin R. T. Precariat in the labyrinths of challenges. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 1. P. 200–208. DOI: 10.19181/vis.2025.16.1.11; EDN: TTURQB.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the content of the concepts of “life world” and “precariat” in connection with the publication of a monograph edited by the RAS Corresponding Member Zh. T. Toshchenko, dedicated to the problems of labour and employment in modern Russian society. The precariat is considered as a complex social phenomenon, conditioned by the corresponding stage of development of society, associated with the deformation of social and labour relations existing in society since the Soviet era. The author agrees that precariatization should be considered as a process of formation of a “class in itself” at the present stage of its existence, occupying

an increasingly significant place in the social structure of society. At the same time, it is concluded that the current state of labour relations, along with other challenges, poses a threat to the stability of society as a whole.

Keywords: Precariat, labor relations, social structure

Refences

1. Aitov N. A., Nasibullin R. T. Professional'naya mobil'nost' intelligentsia [Professional mobility of the intelligentsia]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 1980: 2: 106–111 (in Russ.).
2. Guyot J.-M. Nравственность без обязательств и без санкции [Morality without obligations and without sanction]. Transl. from Fr. by N. A. Kritskaya; ed. and with an introd. by N. K. Lebedev. Moscow, Golos Truda, 1923: 144 (in Russ.).
3. Marx K., Engels F. Sochineniya [Works]. Vol. 4. Moscow, POLITIZDAT, 1955: 638 (in Russ.).
4. The precariat: the formation of a new class: coll. Monograph. Ed. by J. T. Toshchenko. Moscow: TsSP i M, 2020: 400.
5. Poincaré A. O nauke: Per. s frants. [About science: Transl. from Fr.]. Moscow, Nauka, 1983: 560 (in Russ.).
6. Chekhov A. P. Sobraniye sochineniy v 12 t. [Collected works in 12 vol.]. Vol. 9. Moscow, Pravda, 1985: 448 (in Russ.).

The article was submitted on: January 20, 2025

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ravil T. Nasibullin, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher of the Laboratory of Social Development Problems

РАЗМЫШЛЯЯ НАД ПРОЧИТАННЫМ

DOI: 10.19181/vis.2025.16.1.9

EDN: RSUITO

Путеводитель молодого социолога

Ссылка для цитирования: Левченко Н. В., Роговая А. В. Путеводитель молодого социолога // Вестник Института социологии. 2025. Том 16. № 1. С. 209–218. DOI: 10.19181/vis.2025.16.1.12; EDN: VNSWAY.

For citation: Levchenko N. V., Rogovaya A. V. A young sociologist's guide. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 1. P. 209–218. DOI: 10.19181/vis.2025.16.1.12; EDN: VNSWAY.

SPIN-код: 7346-0433

Левченко Наталья Валерьевна¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

natalya_levchenk@mail.ru

SPIN-код: 6314-9767

Роговая Анастасия Владимировна¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

av_rogovaya@mail.ru

Аннотация. Недавно опубликованный труд М. Ф. Черныша¹ послужил поводом к размышлениям о проведении современных массовых социологических опросов и о проблемах, с которыми сталкиваются исследователи. С одной стороны, работа представляет своего рода путеводитель для социолога, где в краткой форме изложены основные направления теоретических идей, гармонично сочетающиеся с их практическим использованием. А с другой – показывает логику построения исследования от начала до конца (что особенно полезно для молодых ученых), а также поднимает ряд ключевых вопросов, которые сопровождают практически любое исследование.

Осмысление представленной монографии позволило авторам выйти на некоторые обобщения о специфике современных особенностей методологической, методической и организационной (процедурной) частей исследования, а также сложности их взаимосвязи. В данной работе мы выделили ряд проблем, которые поднимает автор, по трем

¹Черныш М. Ф. Инструмент массового опроса: логика и практика конструирования. М.: ФНИСЦ РАН, 2024. 304 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-430-7.2024.

уровням проведения социологического исследования: теоретический (методологическая часть); методический (включая полевой этап) и организационный (организационная часть). На основе своего исследовательского опыта и практики преподавания дисциплины по данной тематике мы выделили и дополнили проблемы, с которыми сталкиваются исследователи и студенты при реализации своих научных проектов на теоретическом и эмпирическом этапах.

Ключевые слова: массовый опрос, методология, методика, теоретическая рефлексия, конструирование инструмента, логика

Все чаще в научном социологическом сообществе возникают дискуссии, связанные с проблемами конструирования современных исследований. В 2024 г. на XXVI Харчевских чтениях¹ активно обсуждались особенности социологических теорий и их адаптации, вопросы о понятийном аппарате социологов, проблемах применения накопленных теоретических знаний и т. п. В представленном труде сделана попытка осмыслить многие из этих вопросов.

Современные реалии проведения социологических исследований

Социологическая наука не стоит на месте, она развивается, способствуя зарождению новых идей и новых знаний, но при этом наблюдается размывание логики старых теорий, рвутся внутренние связи, зачастую превращаясь в итоге в бессистемный набор терминов, фактов и понятий. Претерпевают изменения и традиционные методы опросов: некоторые из них приходят в кризисное состояние (например, опрос по месту жительства, почтовый опрос), частично перемещаясь в онлайн-формат. Так, с появлением современных технологий, возникают новые способы сбора первичной информации посредством сети Интернет и современных мобильных теле-систем (гугл-формы, скайп, зум и т. д.), которые вроде как облегчают этот процесс (отсутствие интервьюера, удобная форма создания инструмента исследования, более благосклонное участие сетевой аудитории), но при этом имеют ряд недостатков. Молодые исследователи, используя интернет-платформы, зачастую не принимают во внимание неоднородность возрастной и социальной структуры пользователей; искажения выборки в связи с анонимностью участников опроса; неравный доступ к сети и другие технические проблемы [6].

Немаловажным является потеря личного контакта исследователя с респондентом, отсутствие этапа наблюдения за процессом опроса, за фиксацией реакций его участников. Кроме того, по мнению автора монографии, на сегодняшний день недостаточно социологов, которые помогли

¹ URL: <https://socis-conf.fnisc.info/kharchev> (дата обращения: 14.02.2024).

бы понять, насколько схожи или различны группы тех, кто соглашается участвовать в исследованиях, и группы тех, кто отвергает идею вторжения в свое приватное пространство (с. 286)¹. Да и сами границы приватности респондентов становятся все более жесткими. Несмотря на то что современное общество выглядит открытым, насыщенным коммуникациями, как отмечает М. Ф. Черныш, число граждан, охраняющих границы частной жизни, увеличиваются, причем это наблюдается как среди благополучных, так и менее благополучных граждан (с. 276). Наиболее ярко это проявляется в телефонных опросах, когда активные мошеннические схемы окончательно отпугивают респондентов от раскрытия частной информации и в принципе любого участия.

Учитывая современную обстановку, социологу необходимо правильно выбрать метод и инструмент исследования, просчитать последовательность ходов для получения качественных результатов, и здесь особую роль играет социологическое мышление.

Социологическое мышление

Социолог, анализируя статистические и первичные данные, должен уметь не только логически выстраивать цепочку исследования (сбор, обработка и анализ данных), но и критически относиться к собранному материалу при его обобщении и систематизации. Здесь необходима личностная динамика в свободе выбора своего пути познания, «движения от приятия к неприятию, от колебаний к убежденности и, напротив, от слепой веры к сомнению» [7, с. 42]. Не менее важным является и творческий, нарративный способ мышления, фокусирующий внимание «на нарративной или дискурсивной презентации действительности» [3, с. 4]. При этом социологу приходится применять роль как самого исследователя, так и заказчика, и респондента. Сложность состоит в том, что изменчив сам объект исследования, он быстро и бесконечно трансформируется, поэтому необходимо применение логико-методологического анализа. И здесь вызывает опасения неспособность к теоретической рефлексии, особенно среди молодых социологов-студентов.

Современной молодежи сложно мыслить в общих категориях, ей свойственно образное восприятие, быстрое, но поверхностное мышление, которое часто обозначают как «клиповое». Поэтому важно обратить внимание на логику построения материала так, чтобы читатели и студенты могли аналитически мыслить, видеть взаимосвязи, в то же время не вытеснять возможность мыслить нестандартно, творчески. Важно совмещать теоретический материал с примерами ключевых исследовательских практик. С этой точки зрения анализируемая монография представляется удачным примером. В ней каждый раздел вытекает из предыдущего и отвечает на те проблемы, которые возникают при знакомстве с предшествующим знанием. Это не просто сумма знаний, а логика и практика построения эмпирического исследования, конструирования инструмента.

¹ Прим. – Здесь и далее в круглых скобках даны ссылки на страницы анализируемой книги.

Методологическая часть исследования

Как мы уже отмечали, процесс исследования предполагает теоретическую рефлексию, причем она необходима как на этапе его подготовки (методологическая часть), так и на этапе разработки инструментария (методическая часть).

Социолог прежде всего опирается на имеющийся у него теоретический задел, а также знания в построении инструментария и способов проведения опроса. Как правило, учебные издания, посвященные методам (инструментам) социологических исследований, включают в себя непосредственно саму методику, основные понятия и механизмы [1; 2; 5; 8]. В рассматриваемом же труде автор посвятил ряд параграфов краткому изложению основных парадигм социологии, сохраняющих актуальность и сегодня. Можно провести аналогию с шахматной игрой, где изучение развития классических идей (от простого к сложному) помогает игроку улучшить свою технику, понять как и в каких позициях реализовать свои замыслы (например, игры классиков иллюстрируют как дебютные стратегии приводят к тем или иным преимуществам в миттельшпиле и т. п.). Так, и в социологической науке парадигмальные схемы, как отмечает М. Ф. Черныш, «связывают между собой поколения исследователей, каждое новое поколение начинает работать не с нуля, а с той точки, в которой остановилось предыдущее» (с. 22).

И одной из первых проблем, которую мы видим в современных социологических исследованиях, – это *слабое применение предыдущего опыта*. Исследовательская и преподавательская практика показывают, что далеко не все социологи (как будущие, так и состоявшиеся) должным образом акцентируют внимание на методологии. Так, мы обнаружили, что в социологических статьях, посвященных кинематографу, отсутствуют теоретические подходы [4].

Для студентов-социологов характерно *непонимание взаимосвязи между теорией и практикой*, что мы отмечаем и в своей практике преподавания. Здесь рассматриваемый научный труд представляется особенно полезным, поскольку его центральная идея заключается в стремлении соединить теоретический и эмпирический уровни социологии в единое целое. Автор тщательным образом изучил и продемонстрировал научные исследования ведущих отечественных и зарубежных ученых социологии и смежных наук. В монографии раскрываются основные социологические концепции и направления, с позиций их применения в эмпирических исследованиях. При этом автор акцентирует внимание на «подводных камнях» теоретических знаний: гранд-теории формулируются на высоком уровне абстракции и достаточно сложно опираться на них при изучении конкретных явлений или процессов. Однако они позволяют определить общий подход, ракурс исследования проблемы.

Как отмечает М. Ф. Черныш, важно понимать, что общие теории могут эволюционировать, что в свою очередь влияет на использование методов исследования (с. 20–51). И молодому специалисту важно прежде всего

понять логику той или иной парадигмы, а значит, понять какие из имеющихся направлений и идей можно применить в конкретных исследованиях современного общества. В любом случае, логику научного исследования, по мнению автора, предваряет теоретическая рефлексия, подкрепленная методами исследования, а полученные данные могут подтвердить или опровергнуть утверждение (гипотезу) и позволить вернуть к дополнению или пересмотру теории.

Социологи должны владеть не просто набором теоретических и эмпирических знаний, но и методом их добывания, процессом логической формализации данных: от общего к частному и наоборот. Важно уметь выходить за рамки собственного индивидуального сознания, собственных убеждений, личных переживаний, ценностей и убеждений, мыслить «релятивно по отношению к любой устойчивой доктрине» (с. 20).

Методическая часть

Помимо проблем, возникающих с теоретическими данными, методическая часть исследования также сопровождается трудностями, которые не всегда лежат на поверхности. Эти проблемы мы условно разделили на: внутренние (касающиеся построения самой анкеты) и внешние (пределы памяти, компетенции респондентов и т. п.).

Внутренние проблемы. Показатели и индикаторы. Как отмечается в монографии, показатель раскрывается в индикаторах, которыми можно манипулировать (выбирать измерение, шкалы). Для социологов это является самым важным этапом при построении инструмента. По нашим наблюдениям молодые исследователи часто не видят большой разницы между понятиями «показатель» и «индикатор». Здесь социологу важно понимать «какие из показателей, им используемых, могут быть отнесены к категории существенных, какие к несущественным», а какие могут просто «выдумываться» (с. 85–86).

Другой проблемой является количество выбранных индикаторов в исследовании. Так, автор подвергает сомнению достоверность опросов, в которых анкета включает лишь один индикатор. Ученый отмечает, что «чем важнее изучаемая тема для целей исследования, тем более изощренными и точными должны быть шкалы, с помощью которых производится измерение», в этом случае требуется включение в показатель всей суммы индикаторов, помогающие раскрыть позиции респондента по той или иной проблематике исследования» (с. 236). К сожалению, довольно часто встречаются экспресс-опросы, претендующие на валидность и надежность данных, при этом состоящие лишь из одного индикатора.

Построение вопроса – также представляет проблему, более того, часто студенты-социологи отмечают ее как одну из самых сложных задач при конструировании собственного исследования. Здесь стоит отметить, что общим ориентиром для социолога является логическое построение вопроса с ясными понятиями, не требующих дополнительных пояснений. Социолог должен формулировать свои вопросы как можно точнее, лаконичнее, избе-

гая побочных смыслов и возможных отвлечений от главной задачи. В таких случаях, по мнению автора книги, нужно придерживаться основных правил их формулировки, например, снятие языковых слоев, отсутствие сленга или просторечных слов, размер вопроса и т. п. (с. 208–210).

Стоит принимать во внимание при построении инструментария *и-влияние одних вопросов на другие*. Решить эту проблему поможет перекрестная проверка.

При выборе вопроса важное значение также имеет *правильный выбор шкалы*. Наиболее понятная как для респондента, так и для молодого социолога – номинальная шкала. Но в настоящий момент большинство исследований ориентировано на порядковую шкалу ввиду большого разнообразия ее применения, хотя и в ней кроются свои сложности. Например, продолжается оживленная дискуссия по поводу *использования средней точки в шкале оценок (midpoint)*. На основе данных исследований С. Прессора автор указывает, что наличие среднего пункта существенно влияет на распределение ответов в исследовании. Не менее актуальным вопросом является включение в шкалу варианта «затрудняюсь ответить». В данном случае социологу надо постоянно опираться на цели и задачи своего исследования и исходя из этого выбирать наиболее оптимальный вариант.

Внешние проблемы. М. Ф. Черныш обращает внимание и на такие важные моменты при конструировании анкеты и составлении вопросов как: *компетенция респондента; конформность и социальная желательность респондента; стереотипы и предрассудки респондента*.

Необходимо учитывать компетентность респондента при составлении вопросов, обращенных в прошлое, к определенным историческим событиям. Социолог должен понимать, что имеет дело с памятью респондента – воспроизводством (а в ряде случаев конструированием) информации. Логично ориентироваться не только на память и воспоминания, но и на факты (документальное подтверждение, опрос других респондентов). Тем самым выявить «актуализированное» и «очищенное» от наслоений современности прошлое (с. 128–129). Молодому социологу, выходящему в поле в начале своего пути, будет сложно определять компетенцию респондента. Это может прийти только с опытом, когда исследователь уже научится отличать, в каких случаях респондент в ответах ориентируется на собственный опыт, в каких на мнение родных, друзей, а где имеет место влияние СМИ, ТВ, Интернета.

Конформность и социальная желательность индивида может также стать проблемой при конструировании анкеты. Проблема конформности выражается «в стремлении людей вести себя в соответствии с нормой» и скрыть ту часть своих размышлений, которая не соответствует взглядам большинства (с. 153–154). В свою очередь конформное поведение выливается в проблему «*социальной желательности*», подразумевающая потребность людей в одобрении со стороны окружающих. Особенно остро проблема социальной желательности проявляется в электоральных исследованиях, где «происходит многократное искажение реальной картины, которое

заставляет исследователей придумывать вариант, с помощью которого можно было бы приблизить результаты к реальной структуре голосования» (с. 168). Поэтому автор книги предлагает использовать методы, помогающие смягчить описанные факторы: избегать общих вопросов, снижать уровень их персонализации; использовать проективные и косвенные вопросы; ориентироваться на неравнозначные варианты ответов; формулировать четкие вопросы, не усложненные внедрением в них дополнительных смыслов (с. 159–163).

Отдельной проблемой является желание индивида закрыться, скрыть свои убеждения, особенно если они отличаются от мнения властной элиты («спираль молчания» Э. Нойман), что может отрицательно сказаться на достоверности полученных данных. На примере волны антитрампиистских настроений в либеральной части американского общества, Черныш показывает, как формируется «спираль молчания» за счет социальных медиа. И это новые формы социального давления, с которыми приходится считаться современным исследователям. В качестве решения проблемы, по мнению автора, вполне оправдано жертвование некоторыми строгими правилами репрезентации выборки (например, вместо использования случайного вероятностного отбора респондентов, проводить уличный опрос без четкой идентификации) (с. 178–179).

При конструировании анкеты и ее вопросов, необходимо учитывать *стереотипы и ценности респондента*, различия между его вербальным и реальным поведением. В связи с чем, как отмечает М. Ф. Черныш, следует быть осторожнее с «программирующими» вопросами, а также вопросами, носящим оценочный характер, вытекающие из личного опыта и представления (с. 171).

Весомым камнем преткновения в конструировании анкеты, являются «чувствительные» вопросы, к которым автор относит: гражданское и политическое поведение; нравственные принципы; уровень доходов, а также вопросы, связанные с противоправным поведением респондентов. На примере вопросов об уровне доходов М. Ф. Черныш демонстрирует тонкую грань между желанием респондентов открыться и построением шкал. Так, например, в России «зарплаты «в конвертах», побочные, «левые» заработки, «коррупционная рента» в совокупности «превращает доход в потаенную область жизни» из-за чего респондент может быть не готов дать достоверную информацию. В данном случае автор акцентирует внимание на том, что не следует требовать от респондента раскрытия точных доходов, а лучше включать более абстрактные понятия: «хватает только на покупку средств первой необходимости», «хватает на приобретение техники» и т. п. Но и эти возможности, активно используемые в исследованиях, не всегда отражают реалии. Решение проблемы, связанной с использованием нежелательных вопросов, кроется в правильной постановке вопросов, о чем говорилось ранее, а также комбинировании «порядковых и количественных шкал, «объективных» данных и субъективных оценок» (с. 194–196).

Организационная часть

Получение надежной информации во многом зависит от уровня доверия респондента к какой-либо организации, которая проводит исследование, и к конкретному интервьюеру или исследователю. В первую очередь необходимо установить доверительные отношения между интервьюером и респондентом, заверить его в анонимности участия. Не менее важным моментом является сохранение логики построения вопросов, их взаимосвязи между собой, что помогает респонденту делиться своим мнением. Однако в ходе процесса сбора первичных данных возникают ситуации, когда приходится нарушать логику опроса, иногда это происходит непроизвольно в методических соображениях, а иногда в угоду интересам заказчика. Так, например, М. Ф. Черныш отмечает, что «и частный заказчик, и СМИ склонны больше доверять результатам, базирующимся на больших выборках, и зачастую не готовы принимать логику “честного исследователя”, стремящегося к точности» (с. 121). Социологи, проводя опрос по заказу, порой вынуждены пренебрегать возможностью фильтрации респондентов для быстрого, но некачественного исследования. Еще одной проблемой, по мнению автора, выступает активное использование заказчиками альтернативных вопросов в анкете в целях манипуляции респондентом (намеренно склоняя его к выбору только одной из полярных позиций). Такой подход способствует некой экономии ресурсов, но в то же время может привести к неточным и неверным интерпретациям. В любом случае, несмотря на возникающее давление, исследователю необходимо обозначить свое профессиональное мнение по поводу проведения опроса, однако следует и прислушиваться к доводам заказчика. Необходимо учитывать не только бюджет и его требования, но и ограничения по времени проведения исследования, выбранному методу и инструменту.

Выводы

Создание инструмента социологического исследования – сложный процесс, состоящий из нескольких взаимосвязанных этапов. Идеальное решение проблем – это логическое построение процесса исследования от создания теоретической базы до применения ее на практике.

Проведение любого социологического исследования таит в себе массу трудностей, с которыми отчасти поможет справиться рассматриваемая работа. Можно отметить, что монография представляет собой комплексный анализ инструментов теоретического и эмпирического конструирования массового опроса и тем самым заслуживает внимание. В свою очередь, рассматриваемая монография может быть полезна и интересна не только широкому научному сообществу, преподавателям и студентам, но и маркетологам, поскольку: «маркетинговые исследования подчиняются тем же правилам, что и академические проекты» (с. 204), и, на наш взгляд, знакомство с представленным трудом несомненно положительно скажется на качестве их работы.

Социолог – многогранная личность. Он совмещает в себе не одну роль (исследователь, респондент, заказчик) и должен обладать критическим мышлением, уметь мыслить аналитически, математически-статистически (как бы ни старались студенты уйти от математики, она является важной частью социологии). Существенное значение имеют и творческие способности исследователя, и в этой связи рассматриваемый труд кажется особенно актуальным. Предложенный автором инструмент проведения опросов, на наш взгляд, поможет исследователям развить необходимые навыки и профессионализм для проведения качественного и достоверного социологического исследования.

Библиографический список

1. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Прикладная социология: методология и методы: Уч. пос. М.: Альфа-М: ИНФРА-М, 2009. 416 с.
2. Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А. Прикладная социология: Уч. пос. М.: Гардарики, 2006. 176 с.
3. Коломиец В. П. Исследовательская проблема как ключевой аспект научных публикаций в социологическом журнале // Социологические исследования. 2024. № 3. С. 3–14. DOI: 10.31857/S0132162524030014; EDN: BPHROV.
4. Левченко Н. В., Роговая А. В. Кинематограф как предмет социологической рефлексии: анализ научных публикаций // Вестник Института социологии. 2024. № 4. С. 303–323. DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.15; EDN: DKCUDX.
5. Методология и методы социологического исследования: учеб. / Под ред. В. И. Дудиной, Е. Э. Смирновой. СПб.: СПбГУ, 2014. 388 с.
6. Рогозин Д. М. Фабрики «темных» ответов, или четыре негативных свойства современных опт-ин онлайн-панелей // Социология власти. 2018. Т. 30. № 3. С. 38-53. DOI: 10.22394/2074-0492-2018-3-38-53; EDN: YMCUPJ.
7. Черныш М. Ф., Демиденко С. Ю. Задача социологов – приносить порядок в хаос (интервью С. Ю. Демиденко с чл.-корр. РАН М. Ф. Чернышом) // Социологические исследования. 2024. № 7. С. 37–47. DOI: 10.31857/S0132162524070059; EDN: IUUBJQ.
8. Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. 3-е изд., испр. М.: Омега-Л, 2007. 567 с.

Получено редакцией: 15.03.25

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Левченко Наталья Валерьевна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник

Роговая Анастасия Владимировна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник

DOI: 10.19181/vis.2025.16.1.12

A Young Sociologist's Guide

Natalya V. Levchenko

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

nataya_levchenk@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9052-7900

Anastasia V. Rogovaya

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

av_rogovaya@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7982-3696

For citation: Levchenko N. V., Rogovaya A. V. A young sociologist's guide. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 1. P. 209–218. DOI: 10.19181/vis.2025.16.1.12; EDN: VNSWAY.

Abstract. The recently published work by M. F. Chernysh has given rise to reflections on the conduct of modern mass sociological surveys and the problems that researchers face. On the one hand, the work serves as a kind of guide for a sociologist, where the main directions of theoretical ideas are briefly outlined, harmoniously combined with their practical use. And on the other hand, it shows the logic of constructing a study from beginning to end (that is especially useful for young scientists), and also raises a number of key issues that accompany almost any study.

Understanding the presented monograph allowed the authors to come to some generalisations about the specifics of modern features of the methodological, methodical and organisational (procedural) parts of the study, as well as the complexity of their interrelationship. In this work, we have identified a number of problems that the author raises at three levels of conducting sociological research: theoretical (methodological part); methodical (including the field stage) and organisational (organisational part). Based on our research experience and teaching practice on this topic, we have identified and supplemented the problems that researchers and students face when implementing their research projects at the theoretical and empirical stages.

Keywords: mass survey, methodology, methodological, theoretical reflection, instrument construction, logic

References

1. Gorshkov M. K., Sheregi F. E. *Prikladnaya sociologiya: metodologiya i metody* [Applied sociology: methodology and methods: A textbook]. Moscow, Alfa-M: INFRA-M, 2009: 416 (in Russ.).
2. Zborovsky G. E., Shuklina E. A. *Prikladnaya sociologiya* [Applied sociology: A textbook]. Moscow, Gardariki, 2006: 176 (in Russ.).
3. Kolomiets V. P. Research problem as a key aspect of scientific publications in a sociological journal. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2024: 3: 3–14 (in Russ.). DOI: 10.31857/S0132162524030014; EDN: BPHROV.
4. Levchenko N. V., Rogovaya A. V. Cinema as a Subject of Sociological Reflection: Analysis of Scientific Publications. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024: 15: 4: 303–323 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.15; EDN: DKCUDX.
5. *Methodology and methods of sociological research: textbook*. Ed. by V. I. Dudina, E. E. Smirnova. St. Petersburg, St. Petersburg State University, 2014: 388 (in Russ.).
6. Rogozin D. M. “Dark Answer” Factories or Four Negative Features of Modern Opt-in Online Panels. *Sociologiya vlasti*, 2018: 30(3): 38–53 (in Russ.). DOI: 10.22394/2074-0492-2018-3-38-53; EDN: YMCUPJ.
7. Chernysh M. F., Demidenko S. Y. The task of sociologists is to bring order to chaos (interview with RAS corresponding member M. F. Chernysh). *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2024: 7: 37–47 (in Russ.). DOI: 10.31857/S0132162524070059; EDN: IUUBJQ.
8. Yadov V. A. *Strategiya sociologicheskogo issledovaniya*. Opisaniye, obyasneniye, ponimaniye socialnoy realnosti [Strategy of sociological research. Description, explanation, understanding of social reality]. 3rd ed. Moscow, Omega-L, 2007: 567 (in Russ.).

The article was submitted on: March 15, 2025

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Natalya V. Levchenko, Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher

Anastasia V. Rogovaya, Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher

ВЕСТНИК *Института* **СОЦИОЛОГИИ**

СЕТЕВОЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ЭЛ № ФС 77 - 73108 от 9 июня 2018 г.

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5

Главный редактор:

Михаил Константинович Горшков

Заместители главного редактора:

Ольга Владимировна Аксенова,
Полина Михайловна Козырева

Ответственный секретарь: Кирилл Викторович Подъячев

Заведующая редакцией: Анастасия Владимировна Роговая

Разработка программного обеспечения: IT-Центр ИС ФНИСЦ РАН

Макет: Ольга Викторовна Березная

Компьютерная верстка: Ильдар Мансурович Ситдинов

Журнал «Вестник Института социологии» включен
в базу РИНЦ, перечень ВАК – категория К1, индексируется WoS RSCI

Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.
Плата за публикацию с авторов не взимается

Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает точку зрения
редакции. При перепечатке материалов ссылка на журнал
«Вестник Института социологии» обязательна.

2025. Том. 16. № 1. Дата выхода в свет 31.03.2025.

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5

Тел.: 8 499 125-00-79. E-mail: vestnik@isras.ru

Размещение журнала: <https://www.vestnik-isras.ru>